

Илья Докучаев

PERSONA GRATA

**КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ В ЛИЦАХ**

КНИГА-ИНТЕРВЬЮ

Публикуется в связи с 55-летием со дня основания КнАГТУ.

Комсомольск-на-Амуре
2010

УДК 3+801+796
ББК 95.4+87+71+74
Д 38

Д 38

Докучаев И. И. Persona grata. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет в лицах: Книга-интервью / И. Докучаев — Комсомольск-на-Амуре: ГОУВПО «КНАГТУ», 2010. — 210 с.
ISBN 978-5-7765-0854-7

В книге собраны 27 интервью с преподавателями и студентами Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, взятыми у них с 2004-го по 2010-й год и опубликованными в газете «Университетская жизнь в КНАГТУ», кроме того, она содержит ряд статей о подразделениях и организациях университета, а также о перспективах развития отечественного образования и 3 интервью автора, данных журналистам различных газет Комсомольска-на-Амуре и Хабаровского края. Публикуется в связи с 55-летием со дня основания КНАГТУ.

ББК 95.4+87+71+74

© Докучаев И. И., 2010
© Государственное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет», 2010
ISBN 978-5-7765-0854-7

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	5
ВВЕДЕНИЕ. Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет: Мы создаем интеллектуальный потенциал города	7
ГАЛЕРЕЯ СЛОВЕСНЫХ ПОРТРЕТОВ	10
Валентин Иванович Аксенов.....	10
Николай Арабкин	14
Виктор Порфирьевич Баженов.....	20
Александр Викторович Бобков	25
Элеонора Александровна Васильченко	31
Ольга Борисовна Горобец.....	35
Эдуард Анатольевич Дмитриев	39
Лев Николаевич Долгов	45
Алексей Иванович Евстигнеев	51
Илья Зайченко	53
Юрий Георгиевич Кабалдин	58
Александр Витальевич Космынин.....	63
Геннадий Степанович Кочегаров	67
Ульяна Крикливая. Год Ужа	71
Анатолий Романович Куделько	77
Виктор Владимирович Литовченко	89
Борис Николаевич Марьин	96
Татьяна Евгеньевна Наливайко.....	100
Александр Георгиевич Никитин.....	104
Александр Иванович Олейников.....	108
Геннадий Дмитриевич Седельников	112
Борис Михайлович Соболев	115
Анатолий Николаевич Степанов	118
Ирина Павловна Степанова.....	122
Николай Алексеевич Тарануха.....	130
Татьяна Алексеевна Чабанюк	137
Анатолий Михайлович Шпилев	140
УНИВЕРСИТЕТ ИЗНУТРИ И ВОВНЕ.....	151
Институт новых информационных технологий. Интервью с директором Анатолием Михайловичем Шпилевым	151
Представительство ИНИТ КНАГТУ в городе Николаевске-на-Амуре	157
Владимир Валентинович Высоцкий	160
Филиал КНАГТУ в поселке Ванино.....	164
Александр Леонидович Орлов	166

Социально-гуманитарный институт.....	170
Нижеамурский университетский образовательный округ.....	174
Попечительский совет.....	177
ПОСЛЕСЛОВИЕ. Несколько вопросов к автору.....	180
Слово о сущем. Интервью газете «Ваше право», беседу вела журналист Лариса Кохан.....	180
Я коллекционирую смыслы жизни. Интервью газете «Моя газета», беседу вела журналист Ирина Харина.....	189
Индустриальному центру — классический университет. Интервью газете «Известия», беседу вел журналист Сергей Мельниченко.....	192
Дистанционные технологии в сфере высшего гуманитарного образования: Зарубежные образцы и отечественное восприятие.....	199
Шесть принципов Болонской декларации и Российское образование.....	204

ПРЕДИСЛОВИЕ

Комсомольскому-на-Амуре государственному техническому университету исполняется 55 лет. Это не круглый юбилей, отмечаемый широко и торжественно, но тоже дата, заслуживающая внимания, обращенного на юбиляра. Это повод вспомнить историю университета, его достижения и проблемы, задачи и перспективы. Я приехал в Комсомольск-на-Амуре из Санкт-Петербурга тринадцать лет назад. На моих глазах университет рос и превращался в одного из лидеров дальневосточного образования. Это были времена постоянного стремления к совершенствованию основной деятельности университета — подготовки кадров для региональной экономики. Субъектами этой деятельности были люди, коллектив преподавателей, сотрудников и студентов университета. Историю можно писать по-разному. Иногда она бывает говорящей. В этой книге я попытался показать, как история университета может сама рассказать о себе голосами тех, кто ее творил.

Шесть лет назад усилиями коллектива единомышленников, в который входили Ульяна Крикливая, Алексей Павленко, Алексей Ларин, Екатерина Иващенко, Ксения Елисеева (приношу свои извинения, если назвал не всех) и автор этих строк, а также администрации университета в лице ректора Юрия Георгиевича Кабалдина, была воссоздана газета КНАГТУ «Университетская жизнь». В течение всего этого времени на ее страницах печатались интервью с наиболее интересными людьми университета. Рубрика «Persona Grata», в которой они были опубликованы, оказалась единственной из многих, сохранившейся от начала выхода газеты до последнего времени. Почти в каждом номере я беседовал с тем или иным человеком. Двадцать семь интервью, из которых двадцать четыре с преподавателями и три со студентами, собраны в этой книге. Кроме того, я позволил себе дополнить эти интервью шестью статьями о различных подразделениях и организациях, существующих в университете и вокруг него и дополняющих его облик. Три из этих материалов также сопровождаются интервью с руководителями соответствующих структур. Наконец, последний раздел включает три интервью, которые я сам дал журналистам различных газет города и региона, и две статьи, опять-таки опубликованные в газете «УЖ» и посвященные ряду проблем и перспектив развития отечественного образования. Эти материалы позволяют лучше понять мою собственную позицию как ученого и журналиста, на основании которой я задавал свои вопросы другим людям.

Многие из представленных материалов содержат сведения, которые уже устарели. Некоторые из подразделений университета, о которых идет речь, перестали существовать. Но я сохранил все это в книге, и сде-

лал это потому, что она является документом и частью той самой истории, о которой мы вспоминаем. История никогда не предстает в готовом виде, она никогда не оказывается современной и вполне понятной, но вместе с тем всегда интересна лишь тем, кто живет здесь и сейчас. Герои этой книги говорят о нашем университете, об отечественном и зарубежном образовании, о нашем городе и регионе, о России и своей личной жизни. Редактировать этот бесконечный разговор нельзя, ибо он продолжается и никогда не будет завершен. Поэтому я лишь убрал из интервью то, что уже никому и никогда не станет понятным. Мне остается только поблагодарить всех тех, кто согласился стать героями этой книги, а также уверить тех, кто не стал ими, но был, безусловно, достоин этого, что в ее следующих частях, — на появление которых я очень надеюсь, — место обязательно найдется и для них.

Сентябрь 2010 года

ВВЕДЕНИЕ

КОМСОМОЛЬСКИЙ-НА-АМУРЕ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ТЕХНИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ: МЫ СОЗДАЕМ ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ГОРОДА

История любого города связана с университетом теснейшими узами. Университет — одно из начал города. Древнейшие города были центрами торговли и ремесел, религиозных традиций и власти. Это переплетение видов человеческой культуры всегда требовало накопления и передачи знаний и умений. Университет и школа были формами осуществления подобных требований.

Комсомольск-на-Амуре — город удивительной судьбы. Он создавался как образец новой советской культуры, место для воплощения в жизнь идеалов советского общества и человека. Вместе с тем это город, существование которого должно было стать способом решения и более конкретных исторических задач. Дальний Восток отечества нуждался в защите и развитии. Советское государство нуждалось в военной промышленности. Комсомольск стал ответом на обе потребности. Безусловно, проект не вполне соответствовал получившейся реальности. Зачастую новая городская культура была менее похожа на советские образцы или запаздывала в сравнении с аналогичными явлениями центральных городов Советского Союза, но свои конкретные задачи — осваивать Дальний Восток и развивать военно-промышленный комплекс — город выполнил. Комсомольск стал крупным геополитическим и военно-промышленным городом Дальнего Востока России.

В таком городе, как Комсомольск, явившимся центром советской модернизации, не могло не быть университета. И он появился через 23 года после основания города. Как университет, ориентированный на нужды города, КНАГТУ (а во времена своего появления — КНАВПИ) естественно стал техническим учебным заведением. Строительство самолетостроительного и судостроительного заводов, механическая и топливно-энергетическая среда, необходимая для их работы, потребовали и соответствующей структуры специальностей технического университета. Все развитие университета в советский период его существования было откликом на развитие военно-промышленной сути Комсомольска-на-Амуре.

Постсоветский период существования города связан с кризисом его главных предприятий, поиском новых путей организации деятельности жителей. И университет стал одной из важнейших социальных структур, позволявших найти эти пути, выйти из кризиса. Была открыта подготовка

специалистов в области экономики, юриспруденции, культурологии, истории, программистов и специалистов в области электроники, менеджеров и лингвистов, дизайнеров и экологов. Кризис военно-промышленной сути города не привел к его гибели, но стал мощным стимулом его всестороннего развития, которому вполне отвечало и содействовало развитие КНАГТУ.

За время работы университет дал городу и краю свыше 25 тысяч специалистов, среди которых губернатор Хабаровского края В. И. Шпорт, руководители крупных предприятий (В. И. Меркулов, Н. Г. Повзык), депутаты законодательных собраний различного уровня, крупные ученые. Сегодня в университете обучается более 12 тысяч студентов, работают более 50 профессоров и докторов наук, более 250 доцентов и кандидатов наук. В университете имеется 14 факультетов и институтов, 41 кафедра, на которых ведется подготовка более чем по 100 учебным программам, открыта аспирантура по 35 и докторантура по 5 специальностям.

Университет проводит широкие маркетинговые исследования с целью повышения качества своих образовательных услуг, более полного удовлетворения запросов региона в специалистах того или иного профиля и уровня. В университете созданы Центр карьеры, Департамент профориентации абитуриентов и набора на первый курс. Постоянно открываются новые направления подготовки. Развивается концепция непрерывного многоуровневого образования. К уже существующему политехническому лицу, в котором школьники, готовясь стать студентами вуза, получают профильное общее среднее образование, добавился Центр рабочих профессий, предлагающий начальное техническое образование, началась подготовка учащихся по программам среднего образования. Существуют разнообразные формы повышения квалификации и переподготовки кадров, а также программы дополнительного образования. Образовательные траектории региональных средних учебных заведений, с которыми сотрудничает университет, скорректированы таким образом, что его выпускники могут продолжить свое обучение на старших курсах университета.

В течение всего времени своей деятельности КНАГТУ был не только учебным центром, но и местом становления человеческих личностей. Университет всегда предоставлял условия для реализации талантов своих студентов, на которые щедра молодость. Спортсмены, обучавшиеся в университете известны на весь мир. Достаточно упомянуть греко-римских борцов, подготовленных В. К. Стручковым, или чемпионку мира по спортивному ориентированию А. Кравченко. Особой гордостью университета является мужской хор, команда КВН, танцевальные коллективы.

Под руководством ректора КНАГТУ Ю. Г. Кабалдина университет стал крупным инновационным центром. Были созданы Технопарк и Центр

энергосбережения, Центр газонапыления. Сегодня созданы Центр математического моделирования, Центр нанотехнологий, Центр социально-экономических и гуманитарных проблем. Началась подготовка специалистов технического профиля с углубленным знанием иностранных языков. Ряд программ получили аккредитацию международных профессиональных сообществ. Нельзя не отметить и тот факт, что КНАГТУ — единственный вуз хабаровского края, в котором сохранена Военная кафедра. В 2000 году под руководством нынешнего ректора КНАГТУ А.М. Шпилева был создан Институт новых информационных технологий, в котором разрабатываются современные методы подготовки студентов. На основе этих разработок были открыты представительства КНАГТУ в Николаевскена-Амуре, Хабаровске, Южно-Сахалинске, Амурске, Солнечном, филиал в поселке Ванино. Сегодня это целая сеть, охватившая весь северо-восток края. В КНАГТУ ведется подготовка аспирантов и докторантов, открыты советы по защите кандидатских и докторских диссертаций. Деятельность руководства университета направлена на поддержку профессионального роста его преподавателей.

КНАГТУ стремится соответствовать лучшим международным стандартам образования, он активно готовится к внедрению в свою работу основных принципов Болонской декларации (началось внедрение система кредитных единиц, происходит диверсификация образовательных траекторий), его достижения в области машиностроения и материаловедения отмечены правительством Российской Федерации как одни из лучших в стране. Налаживаются контакты по обмену студентами и профессиональным опытом с университетами Китая, Южной Кореи, Канады, США, Германии. Несколько лет назад университет получил сертификат соответствия своей системы менеджмента качества образовательной деятельности международным стандартам ИСО 9100.

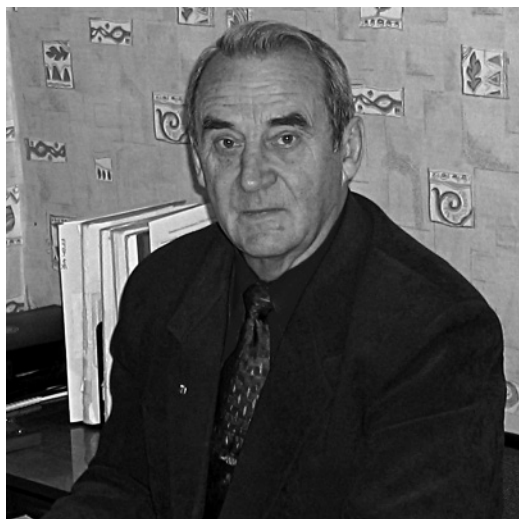
Все это позволяет заключить, что сегодня КНАГТУ — не только неотъемлемая часть города и кузница его кадров, но его подлинный интеллектуальный центр, имеющий значение, выходящее далеко за пределы не только города, но и края.

**Проректор по связям с общественностью КНАГТУ
И. И. Докучаев**

ГАЛЕРЕЯ СЛОВЕСНЫХ ПОРТРЕТОВ

ВАЛЕНТИН ИВАНОВИЧ АКСЕНОВ

Сегодня мы беседуем с председателем профсоюзного комитета нашего университета, который в декабре отметил свое семидесятилетие¹. Редакция газеты «Университетская жизнь» и администрация КНАГТУ поздравляет юбиляра с этим событием и желает дальнейшей плодотворной работы на одном из важнейших для всего нашего коллектива ее участков.

— Расскажите, пожалуйста, о себе, когда и где Вы родились, как прошло Ваше детство и юность, и как Вы попали в Комсомольск-на-Амуре.

— Я коренной дальневосточник, родился в Спасске, 20 декабря 1935 года. Отец был военный — объездили с ним весь Приморский край. В 1943 погиб мой отец и его брат настоял, чтобы мы переехали в Новосибирск. У матери было трое детей. Было очень трудно, даже в Приморье было спокойнее и сытнее. Мне хотелось быть моряком, мечтал окончить школу и поступить в речное училище. Но по конкурсу не прошел. И вот иду по городу и вижу объявление о приеме в техникум физической культуры тех, кто не прошел по конкурсу в другие учебные заведения. Вот я туда и поступил. Случайность, а определила всю мою судьбу. Жил я от техникума далеко, но каждый день ездил на занятия, а в группе со мной учились бывшие фронтовики, перед ними всегда было неудобно за любой проступок. Окончил и опять собрался в морское училище. Но диплом мне из техникума выдали в тот же день, что был и первым днем вступительных экзаменов. Опять я опоздал. В 1954 году пошел просто служить на флот. И школа там тоже была приличная, служил я долго — четыре года, но об этом времени несколько не жалею. Базировались мы во Владивостоке, Советской гавани. Я еще со школы увлекся немецким языком, учителя были немцами в Новосибирске (процентов 70 от общего количества). В техникуме с языком было плохо, а на флоте я всегда чи-

---

¹ Интервью записано в январе 2006 года.

тал немецкие газеты. Я занимался стенографией, был членом корабельного комитета комсомола, ну и перед демобилизацией предложили мне поступать в институт международных отношений. А я только письмо получил от матери, давно она меня уже не видела и просила вернуться, помочь. Сестра подрастала, нужен был мужчина дома. И вот я отказался от МГИМО. Показалось мне еще шесть лет на учебу потратить — много. А потом пришлось те же годы учиться в Хабаровском педвузе, на физкультурном факультете. Там же — в Хабаровске — поселилась и моя семья. Поступил на дневное, а потом перевелся на заочное отделение. Стал работать на заводе «Энергомаш» инструктором. А когда окончил первый курс института, пошел в крайоно и попросился куда-нибудь отправить физруком. Выбрал школу в Чумикане. В 1959 году я приехал с молодой женой туда работать. Приняли меня хорошо, даже два мешка картошки дали. Зарплата, правда, низенькая была, но я всегда детей любил и работе отдавался полностью. Там учились наши теперешние коллеги: Стручков, Игнатьев. Приятно сказать, что это мои ученики. Через три года избрали меня первым секретарем Тугуро-чумиканского районного комитета комсомола. Но я все равно детей не оставлял, как только каникулы начинались, ходили мы в походы. В 1964 году мне повезло: проводились тогда Олимпийские игры в Японии и я в составе делегации ЦК Комсомола туда был командирован. В 1966 году я опять ушел в школу, к детям тянуло, даже от работы в крайкоме комсомола отказался. В 1967 году переехал в Советскую гавань, тоже в школу пошел учителем физической культуры. А в 1969 стал работать в горкоме партии инструктором, председателем партийной комиссии, заведующим орготделом, и так проработал девять лет. Предложили мне повышение, но я отказался. В 1978 году ушел опять в школу уже директором, в Советской гавани, и отработал там почти пять лет. В 1982 году приехал в Комсомольск, хотел сначала в школе работать, но потом пригласили в институт на кафедру физвоспитания. Это была новая работа, пришлось осваивать совершенно особые условия, даже стаж мой прежний не учитывался, как будто только что институт окончил. А потом пришел новый ректор — В. М. Власенков — и он вместе с парткомом института предложил мне поработать председателем профсоюзного комитета. И вот, с 1984 года в течение уже 21 года я председатель профсоюзного комитета КНАГТУ.

— **Теперь расскажите, пожалуйста, о Вашей работе на посту председателя профкома.**

— Занимался я сначала жилищными вопросами, проблемами оздоровления наших сотрудников, помогал общественным организациям института (культурно-массовому сектору, кружкам, самодеятельности, спортивным клубам, организации огородных хозяйств и дач: у нас было 400

человек-огородников), решал конфликты членов коллектива с администрацией. Я старался, а в ответ были не только благодарности, но и подчас обиды. Но только по жилищному вопросу я помог 60-ти сотрудникам, которых выбросили из списков очередников на получение квартир. И на конференции, когда меня избирали на второй срок, было жарко. Но результаты оказались налицо, поэтому я был избран и на второй, и на третий, и на четвертый срок. С каждым разом критики становилось все меньше. Люди уже хорошо знали меня. Ведь постарел вместе с моим коллективом. У нас, например, в два, в три раза всегда превышались нормы расходов на оздоровление сотрудников. Члены профкома — представители структурных подразделений университета — со мной тоже работали по десять — по пятнадцать лет, работу знали хорошо.

— **А чем отличалась работа профсоюза в советское время и теперь?**

— В те времена было проще. Денег государство выделяло на нашу работу много. А теперь только помощь университета, его внебюджетные средства, и взносы наших членов. Женщин с детьми на работу перестали принимать в некоторых учреждениях, а не то что помогать молодым матерям. У нас даже была попытка прекратить существование профсоюза. Много людей покинуло профсоюз. Но в этой ситуации мы выжили, и сейчас у нас много членов, почти все руководители среди них, мы постоянно заботимся об оздоровлении сотрудников и их детей, почти вышли на советский уровень расходов на это. Ректорат нам в этом здорово помогает. На нынешний Новый год проводилась 22-я елка в театре для детей наших сотрудников. Мы дарим всем им подарки.

— **Советская система сводила роль профсоюза фактически к касе взаимопомощи, а приходилось ли Вам решать серьезные вопросы в то время, конфликтовать с администрацией?**

— Конфликты и тогда возникали. Людей необоснованно пытались уволить, мы заступались за них. Принимали участие в судах. 15-20 дел бывало за год. Работала и до сих пор существует комиссия по трудовым спорам. Сейчас-то и делить нечего, поэтому и конфликтов меньше.

— **А каковы Ваши взаимоотношения с нынешней администрацией?**

— Сложилось у нас хорошие взаимоотношения, на наши просьбы, как правило, реагируют доброжелательно. Притерлись уже друг к другу.

— **А что такое наш профсоюз сегодня?**

— У нас 640 сотрудников — членов профсоюза, это 65% от общего числа сотрудников университета. В профкоме только я один получаю зарплату, остальные его члены работают на общественных началах. Мы растем, в прошлом году нашими новыми членами стали 60 человек. Де-

лаем мы тоже, что и раньше. Почти все обращения удовлетворяем. Жилье, конечно, не можем приобретать, но предоставляем материальную помощь, бесплатное санаторно-курортное лечение, помогаем проводить культурно-массовые и спортивные мероприятия.

— **Какую, на Ваш взгляд, роль должен выполнять сегодня профсоюз?**

— Защищать, как всегда, интересы своих членов. Везде все зависит от руководителя, и даже если он очень хорош, его интересы не всегда совпадают с интересами сотрудников, и профсоюз должен их защищать в пределах закона. Мы вот пока еще ни разу не дали своего согласия на необоснованное увольнение сотрудников.

— **А есть ли сегодня реальная власть у профсоюза?**

— Мы не участвуем в управлении университетом. Однако в порядке судебного разбирательства можем вмешаться. Но до этого мы в последние годы не доходили. Наш авторитет и наша работа убеждают администрацию в том, что лучше решить все вопросы по закону, не доводя до суда.

— **Каковы ваши взаимоотношения с другими профсоюзами?**

— Мы входим в состав городского и краевого комитета профсоюза, я работаю в совете председателей профкомов, которые нам помогают, проводят консультации, они в состоянии помочь решить вопрос и в случае конфликта с администрацией, их авторитет уважают иногда больше моего.

— **Какие у Вас дальнейшие творческие планы?**

— Год назад меня опять выбрали председателем профкома. У меня еще есть время поработать, и я хочу этого и готов пока делать свою работу хорошо, мне сложно представить себя простым пенсионером. Но я понимаю, что должен буду рано или поздно уйти, уже ищу приемника, присматриваюсь, обидно будет, если хорошо поставленную работу быстро погубят. У настоящего председателя профсоюза должно быть несколько черт: он должен быть принципиальным, коммуникабельным, деловым, но главное — он должен любить свою работу, и любить людей, интересы которых он защищает.

— **А что Вы любите делать, когда не заняты на работе?**

— Заниматься физической культурой, особенно, бегать на лыжах. Слежу за спортивными событиями: болею за наших. Люблю слушать радио. В большой компании я чувствую себя не в своей тарелке, люблю побыть один, подумать, особенно, когда плохая погода. В преддверии начинающихся зимних олимпийских игр в Турине душой буду там, буду вспоминать, как я был когда-то в Инсбруке на 12-х играх, в 1976 году.

— **Спасибо Вам, Валентин Иванович, за интересное интервью.**

НИКОЛАЙ АРАБКИН

Сегодня в нашей традиционной рубрике интервью с руководителем профкома студентов КнАГТУ². Николай Арабкин любезно помог нашей газете, предоставив возможность для ее верстки. Вот уже два года, как мы приходим в его кабинет и делаем номера, рассказывая о событиях и людях нашего университета. В этом кабинете каждый чувствует себя, как дома. Студенты всегда могут прийти сюда, им окажут правовую помощь, помогут с устройством

на сезонную работу. Но есть здесь и еще одна достопримечательность. Это многочисленные грамоты, дипломы, благодарности, сертификаты и аттестаты. На всех красуется имя Николая Арабкина. Он сам даже не смог сходу сказать, сколько наград уже получил. Мы не могли больше проходить мимо этого и сегодня раскрываем, по мере наших скромных возможностей, историю деятельности Николая Арабкина. Тем более, что совсем недавно — в конце ноября, — исполнилось три года, как он стал лидером студенческого профсоюзного движения. Но дело не только в успехах Николая, на наш взгляд, профсоюз — важнейшая организация в структуре студенческой жизни, поэтому просвещение в этой области первейшая задача нашей газеты.

— **Расскажите, пожалуйста, немного о себе.**

— Я родился в городе Комсомольске-на-Амуре в 1979 году. Учился в 165-й школе, которая за время моего пребывания там превратилась в гимназию с математическим уклоном. Проблем с математикой у меня никогда не было. Это я так считаю, а преподаватели считали по-другому. После девятого класса я провалил вступительные экзамены в десятый класс. Выгоняли всех, кто не хотел платить за обучение, придумывая аккуратные предлоги: например, отсутствие способностей учиться. Я рос в простой семье, и платить мы не могли, а учиться хотелось, вот и ушли меня из гимназии под официальным предлогом.

— **Видно, что с малых лет приходилось Вам бороться за интересы учащихся.**

---

2 Интервью записано в декабре 2006-го года.

— Да, как видите, постоянно я попадаю под разные прессы, но с честью выхожу из затруднительных положений. После школы пошел в металлургический техникум на электронщика. Но и здесь был у меня конфликт с администрацией в конце обучения. Правда диплом получил и поступил в университет, на ЭТФ, специальность — «Сервис бытовой радиоэлектронной аппаратуры». Первые два года я регулярно представлялся к отчислению, причем, опять-таки считаю: это не потому, что я дурак, а потому, что не могу найти контакта с вышестоящими, привык защищать свои права и права других, а таких людей у нас не любят. Но энергии у меня много, и справиться со мной не удалось. Я закончил университет и поступил в аспирантуру на кафедру Материаловедения. А параллельно закончил еще один факультет, ФЭМ, специальность — «Финансы и кредит». Аспирантуру, правда, достойно пока закончить не удалось. Пришлось зарабатывать, появилась семья. Помогать было некому, кроме себя самого. Мне очень неудобно перед людьми, которые в меня верили, и которым я обещал написать диссертацию, но пока не получается выполнить свои обещания, хотя надежд я на это не теряю. Мне это не надоело, мне это очень интересно, просто пока не было времени завершить работу. Порой случалось так, что придешь с двух работ домой, и даже ботинки нет сил снять. Общественная деятельность не подразумевает вознаграждений, кроме собственного удовлетворения, а отнимает массу времени, поэтому я работаю и постоянной работы у меня нет, только временная (в основном — мелкий ремонт, но и извозом занимался, и другими вещами — руки и голова у меня есть), и такой работы требуется много, чтобы что-то получить, а сплю уже столько, сколько от всей этой деятельности остается, как правило, — около трех часов в сутки.

— **Зачем же тогда так много заниматься общественной работой, что она для Вас значит?**

— Общественная работа — это перспектива. Благодаря ей тебя знают люди. Это перспектива не только для меня, но и для студентов нашего профсоюза, которым после окончания университета благодаря тому, что они уже хорошо известны в городе, легче устроиться на престижную работу. Сегодня в городе крупное производство не дает гарантий обеспеченной жизни. Приходится быть мобильным. Да и не могу я на одном месте усидеть: энергии слишком много.

— **Мы знаем, что Профком студентов КНАГТУ — не единственное место приложения Ваших общественных усилий, чем еще Вы занимаетесь?**

— В 2004 году стал начальником штаба студенческих отрядов города Комсомольска. В том же году был делегирован от университета в Молодежную общественную палату при Законодательной Думе Хабаровского

края, где был избран заместителем председателя комиссии по развитию парламентского движения и членом совета. Сейчас новый состав совета палаты, поэтому я сегодня просто обычный ее член. В прошлом году существовал студенческий совет при отделе по делам Молодежи администрации города, я был его председателем. Но сегодня совет перестал существовать.

— Теперь по порядку расскажите обо всех должностях. Сначала о профсоюзе студентов, пожалуйста.

— Первичная профсоюзная организация студентов КНАГТУ под моим руководством уже более трех лет. Когда я принял должность, в составе этой организации было 136 членов, на данный момент у нас более 1300 членов. Цифра небольшая в сравнении с количеством студентов ВУЗа или с количеством членов профсоюза других ВУЗов, но мой принцип работы таков, что лучше меньше, да лучше. Меня за это постоянно ругают, но я от своего понимания целей и задач профсоюза не отступаю. У нас люди делают свой выбор — вступать или не вступать в профсоюз — осознанно, никто их туда не загоняет. Основная задача профсоюза — это защита социальных и правовых интересов студентов, начиная от проблем проживания в общежитии и заканчивая академическими задолженностями. Зачастую студенты приходят в профсоюз, когда у них уже назрела какая-то неотложная проблема, а мы имеем возможность ходатайствовать перед администрацией университета за них, если находим для этого достаточное основание, то есть мы делаем это, если у нашего подопечного нет серьезных нарушений дисциплины и выполнения учебного плана работы. Другими словами, если человек нормально учится, но видит предвзятое отношение к себе, мы готовы ему помогать, прогульщиков и разгильдяев мы не покрываем. Кроме этого, мы организуем различные мероприятия воспитательного характера, пытаемся привлечь к этому как можно больше студентов. Недавно мы проводили одно из них — «Посвящение в студенты»: пришлось организовать концерт, найти для этого спонсоров. На новый год всем беременным студенткам и имеющим детей дарим подарки. Это, конечно, касается только членов профсоюза. К сожалению, у нас мало средств для планирования нашей работы, поэтому по мере их поступления мы и организовываем подобные акции. Остальные виды деятельности профсоюза нам пока недоступны, например, оздоровительная. Прежнее руководство профсоюза студентов показало себя не с лучшей стороны, и администрация университета нам не совсем, надеюсь, только временно, доверяет. За эти годы мы много сделали, чтобы улучшить репутацию профсоюза студентов. Наконец, мы участвуем и в политических мероприятиях, проводим протестные митинги, например, против известной отмены северных надбавок к студенческим стипендиям.

— **Удалось ли чего-нибудь добиться на этом пути?**

— Хотя бы того, что люди увидели себя не винтиками в чьих-то руках, а самостоятельными личностями, способными заявлять свою позицию. И об этой позиции узнали те, кому принадлежит власть. Если сидеть, сложа руки, вообще ничего сделаешь, надо хотя бы заявлять о своем безразличии к принимаемым правительством решениям, учиться бороться и побеждать, уметь это — главная цель, которую мы преследуем. И я могу сказать, что каждый член нашего профсоюза, вышедший тогда на митинг, понимал это, знал главное, ради чего он туда пришел.

— **Теперь давайте поговорим о стройотрядах, которые Вы организовываете. Какова их главная цель?**

— Стройотряды — дополнительная функция профсоюза, поскольку он занимается еще и трудоустройством студентов. Они пока работают только летом, но мы подготавливаем предложения для организации трудоустройства студентов и в течение учебного года. Если студент успевает учиться и ему нужно заработать, мы постараемся ему помочь в этом на условиях частичной занятости в течение дня, во время, свободное от учебных занятий. Это не всегда устраивает работодателей, но мы стараемся найти такие предложения, которые можно удовлетворить, используя гибкий график рабочего времени. Мы следим за качеством услуг, которые предоставляем, за дисциплиной, если кто-то позволяет себе ее нарушать, налагаем взыскания, вплоть до отчисления из отряда. Одним из основных наших правил является сухой закон, его нарушение подрывает доверие ко всему коллективу, чего нам бы очень не хотелось.

— **А много зарабатывают студенты в отрядах?**

— Зарплата — величина относительная. Если человек никогда больше двух тысяч не зарабатывал, а у нас получил пять, думаю, для него — это великое счастье. Я стараюсь так договариваться с работодателем, чтобы зарплата была сдельной, то есть равнялась объему выполненного труда и зависела от личной активности каждого студента. Если человек плохо отработал, он мало и получил, и наоборот. Однажды мне самому пришлось выполнить дневную норму работы (покоса, хотя до этого я никогда косилки в руках не держал) и показать всем, кто за тот же период заработал мало, что можно было получить в несколько раз больше.

— **А в нашем университете работают стройотряды для удовлетворения его нужд?**

— Нет. Наша администрация считает, что, если ты учишься в университете, ты должен работать на него бесплатно. А я так не считаю. Особенно неприемлема такая позиция в отношении коммерческих студентов. Если человек платит за учебу, да еще бесплатно работает на университет, не слишком ли это накладно? Кто будет обеспечивать его существование

и обучение? Родители? А если это самостоятельные люди, которые на шее у родителей не сидят? Они хотят заработать, и мы должны оплачивать их труд.

— **В этой связи хочется спросить: а в целом находите ли Вы взаимопонимание с администрацией университета?**

— Мы стараемся, но пока получается плохо. Я часто выхожу с предложениями, но меня редко поддерживают. Мне даже специалисты в подкованной политике говорят, приходи и попроси еще раз. Но я считаю, что повторная просьба унижает, причем, прежде всего, того, к кому она обращена. Как будто бы этот человек не в состоянии отвечать за свои слова, не всегда понимает, правильно ли поступает, и поэтому изменяет принятые решения. Поэтому я прошу один раз, в лучшем случае два, а если мне и второй раз отказывают, решаю свои проблемы сам. Я в начале своей работы, как и все начинающие, у которых много энергии и каша в голове от идей, пытался кому-то что-то доказывать, но потом понял, что не стоит лбом стенку разбивать, лоб жалко. Сегодня у нас нет ни копейки университетских денег, все сделано нашим трудом. Я полагаю, что если мне отказали, то и я могу потом отказать тому, кто это сделал. Жизнь впереди долгая, и мало ли кому и что когда-нибудь потребуется. Сегодня мы — студенты, а завтра — руководители, ведь не спроста же стремимся к высшему образованию. Отказ в справедливой просьбе всегда является причиной многих проблем, которые можно было легко решить совместно. В нашем университете студентами занимаются мало, хотя и нельзя сказать, что вообще не занимаются.

— **Ну, и наконец, молодежный парламентаризм. Что это такое, и почему Вы им занимаетесь?**

— Молодежная палата состоит из обычных людей. Возрастной ценз ограничен только снизу — это 14 лет. Членом можно стать, просто написав заявление на имя председателя, это Юрий Иванович Оноприенко, который является и Председателем краевого законодательного собрания. Первая палата включала около 60 человек. Она разделена на две комиссии — по развитию парламентского движения и по законотворчеству и мониторингу правового пространства. В этой комиссии можно даже принять закон и предложить его Краевой думе, которая будет с ним работать. Результат подобной работы будет зависеть от качества предложенного проекта. Я вот предложил закон, возвращающий студентам северные льготы — надбавки к стипендиям и бесплатный проезд во время каникул. Закон был поддержан Краевым законодательным собранием, отправлен в Государственную думу и там, в Комитете по делам Севера отклонен по непонятным причинам. На него предполагалось выделить всего 200 миллионов рублей, эта ничтожная сумма по сравнению с за-

планированным Думой гигантским профицитом бюджета, он в прошлом году превышал триллион рублей. Сегодня несмотря на все наши усилия, и во многом благодаря слабости студенческого движения студенты, проживающие в тяжелых условиях севера, лишены полагавшихся им ранее по закону льгот (есть лишь компенсации, которые тоже скоро — в течение уже теперь трех с половиной лет — будут прекращены), хотя никакого изменения климата не произошло, разве что только в сфере поддержки людей со стороны нашего центрального правительства. Но наша палата очень нужна, она все-таки как-то объединяет молодежь для защиты ее интересов, работает над ликвидацией политической и правовой безграмотности студентов, позволяет реально влиять на политический процесс, а не огульно ругать его и людей, управляющих им, даже не понимая в чем он заключается и не прилагая к его исправлению никаких усилий. У меня тоже были подобные невежественные мысли, но проработав три года в палате, я понял, что не все так просто, но многое возможно и даже зависит от тебя.

— **А бывает ли у Вас свободное время и чем Вы предпочитаете в это время заниматься?**

— Если когда-то появится у меня свободное время, я буду только спать.

— **Неужели Вы не слушаете музыку, не читаете книг, а только работаете и спите?**

— Нравится мне или не нравится, это не важно, приходится делать то, что необходимо и соответствует характеру. Бывает, правда, что летом удастся выбраться в отпуск на рыбалку или на охоту. Стрелять я люблю, у меня даже есть грамота Военной кафедры за соответствующие успехи.

— **В этой связи, не могли бы Вы сказать, сколько всего у Вас наград и какая из них самая для Вас значимая?**

— Сколько всего — не помню, а значимы все, хотя некоторые из них подписаны даже министрами краевого правительства, но мне дороги и те, которые подписаны простыми директорами техникумов. Никогда я их особенно не считал, просто получал и складывал. Все они за общественную деятельность, и отношусь я к ним как к подтверждению того, что делаю я свое дело правильно.

— **А славу Вы любите?**

— Слава бывает разной. Например, можно прославиться, совершая всякие непотребные вещи. А слава за хорошее дело приятна, но именно тем, что ты известен как человек, который что-то умеет. Приятно, когда тебя ценят профессионалы за твой профессионализм, звездной болезнью я не страдаю.

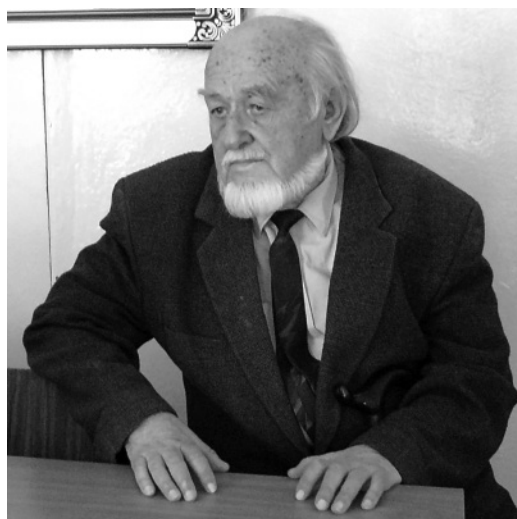
— **И последний вопрос: каковы Ваши планы на будущее?**

— Хочется многого, например, защитить диссертацию, превратить наш профком в одну из лучших организаций такого рода. А вообще в дальнейшем — мне хотелось бы заниматься управлением, может быть, даже организовать свое общественное движение, уже не студенческое, а общекраевое, или хотя бы стать менеджером какого-либо предприятия. Коммерческая деятельность не всегда оставляет возможность коммерсанту остаться порядочным человеком, портят деньги людей. Так что пока не знаю, заниматься ли бизнесом, хочется, правда, надеяться, что удастся и заработать, и не утратить человеческий облик. В любом случае, главное — делать именно свое дело, причем успешно и хорошо. Время требует гибкости, как уже было сказано, то есть я не имею в виду, что нужно под кого-нибудь прогибаться, но учитывать потребности времени нужно, поэтому делать очень долгосрочные планы, по крайней мере, лично мне, не хочется.

— **Спасибо за интересные ответы и успехов Вам в Вашем нелегком и важном деле.**

— Вам спасибо, что обратили внимание, правда, вопросов мало задали, я бы еще ответил.

ВИКТОР ПОРФИРЬЕВИЧ БАЖЕНОВ³

Сегодня наша Persona grata — ветеран Великой Отечественной Войны, профессор, один из старейших докторов наук университета. В этом году он отпразднует замечательный юбилей.

— **Виктор Порфирьевич, расскажите немного о себе.**

— Я родился в ноябре 1925. В этом году мне будет 80 лет. В августе 1943 был мобилизован. Через месяц — уже на фронте. Первое ранение получил, потом в медсанбате. Потом снова фронт. Но мне не повезло, наверное. Или повезло? Я попал на фронт, а потом всех родившихся в 1925 году по приказу Сталина откомандировали в тыл, на восстановление шахт. Вот, все ругают Стали-

³ Интервью было подготовлено вместе с Ульяной Крикливой в мае 2005-го года.

на за то, что он был кровожадным, а он заботился о том, чтобы молодые кадры остались живы и способствовали процветанию хозяйства. Потом на ноге у меня открылась рана, и меня оставили в выздоравливающем батальоне. Я там чуть с голоду не умер: воровство такое, что никакой еды не было. Я попросился снова на фронт. И попал в войска связи. Войну там заканчивал.

— **Освобождали какие-нибудь территории?**

— В Никополе были, потом повернули и пошли в Румынию, затем в Болгарию. До Германии я не дошёл. На Кицканокпанском плацдарме получил ранение и медаль за отвагу. Это было последнее моё боевое крещение. Настоящая война совсем не похожа на ту, о которой снимают фильмы и пишут учебники истории. Вот, как вы, например, представляете себе немцев? Это высокотехническая, очень грамотная армия. У них было превосходное вооружение. Например, у нашей винтовки, когда ползёшь, забивается грязью затвор. И чтобы зарядить её, нужно брать лопатку и выбивать грязь из затвора. А у немцев всё у винтовки закрыто было. Берёшь даже пролежавшую под дождем целый месяц, открываешь, — и она стреляет. Или даже котелки. У нас они были круглые. У немцев — квадратные: устойчивые и поэтому очень удобные. А как немцы обустраивались на фронте, как заботились о своих солдатах. В фильмах показывают какую-то декоративную войну. Вот, все поднимаются из окопов и бегут. Да, это же глупость! Только высунься из окопа — и ты уже мёртвый. Нужно было вылезти незаметно, пробежать пять шагов, опять упасть, потом отползти, опять пять шагов пробежать. Такими перебежками нужно было добежать до рубежа атаки. А кругом огнёмётный огонь, пулемётный огонь... Хотелось в землю втиснуться и стать плоским.

— **А страшно или привыкаешь?**

— На войне просто тупеешь. Вы знаете, например, что такое спать в строю? Идёшь в строю и засыпаешь. Остановишься — натолкнёшься на идущего впереди, проснёшься. Опять идешь, опять спишь. Война — это непосильный труд! Кошмар. А я служил в войсках связи — это полный кошмар. Когда наступают, пехотинец просто идёт. А от нас требуют ещё и связь развернуть. Мало того, что мы прошли километры, пронесли катушку, а ещё и связь в батальоне дать надо. А проехал танк — всё порвал и заново восстанавливать надо. Это — тяжелейшие перегрузки. Тем более, что солдатам, и мне в том числе, по 18 лет было. С другой стороны, я, когда не работал, ничего не делал. И от труда и от такого отдыха просто тупеешь. Становишься, как автомат. Всё человеческое теряется.

— **А как сложилась Ваша мирная трудовая жизнь?**

— Я долго работал в Харькове, в Институте инженерно-городского хозяйства, на строительной кафедре. Там же попал в аспирантуру и защи-

тил кандидатскую диссертацию по техническим наукам. Она была посвящена строительным технологиям, а в ней большое значение имел анализ затрат рабочего времени, вот меня и заинтересовали экономические проблемы. А потом окончил второй институт (тогда было редко, если имеешь два образования) — заочный инженерно-экономический факультет, получил диплом инженера-экономиста. Когда я в Харькове начал искать место защиты докторской диссертации по экономике, меня нигде не принимали. А я диссертацию писал без всяких консультантов. Наконец, пришёл к зам. председателя ВАК, положил рукописный кирпич ему на стол и говорю: «Я хожу по этим советам, а время идет, и результаты работы устаревают, сколько это будет продолжаться? ». Он меня направил в Ленинград, где я, наконец, и защитился в финансово-экономическом институте в 1982 году.

— **Как Вы стали работать в нашем университете?**

— Я, наверное, единственный работающий пенсионер 80-ти лет. В университете я работаю по приглашению ректора В.М. Власенкова с 1988 года. Но одного приглашения было недостаточно, пришлось ждать распоряжения Министерства просвещения СССР, так как из Харькова не отпускали, хотя и работать не давали. В Комсомольске я стал заведующим кафедрой и был на этой должности в течение трех лет, а потом уехал. Тогда как раз началась перестройка, и я решил, что на Украине буду больше нужен. Ещё уехал потому, что не сложились отношения с руководством. За всю свою трудовую жизнь не имел ни одного замечания. И вдруг приказом ректора мне его объявили. За что, спрашивается? За то, что я не присутствовал на деканатской планёрке! А мне нужно было решить одну рабочую проблему, причём декана я предупредил. И, несмотря на это, выговор всё равно объявили. Когда я обратился в профсоюз, мне сказали, что я прав, но ничего не предприняли. Я продолжал настаивать на том, что взыскание было несправедливым, и, наконец, сказали, что уже прошло со дня выпуска приказа 6 месяцев и замечание больше не имеет силы. Меня неприятно удивило такое отношение, и я решил уехать. А потом на Украине перестройка пошла не очень удачно — зарплату не платили. И меня пригласили обратно в Комсомольск в качестве профессора: на заведование кафедрой я не стал претендовать, потому что возраст уже не тот был. Во второй раз я приехал в 1996 году, в апреле месяце.

— Какова сфера Ваших научных интересов, Вы продолжаете совмещать экономику и строительство?

— Я специализируюсь на экономической диагностике, начиная от анализа затрат рабочего времени. У меня даже с подготовкой аспирантов не все получалось в советское время (был только один аспирант), так как я хотел, чтобы аспиранты занимались моей темой, а эта тема оказалась тогда непопулярной. Какая такая диагностика? Есть план и есть его выпол-

нение, а каково оно — никого не интересовало. Сейчас то, чем я занимался, очень популярно. И у нас, и, особенно, за рубежом. Сейчас и аспиранты у меня по диагностике защитились: Гутник, Андреев, Омаров. Я этой темой продолжаю заниматься. У меня три монографии, последняя вышла в прошлом году, она тоже посвящена диагностике, исследованию, которое мы проводили с Омаровым и моей дочерью.

— **Результаты ваших исследований как-то внедрены сейчас?**

— Раньше они были внедрены. Для защиты докторской диссертации было необходимо внедрение, и я открыл научно-практическую тему в институте строительства, в НИПИАС. Сейчас такого крупного применения моя работа не находит, но отдельные хоздоговорные темы я выполняю.

— **Вы уже давно работаете профессором, изменилось ли отношение к профессорской работе на протяжении 20 лет? Может быть, оно ухудшилось или наоборот улучшилось? Говорят, что нынешние профессора и знать стали меньше, и меньше требуют знаний от других.**

— Я вам скажу, что я работал в харьковской Академии городского хозяйства, и там были строгие требования. В строительстве трудно работать человеку, который не является специалистом. Сегодня же, на мой взгляд, инженеру для эффективной работы одной строительной специальности недостаточно, необходимы еще и очень серьезные экономические знания. Наш деканат старается привить какие-то основы предпринимательской деятельности инженерам, чтобы они сами могли проявить себя. У нас раньше читались только курсы экономики и строительства, а сейчас читаются курсы экономики, инвестиционного менеджмента, маркетинга, основ предпринимательской деятельности. К сожалению, инженер-строитель зачастую больше нацелен на технику, технологию. Есть студенты, которые ведут себя, как Недоросль у Фонвизина: «Зачем мне экономика, мне, инженеру-строителю, когда есть экономисты?». Однако строительство сегодня не может обойтись без экономических знаний, и очень здорово, что наш деканат старается, чтобы студенты имели хотя бы их необходимый минимум.

— **В последнее время наше образование часто реформировалось. Сейчас оно вступило в Болонский процесс. Как Вы полагаете, улучшают реформы образование или нет?**

— Когда я отвечаю на подобные вопросы, наверное, сказывается мой возраст. По этому показателю я бы должен консервативно относиться ко всяким преобразованиям, но у меня гибкое отношение к происходящему. В своё время я очень много пережил реформаторских веяний. У нас было проблемное образование, мы внедряли в обучение игровые ситуации, когда студенты делились на заказчиков и подрядчиков и проводили ролевые игры между ними. Это способствовало лучшему преобразова-

нию знаний в умения. Но несмотря на все эти веяния, их пользу или вред, я продолжаю считать, что преподаватель остается центральной фигурой в обучении, потому что текст или то, чем напичкан компьютер, никогда не будет восприниматься так, как непосредственный контакт студента и преподавателя. Преподавание — это общение, это обучение не только знаниям, но и личному опыту овладения этими знаниями, который есть у преподавателя. Я не говорю о панибратстве или фамильярности, я говорю об общении. Раньше оно было очень официальным, но оставалось при этом общением двух партнеров, сегодня отношения между студентами и преподавателями складываются более человеческие.

— **А качество образования при этом не страдает?**

— Страдает... Но надо понимать, что сейчас происходит такой рост информации и источников доступа к ней, что студент черпает знания не только от преподавателя, но и из этих источников, он сегодня более обеспечен знаниями, чем раньше, иногда даже больше, чем профессор. Поэтому равенство между преподавателями и студентами растет, и обучение еще больше становится общением, партнерскими отношениями, в процессе осуществления которых обучаются и преподаватели, и студенты. Но, Вы правы, у этого процесса есть и другая сторона — преподаватель становится все более безразличным к работе студента. Однажды, когда я был студентом, пришлось мне делать один проект, он назывался «Городские дороги». Надо было всю территорию дорог города так откорректировать, чтобы вода стекала и на асфальте не оставалась. Было необходимо так рассчитать, чтобы у полотна дороги имелся постоянный уклон. На исполнение этого проекта я потратил несколько дней и бессонных ночей. Но зато и мой преподаватель рассматривал всё, что я сделал, вникал во все детали, и я чувствовал, что делал свою работу не напрасно, что это серьезная работа, которая получит серьезную оценку. Сейчас же не только не вникают во все тонкости, но так называемые «человеческие отношения» сказываются даже на приёме зачётов и экзаменов. Преподаватель, к сожалению, очень часто прощает студенту даже очевидное отсутствие знаний, а студент стремится выпросить у него нужную оценку.

— **Расскажите про студентов. Как вы к ним относитесь? Что Вам в них нравится?**

— Инициативность. Среди моих строителей подбирается, к счастью, хороший контингент, в основном, это инициативные люди. Я веду не только у строителей, но и у финансистов, и строители более инициативны в учёбе.

— **Что вам не нравится в студентах?**

— Сейчас студент как-то излишне прагматически настроен. У него нет внимания к окружающему миру. Инициативность — это хорошо.

Устремленность — тоже хорошо. Но всё же, нужно уделять внимание не только тому, что у тебя перед носом, ведь вокруг бесконечный мир. И еще поражает жестокость, куда-то исчезло очень важное человеческое качество — милосердие. Я — инвалид, и мне очень тяжело передвигаться. Когда во время перерывов идешь по коридорам университета, а навстречу несется поток студентов, кажется, что люди стали воспринимать друг друга всего лишь как неприятную помеху на пути своего движения. Однажды пришлось долго стоять у входа в институт. Хорошо, что в потоке выходящих студентов тогда оказался и ректор. Он меня увидел и сказал: «О! Да вы здесь ещё час простои!». Остановил этот поток, и меня пропустили. Чтобы пройти к крыльцу четвёртого корпуса, нужно обойти группу студентов, которые стоят на этом крыльце. Но всякое негативное поведение обращается и на того, кто его осуществляет. Даже законы маркетинга говорят о том, что твоё благополучие зависит от благополучия окружающего мира. Если человек не перестанет думать, что весь мир существует только для него, он поймет свою ошибку тогда, когда почувствует, что и до него самого никому нет дела.

АЛЕКСАНДР ВИКТОРОВИЧ БОБКОВ

Сегодня в нашей рубрике мы представляем заведующего кафедрой Высшей математики, доктора технических наук, профессора Александра Викторовича Бобкова⁴. Недавняя его победа в конкурсе грантов Министерства образования и науки, множество изобретений и научных работ, замечательная творческая биография — все это вызывает интерес к профессору А.В. Бобкову, и мы попытались его немного удовлетворить.

— **Первый вопрос — традиционный: как складывалась предыстория пути ученого на Вашем примере?**

— Я родился через 10 лет после окончания войны на военной базе в Румынии в семье военнослужащего. Потом переехали в Западную Украи-

---

⁴ Интервью записано в сентябре 2008-го года.

ну, потом под Новосибирск, и, наконец, в Красноярск, где я прожил 30 лет, и только последние 20 лет я живу в Комсомольске. В 1972 году, через 10 лет после первого пилотируемого запуска летательного аппарата в космос, я поступил в Сибирский аэрокосмический государственный университет, на специальность Двигатели летательных аппаратов. Аэрокосмическая отрасль тогда была приоритетным направлением в отечественной промышленности, о ней много говорили. Мы в этой сфере добились реальных достижений. В Красноярске располагался крупный оборонный завод, который имел связи и с Комсомольском, так как производил ракеты для подводных лодок. Под Красноярском, в Железногорске был создан космический центр под руководством академика М.Ф. Решетнева, ученика С.П. Королева, который занимался разработкой проблем спутниковой связи. Мне хотелось учиться на ракетостроителя. Учебная база в университете была очень хорошей, выпускающие кафедры находились на территории заводов, мы с самого начала видели, как выглядит и работает то, что мы изучали. Нас готовили и практически, за время обучения я прошел путь от токаря до мастера. С третьего курса я начал работать лаборантом, к концу института приобрел солидный опыт научной работы, и выбор между наукой и производством у меня не стоял. В 1978 году после окончания вуза, я остался в нем работать. Много сотрудничал с космическим центром, в рамках его деятельности сформировались мои научные интересы, связанные с проблемами гидродинамики малорасходных систем космического базирования, в частности, систем терморегулирования. Это очень важная для освоения космоса проблема, заключающаяся в поиске решений отвода лишнего тепла. В космосе происходит блокирование излучаемого объектом тепла: попробуйте накрыть подушкой лампочку и не отводить тепло. Что с ней будет? А ведь лампочка в этом отношении похожа на космический аппарат. Эту проблему я решал в аспирантуре Московского авиационного института под руководством Бориса Викторовича Овсянникова. Это был человек с большой буквы, обладавший высочайшим уровнем культуры и профессионализма, по его учебникам до сих пор и уже сорок лет готовят специалистов в области турбонасосных агрегатов, и эти агрегаты до сих пор лучшие в мире, конкурентных аналогов за рубежом нет. Тема и защита моей диссертации были закрытыми. Результаты ее были внедрены в производство. Мне удалось решить одну терморегуляционную проблему, связанную с эксплуатацией спутников, усовершенствовать их дистанционную диагностику и устранить неполадки. В своем Красноярском институте я создал лабораторию, где продолжал заниматься своим научным направлением, читал курс лекций по своей специализации для студентов.

— **А как складывалась Ваша судьба и карьера дальше, что привело Вас в Комсомольск?**

В 1989-м году из-за ухудшения здоровья моей жены мне пришлось переехать в Комсомольск.

— **Но ведь здесь не было тех условий для Вашей работы, какие были в Красноярске.**

— Жизнь многогранна, и моим приоритетом не была работа, тем более, что к концу восьмидесятых отрасль, в которой я работал, начала переживать острейший кризис, и востребованность ученых снизилась до неприличного уровня. Наконец, в Комсомольске был авиастроительный завод, который продолжал хорошо работать. Конечно, КНАГТУ во много уступает СибГАУ, прежде всего, по научному потенциалу и лабораторной базе. Много ли у нас лабораторий и кафедр на авиационном заводе? В СибГАУ всегда были очень амбициозные руководители, ставившие себе высочайшие задачи общенационального уровня. А у нас чувствуется какая-то провинциальность. Но сегодня и в моем Красноярском вузе очень много проблем, там теперь даже ректор — доктор экономических наук, а технические специальности стали вторичными по сравнению с юриспруденцией и экономикой.

— **А как в связи с этим изменились Ваши научные интересы?**

— Я занялся конверсионным направлением: разработкой искусственного сердца роторного типа. Сердце по своим параметрам — насос, аналогичный тем, что применяются в космических системах. Я получил грант, зарегистрировал два патента по этой теме. Мои знания космических технологий, которые хорошо финансировались, помогли мне решить эту проблему. Аналогичное изобретение создал знаменитый американский кардиолог М. Дебейки, участвовавший в лечении президента Б. Н. Ельцина. Сегодня мы уже, к сожалению, очень отстали в этом направлении исследований. Готовое искусственное сердце стоит 100000 долларов, наше население не может платить таких денег, и поэтому научные разработки подобного рода не финансируются. Докторскую диссертацию я, правда, защищал по своей основной проблематике, в МАИ, в 2004-м году. Основная проблема была — провести натурные испытания, мне не хватало оборудования. Я предложил новые гидравлические проточные формы центробежных колес насосных агрегатов космического назначения. С трудом мне изготовили их на авиационном заводе. Но Б. В. Овсянников уговорил специалистов ракетно-космической корпорации им. С. П. Королева провести испытания моих моделей. Испытания оказались успешными. Малые насосы, использующиеся в космосе, работают несколько иначе, по сравнению с большими, даже законы гидродинамики для них изменяются; однако их использование — один из способов увеличения эффективности работы в космосе, которая в экстремальных условиях должна быть максимальной и не должна иметь ничего избыточного. В космосе требуются

минимальные массы и габариты. Стоимость заброса одного килограмма груза на такую высокую траекторию чрезвычайно высока. К сожалению, не только мое изобретение, но вообще что-либо мало используются в промышленности в последние 20 лет. Цветущая к концу 80-х годов прошлого века область науки и техники пришла уже через тринадцать лет в состояние полного упадка. Средний возраст работников зашкаливает, на лицах печать отрешенности и уныния, оборудование и даже стены помещений обветшали. Только в последние несколько лет началось незначительное оживление. Однако я думаю, что перспективы у отрасли пока есть. Задел был очень большим. Но и опасность велика, сейчас почти ушло поколение ученых, обеспечившее нам господство в космосе, а за ними никого нет. Опыт и личный пример большого учителя — главное в научном росте. Сейчас разрыв между поколениями ученых — почти 40 лет, совсем молодые ученые очень плохо перенимают традиции своих старших коллег. Да и позиция государства по данному вопросу не вселяет оптимизма. У нас очень много политических заявлений, но они не подкреплены соответствующими научно-техническими разработками, организацией и финансированием.

— А Вы не видите перспектив открытия специальностей ракетно-космического профиля у нас в вузе?

— Такое предложение я представлял в ректорат, и оно было связано со строительством космодрома Восточный в Амурской области. С географической точки зрения мы являемся ближайшим вузом, где готовят специалистов хотя бы авиационного профиля. Нам проще переквалифицироваться и начать смежную ракетно-космическую подготовку. Однако вопрос не решился положительно, потому что на уровне политическом два губернатора регионов не нашли общего языка. Первую порцию специалистов будут готовить в Южно-Уральском техническом университете, г. Челябинск, находящимся в четырех тысячах километров от будущего космодрома.

— А почему Вы выиграли такой странный с точки зрения логики Ваших интересов грант: проблема эффективности вузовской науки? И чем Вы занимаетесь сегодня?

— Около 15-лет назад я занимался нашим Технопарком, составлял каталог изобретений ученых нашего вуза. Я стал интересоваться вузовской наукой. И хотя сердце мое отдано космосу, проблемы последнего гранта я не могу назвать факультативными для меня. Если они актуальны и востребованы нашим государством, я готов выполнять такого рода работы. Ну а если говорить об основных планах, то мне, конечно, хочется чего-то достичь в области своей основной специализации. Я являюсь одним из основоположников теории управления пограничным слоем

в малорасходных системах. Это непрямолинейная гидродинамика. Если я рассказываю даже специалисту о своих достижениях, он не верит, даже говорит, что я ухудшаю конструкцию, но я просто действую непрямолинейно. И здесь я много еще могу сделать.

— **Есть ли у Вас ученики или команда единомышленников?**

— Есть попутчики, учеников нет. По моей основной специализации не требуется много помощников, нужна просто мощная лабораторная база. Однако сегодня даже если бы она была создана, результаты моей работы были бы не востребованными. Сегодня даже грантов по моей проблематике нет.

— **Что же делать?**

— Остается только ждать, может быть, повезет.

— **Сегодня многие уезжают на Запад.**

— Это рецепты двадцатилетнего. Мне даже когда было очень тяжело, не хотелось. За границей мы нужны еще меньше. Там нужны не мы, а информация, которой мы обладаем.

— **А не пытались ли Вы осуществить какие-либо исследования силами коллег по кафедре, которую Вы возглавляете?**

— Высшая математика — университетская специальность, она не совсем то, что — ракетостроение. Классическая математика далека от специальной, применяющейся в ракетостроении, и я не могу осуществить силами наших математиков какой-либо ракетостроительный проект. С другой стороны, региону не нужна и классическая математика, поэтому и в этом направлении что-либо сложно предпринять.

— **А зачем же Вам тогда нужно это руководство?**

— Это тот вопрос, на который трудно ответить. Стечение обстоятельств.

— **Ну а Вам хотя бы нравится это?**

— Нет, в нынешних условиях это очень тяжелый груз. Много негативных впечатлений, конфликтов между подразделениями университета и кафедрой.

— **Сегодня Вас и Вашу кафедру часто упрекают в завышенности требований к студентам, в том, что математика, которую вы преподаете, не адаптирована к нуждам той или иной специальности.**

— Сегодня уровень требований к специалисту по математике увеличился, а уровень подготовки абитуриентов снизился. Этот разрыв и порождает многие проблемы неуспеваемости. На мой взгляд, 70% студентов нашего университета относится к категории необучаемых и не имеют права быть студентами технических специальностей. Что же касается неадаптированности курса математики, нужности или ненужности тех или иных дидактических единиц, то даже если я и не считаю, что некоторые из них

нужны тому или иному специалисту, именно по стандарту, а не по нашей прихоти, их требуется изучать. Будем надеяться, что в стандартах третьего поколения ситуация изменится. Мы сможем делать курсы более ориентированными на ту или иную специальность. Однако здесь таится большая опасность: уход от унификации чреват провалами в образовании, которые обязательно скажутся в работе любого, даже узкого специалиста.

— **Станет ли Ваша кафедра когда-нибудь выпускающей?**

— Сегодня — в условиях почти самофинансирования — это очень актуально. Однако наши потенциальные ниши заняты конкурирующими кафедрами с факультета Компьютерных технологий.

— **Правильно ли я понял, что наука не самое главное в Вашей жизни.**

— Я бы переформулировал вопрос: является ли работа главным смыслом Вашей жизни. На него я могу дать однозначный ответ: нет. Время невостребованности внесло свои коррективы в мои планы.

— **Каков же тогда главный смысл Вашей жизни?**

— Как у большинства людей, я думаю, — выжить, преодолеть конфликты, уменьшить нерационально расходуемое время, движение в никуда.

— **Чем Вы любите заниматься вне института?**

— Я люблю путешествовать, плавать на байдарках, ходить на лыжах. В студенческие годы занимался альпинизмом.

— **Что Вы на сегодняшний день считаете самым значимым результатом своей деятельности?**

— Этот вопрос очень ко многому обязывает. Боюсь, ответ на него будет слишком наивным и упрощенным, поэтому не смогу на него ответить.

— **Спасибо Вам за чрезвычайно интересный разговор.**

ЭЛЕОНОРА АЛЕКСАНДРОВНА ВАСИЛЬЧЕНКО

Сегодня гость нашего номера — декан Социального факультета, заведующая кафедрой Социальной работы, доктор исторических наук, профессор Элеонора Александровна Васильченко. Недавно трем нашим социально-гуманитарным факультетам исполнилось два года⁵. Первое интервью с их деканами мы решили взять у человека, который стоял у истоков социально-гуманитарного образования в КНАГТУ.

— Элеонора Александровна, расскажите, пожалуйста, о том, где Вы родились, выросли, получили образование, как пришли в наш университет.

— Я — коренная дальневосточница, родилась в Верхнебуреинском районе Хабаровского края, на золотых приисках, в Софийске. Это очень интересное место, полудикая природа, оригинальная культура. Мое детство прошло на этих просторах. В 1959 году я оказалась в Хабаровске, после окончания средней школы поступила здесь в Педагогический институт, на историко-филологический факультет. Получив диплом, я по распределению приехала в Комсомольск, и девять лет работала в 24-м училище преподавателем обществознания. С 1970-го года я работаю в нашем университете. Отвлекалась, правда, на три года, когда была избрана секретарем горкома партии. Мне всегда хотелось сделать больше, поэтому я посчитала институт тем местом, где можно реализовать это желание. Почти сразу я стала учиться в заочной аспирантуре. Но тема у меня была не очень простая — «Дальневосточные чекисты в борьбе с контрреволюцией на Дальнем Востоке», и я почти восемь лет писала и старалась защитить кандидатскую диссертацию. Были препоны со стороны органов, они полтора года ее читали. И только в 1979 году ситуация улучшилась, мне разрешили открытую защиту, хотя многое пришлось убрать или изложить эзоповым языком.

— Насколько, на Ваш взгляд, соответствуют результаты Вашего исследования сегодняшнему уровню исторической науки?

5 Интервью записано в июле 2008-го года.

— Мне кажется, что в целом соответствуют, хотя доступ к документам сегодня более широкий, и точка зрения более сложная. Теперь эти исторические события рассматривают и с учетом правоты белого движения. Хотя и тогда мне удалось посмотреть многие документы, у меня была вторая форма допуска к секретным архивам. Я белой завистью завидовала тем, кто спокойно сидел в большом зале и читал доступные всем книги. Меня же прятали в подсобках и однажды в Томске даже закрыли в таком помещении и забыли выпустить к вечеру, а мне надо было на самолет. Я пыталась искать исторические источники и иначе. Находила адреса свидетелей этих событий, писала им письма, просила ответить на мои вопросы. Иногда мне отвечали, а иногда советовали бросить эту тему. И после защиты я действительно оставила ее. Занялась женским вопросом и семействедением. Эта тема была очень актуальна в 90-е годы прошлого века. Я организовала коллектив разработчиков данной проблематики в нашем университете, написала и защитила докторскую диссертацию.

— **И в чем, на Ваш взгляд, суть женского вопроса в России?**

— Прежде всего, он существует! Женщины отличаются от мужчин, и у них есть свои проблемы, а правительству надо обращать внимание на эти проблемы женщин, как и на проблемы семьи, детей, строить грамотную политику их поддержки. Сегодня существует реальная дискриминация женщин в России, и в семье, и на работе. Женщины пытаются отстаивать свои права, но результаты пока не слишком заметны. С другой стороны, я не согласна с сегодняшним феминизмом, требующим ввести женские или иные квоты на представительство в органах власти или еще в каких-либо социально значимых учреждениях, хотя в советские времена, например, а не только на Западе, такие квоты существовали. Я, правда, долгое время была единственной женщиной, представляющей менеджмент в нашем университете. По моему мнению, человек должен оказываться на том или ином рабочем месте не по половому, национальному или иному признаку, а только благодаря своим способностям.

— **А чем Вы занимаетесь сегодня?**

— Сегодня меня очень интересует проблема освоения Дальнего Востока. Политика царской России и советская, которая была преемственной в данном вопросе, предполагала не только денежную поддержку регионов, но и кадровую. А наша современная политика игнорирует этот момент, хотя и денежные средства, выделяемые сегодня, несоизмеримо малы по сравнению с прежними временами. Однако главное даже не это, а то, что правительство не знает, кто будет осваивать выделяемые деньги. Сегодня кадровые агентства переполнены заявками от производства, но людей, способных их удовлетворить, просто нет. Не существует и разумных путей регулирования процессов китайской миграции к нам. Надо

исследовать историю этой проблемы и постараться в кратчайшие сроки предложить конкретные пути ее решения, иначе скоро мы можем утратить дальневосточные территории. На 40% процентах территории проживает только 4% населения государства, вдумайтесь в эти цифры! Это громкий звоночек, на который нельзя не отреагировать. А я даже слышу мнения некоторых ученых, говорящие о том, что Дальний Восток вообще надо оставить и заниматься центральными регионами, где ситуация лучше. Это совершенно неправильно. Имеет смысл хотя бы использовать прежний опыт, если сегодня не предлагается чего-то нового, способного решить эти проблемы.

— **Расскажите, пожалуйста, о Вашей административной карьере в университете.**

— Она началась в 1980-м году, когда я стала заведовать кафедрой Марксизма-ленинизма, потом она была переименована в кафедру Научного коммунизма, а потом — Социологии, а еще позже — Социальной работы. Я стояла у истоков социально-гуманитарного образования в университете, лично открыла специальности «Социальная работа», «Государственное и муниципальное управление», «Юриспруденция», «Туризм». Деканом Гуманитарного факультета я стала в 1994 году, то есть с момента его основания. При мне были открыты специальности «Культурология» и «Теория и практика межкультурной коммуникации». Факультет стал большим и значимым. Но его разделили в связи с приходом в университет Александра Георгиевича Никитина. Нужно было решать кадровый вопрос. А потом это деление совершилось и еще раз.

— **Сейчас много говорят о непрофильности этих специальностей для вуза, каковы их перспективы у нас, на Ваш взгляд?**

— Я думаю, они сохраняются, кто бы и что бы ни говорил. В 90-е годы благодаря этим специальностям были сохранены технические специальности. Сегодня же нет никаких оснований их закрывать, потому что потребности в соответствующих специалистах значительны. Разговоры о том, что в городе не нужны экономисты или юристы, ничем реальным не подкреплены. Достаточно послушать мнения руководителей кадровых агентств и центра занятости населения Комсомольска, чтобы в этом убедиться. Если мы не будем обучать тех, кто не хочет учиться на технических специальностях, они просто уедут из города. Мне кажется, что имеется и перспектива преобразования нашего университета в классический.

— **А по какому принципу Вы открывали социально-гуманитарные специальности?**

— Я ориентировалась, прежде всего, на потребности региона, хотя не могла не учитывать и наши возможности и интересы. Без потребности региона придется закрыться, а интересы можно и изменить.

— Не могу не спросить и Ваше мнение о современных реформах образования. Что Вы думаете о болонских соглашениях и законе об автономных учреждениях?

— Закон об автономных учреждениях ничего в сущности не меняет, он позволяет нам вести ту деятельность, которую мы сегодня ведем, и изменение типа нашего учреждения пойдет нам только на пользу. Бюджетное финансирование сохраняется, государственный статус — тоже, заказ на подготовку студентов мы уже несколько лет выигрываем в конкурсах, поэтому здесь я не вижу никаких серьезных проблем. Без коммерческой деятельности сегодня невозможно работать, а закон решает много проблем ее ведения, которые у нас существуют сейчас. А вот болонский процесс вызывает у меня много сомнений. При всей оправданности учета европейского опыта, отказ от собственного опыта никогда не приводил к чему-либо хорошему; более того, этот опыт должен быть первостепенным. Кроме того, я не думаю, что в международное образовательное пространство можно так просто войти. Наши дипломы там еще долго не будут признаваться. Процесс, конечно, уже не остановить, но еще можно начать вести его более аккуратно, чем теперь. Надо сохранить хотя бы все то, чем мы можем гордиться.

— И наконец, мой последний вопрос: чем Вы занимаетесь в свободное от работы время, каковы Ваши увлечения, каковы ближайшие планы?

— Свободного времени у меня очень мало, а когда оно выдается, я стараюсь общаться с природой и читать, особенно поэзию, я очень люблю Николая Заболоцкого. А планы: главное постановить на ноги специальности, которые я открыла. И конечно, у нас впереди — аккредитация и аттестация университета. Работа для меня в первую очередь и мне очень нравится работать.

— Спасибо Вам за интересную и откровенную беседу. Желаем Вам успешного осуществления всех планов и личного счастья.

ОЛЬГА БОРИСОВНА ГОРОБЕЦ

Сегодня гость нашей рубрики — декан факультета Языковых коммуникаций, доктор филологических наук, профессор Ольга Борисовна Горобец⁶. Факультет языковых коммуникаций — уникальное подразделение в нашем техническом университете. Специальности ФЯКа — не мозаика, учитывающая сложившиеся изменчивые обстоятельства; ФЯК — первый профильный факультет гуманитарной специализации, созданный,

прежде всего, для того, чтобы комплексно развивать лингвистическую подготовку. Но без выдающихся личностей не делается ни одно дело, даже ФЯК. Его руководитель — одна из них.

— **Ольга Борисовна, наш первый вопрос — уже традиционный. Расскажите о своем биографическом начале и о путях, приведших Вас в Комсомольск.**

— Родилась я в Киргизии, потому что мой отец был военным. А вообще он родом с Кубани, а мама — из Пензы. После его отставки мы, поэтому, и оказались в Краснодаре. Там я окончила школу и поступила в университет, на факультет Романо-германской филологии. После его окончания я приехала в Комсомольск. Моя сестра поступила в Хабаровске в медицинский и стала, во многом, причиной переселения некоторых наших родственников на Дальний Восток, в том числе и меня. В нашем вузе не было распределения, и мы сами искали работу. Мы всегда боялись распределения, а его отсутствие оказалось еще страшнее. И я обратилась за помощью к сестре. Ее знакомый работал в техническом университете Комсомольска, он и предложил мою кандидатуру заведующему кафедрой Иностранных языков Галине Терентьевне Шарлаимовой. Она согласилась, потому что у меня был красный диплом.

— **Давайте теперь вернемся немного назад. Расскажите, пожалуйста, о причинах выбора Вами филологии и научной карьеры.**

— Когда я оканчивала школу с золотой медалью, выбор будущей специальности у меня был большой. Мой учитель по литературе и русско-

⁶ Интервью записано в сентябре 2009-го года.

му языку посоветовала филологический факультет. Да, и сама я понимала, что технические или естественно-научные специальности — не для меня. Значит, — гуманитарные, а из них больше всего меня привлекала филология. Русский язык казался мне слишком простым занятием, и я выбрала иностранный, который учила в школе, — французский. Уже в университете немецкий стал моим вторым языком. А научная карьера... В моей жизни всегда большую роль играл долг и случай. Комсомольск — был делом случая, а аспирантура — еще и долга. Я не собиралась в аспирантуру, но моя работа обязывала меня повышать квалификацию. Хотя выбор научной карьеры и был случайным, я о нем никогда не жалела. Мой путь лишней раз доказывает, что одаренный и умный человек может проявить себя в разных сферах человеческой деятельности. Иногда даже кажется, что если бы мне поручили сделать что-либо другое, я бы не только сделала, но на самом высшем уровне. Судьбе сопротивляться — дело неблагодарное; необходимо чувствовать ее, чтобы прожить жизнь без слов. Были в моей жизни случаи, когда я хотела управлять своей судьбой, но именно за это я больше всего и платила.

— Хорошо, романская филология стала Вашей судьбой. Кто из Ваших учителей больше всего повлиял на нее в аспирантуре, и какие научные темы определили Ваши исследовательские поиски?

— В этом выборе я действовала более самостоятельно. Аспирантуру и докторантуру я оканчивала в Санкт-Петербурге, а петербургская лингвистическая школа отличалась повышенным вниманием к истории языка. Мне она не была интересна, и долгое время ни один научный руководитель не соответствовал моим планам. Я хотела изучать стилистику. И, наконец, появился человек, который помог в этом. Евгения Михайловна Чекалина была лексикологом, но лексикология намного ближе к стилистике, чем история языка. Она очень мудро руководила мной: только хвалила и не вмешивалась, зная, что я и так человек гиперответственный, и когда чего-то не могу сделать, просто поедаю себя живьем. И я спокойно, в сроки все написала и защитила.

— Почему между кандидатской и докторской диссертацией был у Вас такой ощутимый перерыв — 13 лет?

— Я больше рассчитывала на успехи в другой области жизни. В докторантуру я ехать не думала очень долго, и даже сопротивлялась этому, хотя многие уговаривали. Но опять-таки случай и чувства долга привели меня туда. Там я расширила границы предмета моей кандидатской диссертации, и исследовала уже не только художественные тексты, но и научные, небольшого объема. Обнаружила я много общего в их жанровой организации. Получилась хорошая работа, которую я успешно защитила.

— **Не могу, как филолог-руссист, не задать вопрос филологу-романисту. А можно ли так хорошо изучить иностранный язык, чтобы научно заниматься им настолько же серьезно и эффективно, насколько это в состоянии сделать человек, для которого этот язык родной?**

— Некоторым даже удается создавать художественную литературу на иностранном языке, а ведь владение художественной стилистикой — верх языковедческого мастерства. Конечно, такие писатели чаще всего по происхождению или воспитанию билингвы, как, например, Владимир Набоков. Хотя знать чужой язык настолько, насколько родной, нельзя, его можно очень хорошо выучить, причем, я не говорю об элементарных ситуациях практического диалога. Кроме того, знать язык в качестве исследователя и пользователя — не одно и то же. Для многих носителей языка настоящим пределом свободы его владения оказывается многозначный художественный текст, в котором они не в состоянии разобраться. Изучать же иноязычный художественный текст — самая нелегкая задача. Ее решение — на грани искусства и науки, оно субъективно, но ценность эта субъективность приобретает лишь тогда, когда она представлена настолько убедительно, что люди заражаются той или иной интерпретацией, а это возможно в исключительных случаях — в случаях конгениальности текста и его интерпретации. Вспомните анализ Романа Jakobson стихотворения Шарля Бодлера «Кошки». Однако именно это и облегчает научную задачу, ибо достичь вершин гениальности в искусстве интерпретации способен как носитель языка, так и иностранный его исследователь.

— **А имеется ли у такой науки практическая ценность?**

— В наш век прагматизма любая наука, не имеющая прикладного значения, обречена на провал. Поэтому я всегда искала практические выходы для своих теоретических результатов. Они вполне могут быть найдены, что и имело место быть в моем случае — в методике перевода, в практике порождения речевых дискурсов и текстов, в педагогической подготовке студентов-переводчиков и коммуникаторов. Я даже параллельно писала монографию, содержащую основные результаты моего диссертационного исследования, и учебное пособие по тем же темам. Пособие я, правда, еще не закончила, но это обязательно когда-нибудь произойдет.

— **Добившись столь значительных научных результатов, как Вы чувствуете себя в Комсомольске, где даже группу студентов-романистов не удается набрать?**

— Я вернулась в Комсомольск в силу того, о чем уже не раз говорила, — по долгу перед людьми и делом. Конечно, востребованность моя здесь как ученого оставляет желать много лучшего. Можно даже сказать, что по профессии я не работаю и занимаюсь в Комсомольске администра-

тивной деятельностью. Профессиональная же реализация требует от меня, по крайней мере, расширения пространства деятельности, то есть мобильности. И я часто выезжаю в разные города Дальнего Востока России и других ее регионов. Во всех местах тоже работать невозможно, поэтому основным городом приложения моих научных талантов является Владивосток. Крупных филологов-романистов, докторов наук очень мало и все они в европейской части России. Ясно, что в маленьком далеком городе, вроде Комсомольска, крупному специалисту зачастую очень сложно. Плюс же только один: все, что хоть как-то касается его профессиональной сферы, никак не пройдет мимо него. И я также имею дерзость думать, что голова, она и в Африке голова. Есть много интересных занятий и в Комсомольске, есть Интернет и книги, есть возможность командировок.

— **Хочется ли Вам еще что-то сделать в науке?**

— Больше всего хочется создать вокруг себя школу, коллектив единомышленников, способных на равных обсуждать самые сложные научные проблемы. Я считаю, что именно в среде научного общения возможен подлинный научный рост. Мне все мои лучшие идеи приходили в голову только в ситуациях диалога.

— **А что для Вас значит административная работа, коль скоро именно она, стала здесь основной?**

— Когда я только начинала свою карьеру декана, мне было очень тяжело. Я согласилась, как всегда, только из чувства долга перед университетом. Приходилось многому учиться, я даже думала, что совершила самый неправильный шаг в своей жизни. Но за полтора года работы я не только научилась эффективно управлять, но и полюбила администрирование, стала получать от него, хотя и не всегда, удовольствие. Оно дает мне возможность активно влиять на ход дела, строить стратегию развития целого факультета, — в мелочах я никогда не умела копаться; — оно позволяет помогать студентам и преподавателям решать их проблемы. Сейчас я уже умею расставлять акценты, и главное — у меня есть своя команда, на которую можно положиться в самые трудные минуты. Мне нравится сообща с ней находить решение той или иной проблемы, обсуждать ее и вместе решать. Когда же еще и результат налицо, чувствуешь, что не зря ввязалась в эту непростую работу. Особенно нравится мне воспитательная ее сторона, то есть взаимодействие со студентами. Я даже и не подозревала раньше, насколько это интересно. Внеучебные контакты со студентами — очень творческое дело. А то, что я окончательно ощутила как не мое, я стараюсь поручать другим.

— **И последний вопрос. Разделяете ли Вы личную жизнь и работу, или они давно уже срослись? А если что-то еще осталось от работы, то чем оно заполнено?**

— Я категорически их разделяю. Я из тех людей, которые считают, что как только работа стала всей твоей жизнью, значит, ты кончился. Как женщина — на все сто процентов, а как человек — на очень большую их долю. Личность многограннее функционирующего субъекта, и нельзя утратить ни одной из этих граней. Я очень люблю читать, люблю театр, кино, концерты, то, что можно назвать, светской жизнью, обсуждать все это люблю, особенно с друзьями. У меня много друзей вне моей работы, и я ими очень дорожу, стараюсь часто встречаться, потому что именно они во многом оказываются способом отделить работу от жизни. К сожалению, в последнее время многие из моих друзей уехали в Петербург, в Москву, в другие города. Но я в каждый свой приезд туда, обязательно с ними вижу. Когда-то мне нравились домашние заботы, сейчас это само собой отпало.

— **Большое спасибо Вам за интересные ответы. Желаю Вам наполнения всех сторон Вашей жизни захватывающими и счастливыми событиями.**

ЭДУАРД АНАТОЛЬЕВИЧ ДМИТРИЕВ

Сегодня у нас в гостях кандидат технических наук, доцент, директор ИКП МТО Эдуард Анатольевич Дмитриев⁷. Интерес к нему постоянно подогревается событиями, связанными с его неординарной биографией, которых хватило бы уже на несколько, хотя Эдуарду Анатольевичу всего 36 лет. В эти годы он уже защитил докторскую диссертацию, стал лучшим молодым ученым Хабаровского края в области технических наук, вы-

играл грант Президента РФ для молодых кандидатов наук. Мы не могли не задать ему наши традиционные вопросы.

— **Как вы выбрали свою будущую профессию?**

— Родился я в Комсомольске-на-Амуре. Когда встал выбор, куда поступать, понял, что мне подходит любая техническая специальность. Гуманитарные меня не интересовали. В старших классах я активно занимался

авиамоделльным спортом, в клубе при КНААПО, причем не только изготавливал, но и запускал модели разного класса: пилотажные, планеры, радиоуправляемые, для воздушного боя, участвовал в соревнованиях. Одним из условий участия в соревнованиях было конструирование двигателя. С этого инженерного дела все и началось. Причем меня интересовала не какая-то узкая проблема технологии самолетостроения, а общие вопросы конструирования машин. В приемной комиссии КНАГТУ я выбрал такую специальность, на которую не было большого конкурса, — на литейное производство. На следующий день я передумал, хотел переписать заявление и поступать на технологию машиностроения, которая была мне ближе, но меня уговорили этого не делать. Сказали, что на Техмаш поступают из других городов, конкурс большой, все с высокими баллами. И я согласился. Как потом выяснилось, уговаривала меня преподаватель с кафедры литейного производства. На окончательный выбор повлияло и то, что со мной поступали на ту же специальность мои друзья, целая команда одноклассников. Хотя потом стал учиться только я один. И стал литейщиком до мозга костей.

— **Когда и как Вы решили стать ученым?**

— На третьем курсе появились у меня научные интересы. Пришлось уйти из авиамоделльного клуба. В конце четвертого курса я делал курсовой проект по оборудованию литейных цехов. Мой руководитель Виктор Валентинович Иванов поставил задачу смоделировать процесс работы формовочной встряхивающей машины для изготовления литейных форм. Результаты оказались такими, что они выявили ряд процессов, которые ранее не были известны. К работе подключился Алексей Иванович Евстигнеев, он помог организовать ее. Появились публикации, и на пятом курсе я уже решил поступать в аспирантуру.

— **На производство Вы не хотели идти?**

— Производство меня всегда интересовало. Мне присущ дух авантюризма. Я был единственным из группы, кто поехал в Хабаровск, на завод отопительного оборудования, на практику по формовке чугуновых радиаторов. Потом я возил туда студентов как руководитель. Был эпизод, когда я работал консультантом в Благовещенске. Можно сказать, что я был на всех литейных предприятиях Дальнего Востока. Не проходит и года, чтобы я не попал на какое-нибудь новое. Ученый и преподаватель плох, если не интересуется производством.

— **Как Вы полагаете, не отстает ли наша наука от производства?**

— Нет, даже наоборот. Когда я защитил зимой 1999-го года кандидатскую диссертацию, я работал инженером на кафедре, нагрузки не было до сентября. Потом стал старшим преподавателем. После защиты, как это часто бывает, встаешь перед вопросом: что же делать дальше? Через ме-

сяц работы, я стал доцентом. Еще через месяц Алексей Иванович сделал меня заместителем заведующего кафедры. Хотя я ничего не знал о работе кафедры, мне пришлось делать очень многое. Вскоре я пришел к заведующему с вопросом о практике. Попросил командировку в Хабаровск. Действовал я тогда чрезвычайно дерзко, не стучась, открывал двери к главным металлургам, благо, что там работали многие наши выпускники. Нас даже ждали, производство начало оживать. Студенты и преподаватели стали знакомиться с заводами. Тогда я понял, что наши научные задачи не совсем совпадают с производственными, которые мы можем решить, но слишком далеко ушли, высоко воспарили. Часто приходится слышать, что наши научные решения невозможно реализовать на производстве. Я так не считаю; если технология плохо реализуется, зачастую, причина этого не в ее качестве, а в культуре труда. Реализацию поручают сегодня малоквалифицированным людям, они все делают по-своему, как привыкли, и тем самым нарушают все рекомендации и изготавливают никому не нужные продукты. Без контроля за этим со стороны руководства никакие выдающиеся технологии не будут полезны. Действовать надо строго по инструкции, а если что-то не получается, в процесс должен вмешаться технолог, а не дядя Ваня. Сейчас наши научные разработки востребованы, хотя не хватает экономического обоснования. Наши инженеры не обучены этому. Кроме того, сегодня не нужна только технология, то есть бумажный отчет о проделанной работе, который мы только и привыкли делать, нужен конкретный технический продукт. Наука должна сопровождаться опытным производством.

— Расскажите о Вашей научной проблематике, менялись ли Ваши интересы от кандидатской к докторской?

— Да. Если в кандидатской я занимался режимами работы формовочной машины, то в докторской — формовочными смесями. Мне помогли в моей работе Виктор Викторович Петров и Алексей Иванович Евстигнеев, с которыми я добился основных своих результатов. Из хоздоговоров с заводами, которые они начинали, и выросла проблематика моей докторской диссертации. В какой-то момент Алексей Иванович сказал: ты готов к защите, через месяц представь мне свою монографию. Я был в ужасе, даже не знал, как они пишутся. Но надо сказать, что без этой его хватки на нашей кафедре не было бы так много защитившихся кандидатов и докторов наук. В докторской я нашел одно очень важное направление: использование неорганических связующих, в частности, солей для приготовления литейных форм. Сегодня используют для этого очень вредные, канцерогенные полимерные соединения, я предложил более экологичные. Такого рода решения почти нигде в мире не применяются; в России публикаций об этом нет вообще, только в Германии есть что-то аналогич-

ное, но именно за подобными технологиями будущее, на мой взгляд. Соли не только безопасны, но их можно многократно использовать и они очень дешевы. Пока результаты моих исследований внедрены только частично, но ситуация обязательно изменится.

— Расскажите о Ваших многочисленных победах в различных конкурсах?

— В основе этих побед те же самые мои научные достижения, они стали стимулом для участия в конкурсе. И еще, конечно, — Алексей Иванович. О конкурсе лучших молодых ученых Хабаровского края я узнал от него за несколько дней до завершения подачи заявки. Я так и не успел ее подать. Но Алексей Иванович договорился, и ее приняли, несмотря на это. Готовясь к конкурсу, я думал о том, как представить свою специфическую работу о смесях так, чтобы было интересно тем, кто будет слушать. И я сделал обзорный доклад, а в конце — в соответствии с требованиями последняя часть должна быть посвящена важности исследований — я просто показал свои патенты и авторские свидетельства на изобретения. Это оказалось, видимо, очень убедительным. Если в начале доклада было страшновато, то по ходу я вошел в раж и выступал даже с удовольствием. А на конкурс грантов Президента я подал проект, связанный с тематикой КНААПО, это проблема получения точных литейных керамических форм методом электрофореза. Делал я его тоже спешно, буквально на коленке. Но должен сказать, что основным условием победы в любом конкурсе является хороший задел, публикации, патенты. Только тогда проект воспринимается убедительным. И второе — актуальность темы.

— А сегодня, после защиты докторской, есть у Вас проблема, чем заниматься?

— Сегодня таких проблем нет, они в другом — как все задуманное успеть осуществить. У меня есть три аспиранта, работать с ними очень интересно. Одна из них уже даже выиграла грант фонда УМНИК. Ученики помогают.

— Скажите, достижения ученых, которые работают сегодня в КНАГТУ, на Ваш взгляд, имеют какое-либо значение, выходящее за пределы университета?

— Я не могу сказать про всех. Но про свои направления работы могу с уверенностью заявить, что их результаты выглядят достаточно солидно и на общероссийском, и на мировом уровне. Это подтверждается и победами в конкурсах грантов, и большой востребованностью на производстве, и даже ссылками на наши публикации. Сегодня, приезжая на научные конференции любого уровня, я всегда убеждаюсь, что нас знают и признают наш авторитет. Я ездил в командировки, пользуясь средствами гранта Президента, почти по всей стране и имел возможность неоднократно это

подтвердить. Но должен сказать, что в последние годы наметился некоторый спад нашей результативности. Это связано с тем, что учебная и организационная работа стала отбирать все время, а наука почти не дает возможности заработать. В конкурсах грантов, призовые которых стали в последнее время очень высокими, у нас могут участвовать единицы, поскольку научного задела почти ни у кого нет. Стимулировать научную работу крайне необходимо, особенно на фоне падения учебной нагрузки. Производство ждет нас, даже в условиях кризиса потребность в научных разработках чрезвычайно остра. Ну, и есть еще проблема устаревания нашего университетского оборудования, необходимого для научных исследований. Это очень мешает работать в соответствии с современным уровнем требований к научным результатам. Но справиться можно с любой проблемой, было бы желание, а оно есть далеко не у всех. Даже если бы появились деньги, я думаю, что не у всех руководителей наших учебных подразделений нашлось бы достаточно убедительных и оптимальных, необходимых и науке и учебному процессу, предложений по их освоению. Я еле собрал заявки на приобретение оборудования от своих заведующих кафедрами. Если покупать оборудование ценой двести тысяч для проведения одной лабораторной работы, можно просто разориться.

— Сегодня Вы — директор крупнейшего подразделения университета, Института компьютерного проектирования машиностроительных технологий и оборудования. Помогает ли Вам новая должность в решении научных проблем или мешает? Каковы основные задачи и проблемы Вашего института?

— Времени на науку стало меньше. На этой неделе хотел прийти в лабораторию и включить прибор, — для работы с ним надо это сделать заранее, — но так и не успел. Иногда даже думаю, зачем мне все это хозяйство нужно? Но с другой стороны, ректор сказал: надо. Руководить институтом мне интересно. Еще до получения должности у меня были свои идеи, которые хотелось реализовать. Так, я открыл специальность «Металлургия черных металлов»; потребность в ней ощущалась руководством Амурметалла. Я написал бизнес-план, его утвердили на заводе. Появилось финансирование завода. Основная проблема ИКПМО сегодня в том, чтобы изменить сознание людей, заставить работать по-иному, понять, что сегодня нужно искать новые источники финансирования нашей деятельности, и в первую очередь, предлагать и реализовывать научные проекты. Но не только. Когда мы открывали центр рабочих профессий, в администрации города нас спросили: и не стыдно ли университету этим заниматься? Ответ наш заключается в результативности работы центра: сейчас мы подготовили уже восемьсот человек. Все это — не только рабочие места для преподавателей, но и возможность для каждого студента

расширить спектр своих квалификаций, лучше понять производственный процесс, который он изучает, посмотреть на него не только сверху, с позиции инженера, но и изнутри, на самых разных уровнях. Необходимо также расширять наше взаимодействие с производством. На мой взгляд, основной его проблемой сегодня является проблема импортозамещения. Мы в состоянии помочь ему в решении этой проблемы. А это, в свою очередь, привлечет в университет дополнительное финансирование и обеспечит рабочие места преподавателям.

— **Вы почти год возглавляете институт, почувствовали ли Вы уже, что получается им руководить эффективно?**

— До лета у меня был период вхождения в курс дела, летом и в сентябре я чувствовал себя лягушкой, барахтающейся в кринке с молоком. Положиться на кого-либо в работе было очень трудно. Был период, когда приемной комиссии нужны были люди, чтобы помочь организовать набор. Но ответственность за это мало кто чувствует. Я стал создавать новую команду единомышленников, с которой можно решать серьезные задачи. Хорошим подспорьем в этом является, на мой взгляд, рейтинг преподавателей, измеряющий вклад каждого в общий результат деятельности института. Премия и заработная плата, увязанная с этим, позволяет увеличить эффективность работы. ИКПМТО оказался по итогам 2008-2009 учебного года на седьмом месте в университете, денег мы получили немного. А ведь это самое большое подразделение, и если бы работали не единицы, а все, зарплата и премии наши могли бы вырасти в несколько раз. И я добился того, что некоторые сотрудники получили премии ноль рублей, а некоторые — от сорока до восьмидесяти тысяч. Начались истерики. Я даже собрал весь трудовой коллектив института, чтобы объяснить свою позицию. Хочу сказать спасибо за поддержку ректору. Страсти улеглись.

— **Есть ли у Вас планы дальнейшего административного роста?**

— Я думаю, что у каждого есть свой предел, преступая который можно в лучшем случае надорваться. Если хорошего заведующего сделать деканом, он может провалить всю работу, то же самое верно и для хорошего декана, который становится проректором. Сегодня я не могу ответить на этот вопрос, мне хочется понять, стал ли я хорошим директором. На меня возложены обязанности, с которыми я должен справиться.

— **Есть ли что-либо значимое в Вашей жизни помимо работы?**

Это, конечно, семья. Один выходной для них, и, если нет авралов, — время с шести до девяти вечера остальных дней. После того, как дети ложатся спать, начинается моя вторая смена. Летом дача, совместные путешествия. Пока моя семья меня поддерживает, и я надеюсь на то, что это будет происходить и в будущем. Я очень люблю горные лыжи.

Холдоми — прекрасное место для этого спорта. Люблю автомобильный экстрим. Читаю я только научные работы. Может неправильно это, но потребности читать что-либо другое или смотреть у меня нет.

— **Остается пожелать Вам успехов в осуществлении всех Ваших планов.**

— Большое спасибо.

ЛЕВ НИКОЛАЕВИЧ ДОЛГОВ

Сегодня гостем нашей рубрики является человек, которого нужно поздравить сразу с двумя чрезвычайно значимыми для него и для университета в целом событиями — шестидесятилетним юбилеем и созданием социально-гуманитарного института⁸. Наша газета с удовольствием делает это и помещает в этом номере интервью, в котором речь пойдет и о личности Льва Николаевича и о его видении перспектив нового структурного подразделения университета.

— **Расскажите, пожалуйста, где Вы родились, что закончили, и как стали работать в нашем университете, как складывалась Ваша карьера?**

— Родился я 24 августа 1946 года в селе Кихчик Камчатской области. Отец мой работал там заместителем директора рыбокомбината. Школу заканчивал уже в Хабаровске в 1963 году и там же поступил в педагогический институт, на исторический факультет, который закончил в 1967 году, и был направлен в Комсомольск, учителем истории в школу. В школе номер 22 я и проработал два года. В те времена распределение было делом серьезным и увильнуть от него было весьма сложно, так что я и не пытался это сделать, хотя никак не думал, что останусь в Комсомольске на всю жизнь. В 1969 году я стал работать в городском комитете комсомола, но понял, что это не мое, и уже в 1970-м перешел в КНАВПИ.

⁸ Интервью записано в сентябре 2006-го года.

— **И как складывалась потом Ваша карьера?**

— Я еще в Хабаровске, будучи студентом, хотел заниматься научной работой, но распределение это не позволило сделать, а тогда, в 1970-м, за меня замолвили словечко мои хабаровские коллеги и мне удалось осуществить свои планы. Помог мой научный руководитель Эрнст Михайлович Щагин, который даже сейчас еще работает, заведует кафедрой истории в Московском городском педагогическом университете имени В.И. Ленина. Это человек очень внимательный к своим ученикам, который всегда интересуется их судьбой и деятельностью. Мы с ним переписывались. Представляете, из Москвы писать письма своим бывшим студентам. Я оказался на кафедре Марксизма-Ленинизма. Мне сразу предложили аспирантуру, но я не чувствовал себя готовым, и стал аспирантом в ДВГУ только с 1972 года. Моим руководителем был Георгий Александрович Умпелев. У меня таким образом было два замечательных учителя. До 1975 года я учился в аспирантуре. И мне не повезло. Началась реорганизация ВАКа, были сокращены диссертационные советы, в том числе и наш владивостокский. Я оказался никому не нужен, пришлось обратиться вновь к Эрнсту Михайловичу. И в 1978-м году я защитился в МГПИ. После этого началась моя преподавательская карьера. Кафедра Марксизма-Ленинизма была вскоре поделена, и уже с 1979-го года я начал заведовать кафедрой Истории КПСС. В 1989 году я перешел в СНС, каковым и проработал два года. Все было готово к защите. А потом опять проблемы, в первую очередь, материального выживания. Защиту практически написанной диссертации я отложил, а в 1992 году и вообще ушел в КНАГПУ, где возглавил исторический факультет. В 2000 году был создан вновь Диссертационный совет во Владивостоке, и там я защитил докторскую диссертацию, а в 2002-м году вернулся в КНАГТУ, поскольку выразил несогласие с тем отношением, которое проявило ко мне тогдашнее руководство университета. Был у меня конфликт с ректором, ныне покойным Владиславом Петровичем Баловым. А здесь меня очень хорошо приняли. Был я помощником ректора Юрия Георгиевича Кабалдина по связям с общественностью, а с его уходом возглавил совершенно новую структуру университета — Социально-гуманитарный институт.

— **Теперь несколько слов, пожалуйста, о Ваших научных интересах, как они развивались, чем занимаетесь сегодня?**

— Научной работой я стал заниматься еще в студенческие годы. Предмет — гражданская война и двадцатые годы на Дальнем Востоке. Этот мой интерес был связан с деятельностью научного руководителя. Потом уже сам стал заниматься проблемами истории экономической политики в нашем регионе. Если бы я не стал историком, то думаю, стал бы экономистом. Экономика всегда меня очень интересовала. Я изучал налоговую по-

литику НЭПа в дальневосточной деревне. Вот содержание моей кандидатской диссертации. А докторская была посвящена дальневосточной экономической политике в целом, в рамках указанного периода. Плюс ко всему как раз к моменту завершения диссертации институт истории ДВО РАН готовил к выходу том, посвященный истории Дальнего Востока в указанный период, мне удалось стать одним из его авторов, я написал экономический раздел. Работа над ним скорректировала и содержание моей докторской. А сейчас я работаю в принципе в русле той же темы, но мои интересы несколько расширяются благодаря тому, что я работаю с аспирантами. Их тематика тоже связана с историей Дальнего Востока, но уже в более широких временных и тематических рамках. Это и культура, и военная политика, и музееведение. В нашем совете, который занимается культурологией и историей, такие синтетические темы чрезвычайно актуальны. Я написал одну монографию и около шестидесяти статей. Монография моя посвящена экономической политике Дальнего Востока в период гражданской войны, она, на мой взгляд, не потеряла своего значения и по сей день. В ней обсуждаются вопросы, которыми мало кто занимался, и ее результаты высоко оценили многие специалисты в соответствующей области.

— Мне хочется задать Вам вопрос как историку. Я вот полагаю, что историей мы занимаемся совсем не потому, что она в состоянии нас чему-либо научить, а как раз наоборот — потому что в ней есть вещи, которые принципиально невозможны теперь. Это интерес к иному. Вы согласны со мной или нет?

— Я в принципе согласен с Вами. Главное в работе историка, по крайней мере, для меня, — любопытство. Без субъективного интереса ничего не получится. Я вот обожаю работать в архиве, с документами, просто находить что-то новое. Процесс поиска материала — самый любимый этап моей работы. Это прикосновение к прошлому, после него оно открывается тебе, становится понятно. А потом приходится садиться за рутинную работу, которая оправдывает твой интерес перед другими, вот это уже и есть поиск актуальности прошлого. К этому привыкаешь только с годами. Хотя актуальность у прошлого, конечно, тоже имеется. Актуальность прошлого — это своего рода прочувствованная лично общественная потребность. В истории многое повторяется и историки знают об этом, но, к сожалению, те, от кого что-либо зависит в социальной жизни, редко обращают внимание на слова историков, тем самым сводя актуальность прошлого почти к нулю.

— Но если она все-таки может быть обнаружена, то в чем, например, актуальность дальневосточного НЭПа?

— Я обратился к истории дальневосточного НЭПа в период экономических реформ А.Н. Косыгина, вносящих в жизнь элементы рынка,

этот же мой интерес обострился и в период перестройки. Вот примеры той самой прочувствованной лично общественной потребности осмыслить то, что происходит теперь, обратившись к прошлому. Я понял, что прошлый опыт актуален хотя бы потому, что структура хозяйства, населения, геополитические факторы (взаимоотношения с нашими соседями) остались те же, и продолжают определять жизнь российского Дальнего Востока. Содержание меняется, структура пока остается.

— У Вас большой опыт преподавательской работы. Не могли бы Вы сравнить теперешнее и советское образование, как-то оценить их различия?

— Есть и общее, есть и существенные различия. В советское время студенты-вечерники относились к образованию очень серьезно, это были взрослые люди, стремившиеся не корочку добыть, а повысить свою квалификацию, дневники же в условиях бесплатного образования относились к нему так, что можно было говорить об известной инфляции образования, которую мы наблюдаем и теперь, но уже по другой причине, то есть из-за того, что коммерческие студенты могут попросту купить диплом, бюджетные студенты — наоборот, стараются учиться, потому что больше боятся быть отчисленными. Сказывается и демографический кризис, то есть попросту нехватка студентов. Одно время думали, что в условиях рыночной экономики, можно прожить и без высшего образования, сейчас интерес к нему возрождается, более того, уже появляются первые признаки его целенаправленности, когда полученные навыки действительно используются затем на производстве. Это обнадеживает. Раньше все было очень четко и просто, четыре общественных дисциплины, стабильные программы, которые спускались из Министерства, а спрос жеще. Сейчас работать мне лично интереснее, потому что есть большие возможности для творчества и в плане содержания, и в плане форм. А самое главное — простор в области научной работы, богатство спектра ее методов, постановки и решения проблем.

— Теперь вопрос, который я задаю всем начальникам. Скажите, не мешает ли административная работа научной или учебной, то есть тому творчеству, о котором Вы только что говорили?

— Я никогда не стремился чем-либо руководить, но у нас всегда существовал дефицит квалифицированных руководителей. Приходилось считаться с этим; человек, имеющий соответствующую квалификацию, должен думать не только о своих личных интересах. А работа администратора позволяет иногда решить какие-то учебные и даже научные задачи, чего нельзя было бы сделать в одиночку. Кроме того, она дает очень полезный опыт коммуникации с другими людьми, лучшие условия видения социальной жизни в целом, может быть, даже понимания прошлого. Это

тоже форма познания. Хотя историческое познание, на мой взгляд, дело индивидуальное, а не коллективное.

— Теперь несколько вопросов о Вашем понимании задач социально-гуманитарного образования в вузе. Вы работали в педагогическом и техническом университете. Скажите, различались ли эти задачи и их решения в зависимости от профиля университета? Уместно ли вообще гуманитарное образование в техническом вузе, ведь об этом последнее время очень много спорят, в том числе и на уровне нашего правительства?

— Педагогический вуз — в силу его профиля — имеет большую гуманитарную составляющую. Дело приходится иметь прежде всего с людьми, даже если ты преподаешь физику, химию, или труд. Я даже думаю, что поэтому гуманитарное образование как таковое в педагогическом вузе сильнее, чем в техническом, и наоборот, несмотря на наличие гуманитарной составляющей в техническом вузе, она не является там определяющей. Однако наш вуз сегодня обладает таким социально-гуманитарным потенциалом, что он, на мой взгляд, даже больше, чем сегодняшний аналогичный потенциал КнАГПУ. Открытие социально-гуманитарных специальностей у нас, как и в других непрофильных вузах, начиналось с поиска новых источников зарабатывания денег, но у нас оно привело к тому, что возник полноценный социально-гуманитарный институт, с колоссальными кадровыми и иными ресурсами. Считаю, что для современного технического вуза это тоже нормально. Историк исходит из сложившихся обстоятельств; если они говорят о жизнеспособности того или иного явления, нет никакого смысла их изменять. Прецедентов много, в том числе и на Дальнем Востоке, достаточно упомянуть хотя бы ДВГТУ. Можно вспомнить и зарубежный опыт, ведь на Западе в каждом техническом вузе есть социально-гуманитарные направления подготовки. Разрушение социально-гуманитарного образования в технических и других непрофильных вузах нельзя допустить, это будет грандиозной ошибкой, гораздо более страшной, чем его создание, если кто-то и считает это создание ошибкой, с чем я категорически не согласен. Надо не разрушать, а искать наиболее рациональные пути использования накопленного в технических вузах социально-гуманитарного потенциала.

— В связи с этим напрашивается вопрос о перспективах нашего Социально-гуманитарного института, поскольку они Вам как его директору более понятны?

— Если говорить коротко, то главная цель Института — консолидация сил гуманитариев технического университета. В условиях реформы образования, надвигающегося демографического кризиса, изменения приоритетов в структуре профессиональной занятости такая консоли-

дация — единственное условие полноценного развития, позволяющее выдержать существующую конкуренцию. Половина доходов нашего вуза есть результат коммерциализации предлагаемых образовательных услуг, нам тоже необходимо создавать такие предложения, которые будут пользоваться спросом, и благодаря их качеству, и благодаря их уникальности на рынке. Вот как раз тот самый случай, когда сообща легче решать учебные и научные задачи.

— **Чем Вы любите заниматься во время отдыха от работы, если, конечно, Вы различаете эти два вида деятельности?**

— Работа, конечно, не все в моей жизни. Есть еще семья, дети, внуки, дом, дача, библиотека, накопленная начиная еще со студенческих времен. Читать я очень люблю. Однако жизнь ученого и преподавателя такова, что жестко не распадается на работу и дом, в отличие, может быть, от жизни представителей других профессий. Ученый или преподаватель и дома продолжает заниматься тем, чем на работе. Я всегда воспринимал свою работу как часть самого себя и личной жизни.

— **И последний вопрос. Расскажите о Ваших творческих планах. Что еще хотелось бы Вам сделать?**

— Хотелось бы написать новую научную книгу, то есть, может быть, продолжить ту же самую, об экономике Дальнего Востока, но сделать это заново, с учетом того, что открылось только теперь. Каждый ученый всегда пишет одну свою книгу (максимум — две), но каждый раз по-новому. И еще хочется написать такую сложную в стилистическом отношении книгу. Нечто среднее между научной и мемуарной литературой. Книгу об отце. Он у меня босиком ушел из своей деревни и стал крупным руководителем. Это был замечательный человек, с ним никогда не бывало скучно. Отец обладал удивительным чувством юмора, стиль его рассказов до сих пор помнится мне. В нашем семейном архиве сохранились документы о его деятельности. Мне и сама его эпоха безумно нравится. Может быть, стиль речи отца и стал бы тем единящим началом, которое сплавило бы в органическое целое личное воспоминание и научную историю, создав такое обращение к прошлому, о котором мы с Вами говорили, как о результате лично прочувствованной общественной потребности в истории.

— **Спасибо, Лев Николаевич, за очень интересные ответы.**

АЛЕКСЕЙ ИВАНОВИЧ ЕВСТИГНЕЕВ

Сегодня гость нашей рубрики — проректор по научной работе КНАГТУ, доктор технических наук, профессор⁹.

— Расскажите о том, где Вы родились и как определились Ваши профессиональные интересы.

— Я родился в г. Лысаково Горьковской области. Незадолго до окончания школы, по семейным обстоятельствам переехал в г. Советская гавань, а потом поступил в наш институт. Хотелось учиться на электротехническом факультете, но недобрал баллов, мне предложили зачислиться кандидатом или перейти на другой факультет. Первое означало отсутствие стипендии, а этого очень не хотелось, вот я и оказался на механическом факультете, и с тех пор занимаюсь литейным производством, о чем никогда не жалел, это стало моим призванием.

— Как складывалась Ваша научная карьера?

— В 1981 году я закончил аспирантуру Горьковского политехнического университета. В те времена аспиранты сами не выбирали себе тем, а получали их в зависимости от интересов научного руководителя. Только потом удалось начать заниматься своими вопросами. Мои научные интересы менялись, но всегда были так или иначе связаны с литейным производством: теорией литейных процессов, формовочными материалами, специальными способами литья. Сегодня я автор более 300 печатных работ, в том числе 5 монографий, 18 изобретений и 2 программ для ЭВМ. Мои разработки внедрены на некоторых производствах. Под моим руководством защищено 15 кандидатских и одна докторская диссертация, я являюсь членом экспертного совета ВАК РФ по металлургии, мне присуждено звание «Почетный работник высшего профессионального образования» и совсем недавно — звание «Заслуженный деятель науки Российской Федерации».

— Как Вам удается совмещать научную и административную работу?

— Если искренне ответить на этот вопрос, то, к сожалению, в ущерб научной. Когда я стал проректором, почти все мое время начал отдавать

⁹ Интервью записано в июне 2006-го года.

административной работе, а научной приходится заниматься по вечерам и по ночам. Но сожаление мое проходит, когда удается сделать что-то важное для развития науки в университете. Однако от научной работы я никогда не отказывался, создал школу, и хотя она не такая блестящая, как у Юрия Георгиевича Кабалдина, кое-что и нам удалось сделать.

— **Тогда расскажите, в чем Вам видится смысл научной работы вообще и в нашем университете в частности.**

— Если говорить о смысле научной работы вообще, то он, на мой взгляд, имеет три аспекта. Во-первых, это разработка техники овладения жизнью, как внешним ее сопровождением (вещами), так и внутренними проявлениями (социальными и культурными процессами). Во-вторых, это совершенствование методов мышления. В-третьих, это обретение ясности педагогических задач ученого. А если говорить о смысле вузовской научной работы, то он заключается в задаче научить молодого человека творчески мыслить, искать новые знания, работать в коллективе.

— **А если поконкретнее? Каковы важнейшие направления нашей научной работы?**

— Научная работа в КНАГТУ определяется долговременными целями и задачами развития научного и научно-технического потенциала края и города. Важнейшими направлениями работы представляются авиатехника и судостроение, нефтепереработка, металлургия, электротехника, электроэнергетика, строительство, жилищно-коммунальное хозяйство. Сейчас мы работаем на то, чтобы в перспективе открыть новые научные направления, такие, как океанотехника, нефтехимия, электроника, дорожное строительство, лесное хозяйство, горнорудное производство. Мы стараемся развивать инфраструктуру университета, обеспечивающую кадровое сопровождение научной работы; совмещать фундаментальные и прикладные научные исследования; модернизировать существующую научно-техническую базу; создавать совместные научно-исследовательские проекты с различными учреждениями региона. Особый предмет заботы — наш Технопарк. Стратегическая цель всей научной работы университета — придание ему статуса инновационного технического университета, позволяющего существовать в условиях жесткой конкуренции с другими учреждениями, занимающимися аналогичной деятельностью.

— **А каковы Ваши творческие планы на будущее?**

— Мои планы связаны с конкретной научной работой ВУЗа. Сейчас готовим материалы и документы для представления его на статус ведущего по нашим научным направлениям. Помогаем нашим научным школам, диссертационным советам, информируем наших ведущих ученых о возможностях получения грантов, проводим конференции. Для себя лично

можно пожелать разве только одного — завершить подготовку моего второго докторанта к защите.

— Скажите, а есть ли в Вашей жизни стороны, которые не затрагивает работа? Чем, например, если не секрет, Вы любите заниматься в свободное от нее время?

— Не секрет. Когда выдается редкая свободная минута, я посвящаю ее моей семье. Люблю съездить на дачу, но не для того, чтобы вырастить богатый урожай, а просто чтобы побыть на природе, посадить какое-нибудь растение и понаблюдать за его жизнью.

— Большое спасибо за то, что Вы нашли минутку и для ответов на наши вопросы. Желаем Вам успехов в достижении всех поставленных целей.

ИЛЬЯ ЗАЙЧЕНКО

Мы уже рассказывали о конкурсе «Лучший выпускник вуза Хабаровского края 2005», организованном министерством образования, управлением службы занятости края и хабаровским городским центром занятости населения в рамках форума «Карьера». Он проводился в три этапа: сначала лучших выпускников выбирали в каждом вузе, затем 75 дипломников померились силами в полуфинале, из них были отобраны десять

финалистов. В результате ими стали: Иван Авдюшкин и Евгений Слонский из Тихоокеанского госуниверситета, Татьяна Миронова и Василий Бутер из университета путей сообщения, Кирилл Бурцан и Анна Плетнева из академии экономики и права, Мария Слугина из гуманитарного университета, Алексей Кадников из медицинского, Георгий Алимов из Комсомольского-на-Амуре педагогического университета. А победителем конкурса был признан Илья Зайченко — студент нашего Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета (это праздник сразу двух подразделений — электротехнического факультета и института дополнительного профессионального образования, — в которых он обучается

по специальностям «Управление и информатика в технических системах» и «Менеджмент организации», причем со средним баллом в обеих зачетках — 5,0). Еще в школе Илья не раз был победителем олимпиад по математике, физике, биологии, литературе, русскому и английскому языкам, в том числе краевых и окружных. Сегодня в свои 22 года Илья — автор 12 научных работ, в том числе трех заявок на изобретения, двух зарегистрированных интеллектуальных продуктов и программы для ЭВМ. В прошлом году он стал призером международной олимпиады по автоматическому управлению. Илья — лауреат двух международных конкурсов по хоровому пению — в Ялте и в Праге. Пением он занимается в мужской академической капелле университета, а до этого окончил музыкальную школу по классу фортепьяно. Еще до поступления в университет освоил на КНААПО специальности слесаря механосборочных работ и оператора ЭВМ. Стипендиат Президента РФ, победитель конкурса на студенческие стипендии фонда Владимира Потанина. За победу в самом главном студенческом конкурсе года Илья Зайченко получил подарок от компании «СТАР Тревел»: авиабилет «Хабаровск — Сеул — Хабаровск».

Мы не могли не задать такому человеку несколько вопросов: сегодня Илья Зайченко — Persona Grata и в нашей газете¹⁰:

— Расскажите, пожалуйста, немного о своей студенческой предыстории, почему Вы оказались в нашем университете?

— Я комсомольчанин, учился в 22 школе. Заканчивая ее, выбирал между двумя факультетами — ФКТ и ЭТФ, но остановился на последнем. Железо мне больше нравится, чем цифры. Моя специальность связана с проектированием систем автоматизации на производстве, но, конечно, это невозможно сегодня без программирования и компьютеров, которым я тоже много уделял времени. Кроме того, я стал учиться на менеджера, потому что в настоящее время и экономические знания пригодятся квалифицированному специалисту в любой области его деятельности. Мое второе высшее образование, может быть, станет и главным моим занятием. Есть что-то общее между управлением техническими объектами и производством: финансами и людьми, ведь никакое развитие производства невозможно без развития экономики.

— Вы хотите не участвовать в производстве, а управлять им?

— Я не представляю для себя одного без другого. Мое кредо — самореализация, постоянный рост, а управление открывает именно такие перспективы. Всякий классный специалист на определенном этапе останавли-

---

¹⁰ Интервью записано в июне 2005-го года.

вается в своем росте, если не изменит его траектории, не расширит диапазон своих умений. Любая остановка — это не просто покой, но — движение назад, поэтому надо постоянно стремиться к чему-то новому и лучшему.

— А Вы не согласны с мнением о том, что управлять производством может только тот, кто непосредственно его знает, а не пришедший со стороны экономист?

— Скорее не согласен, хотя я получаю не только экономическое образование, производство мне тоже известно. Однако, на мой взгляд, хороший руководитель — это не только тот человек, который пришел снизу. Более того, тот, кто пришел сверху лучше справится с задачей поставить производство не в зависимость от наличных условий, а в зависимость от того, каким оно должно быть в идеале, и в этом залог экономического роста.

— Следующий мой вопрос таков: зачем Вы так много участвуете в конкурсах?

— Конкурс и успех — это один из путей к новому и лучшему. Это проверка собственной состоятельности, каждая моя победа — это подтверждение того, что я не остановился.

— Но ведь Вы соревнуетесь всего лишь с людьми. Победа в конкурсе может означать только то, что Вы — лучший только среди нескольких коллег, а не вообще.

— Качество победы, конечно, зависит от качества противника, но я не стал бы их недооценивать, попробуйте выиграть хотя бы в одном конкурсе, и Вы это почувствуете. Со многими противниками очень интересно общаться и соревноваться, ведь они тоже достигли каких-то результатов в своей карьере и профессии. Победа не повышает собственной квалификации, но она дает понимание того, в каком направлении надо ее повышать. Ну и плюс — это большой эмоциональный заряд, это отдельный важный показатель успешности твоей работы, значительно влияющий на твою карьеру. Тебя ведь оценивают профессионалы, поэтому победа что-то значит. А успешная карьера и материальное благополучие, чего кривить душой, — неотъемлемые аспекты ощущения собственной востребованности и самореализации, важного для каждого человека. Ну и главное — после каждой победы не почивать на лаврах, а наоборот, — опять участвовать в конкурсе и опять побеждать. Я поэтому не боюсь проиграть, ведь рано или поздно победа будет за мной, и поражение только раззадоривает. Проигранный конкурс остается все равно способом разнообразить свой жизненный путь, узнать новых людей, открыть в себе и в мире новые возможности. Играть так же интересно, как и побеждать, хотя последнее еще и приятно.

— **А Вам нравится вкус славы?**

— Только немного. Извините за кокетство, на которое сами напросились. Поверьте, все-таки, она — совсем не главное для меня.

— **А где было труднее и важнее всего победить из тех конкурсов, которые Вы выиграли?**

— Наверное, на последнем моем конкурсе — «Лучший выпускник». Особенно тяжело было на втором этапе. Пришлось выступать с презентацией, рассчитанной на широкую публику, только перед несколькими членами жюри. Мы к этому были не готовы, и это произошло стремительно и без предупреждений. Атмосфера явно не располагала ни к громким звукам, ни к шоу. После презентации — рассказа о себе и небольшого художественного номера — жюри задавало вопросы. Лучший выпускник должен быть лучшим и как личность, и как профессионал. В жюри входили не просто представители кадровых агентств, они же были и представителями крупных производственных предприятий. Третий этап был уже в большом наполненном зрителями зале. Хабаровчанам больше повезло, они много репетировали, с ними работали звукооператоры и режиссеры, у них были профессиональные фонограммы, подтанцовка, классные костюмы. А у меня презентация происходила с техническими неполадками, слайды не могли включить вовремя.

— **Как же Вы победили на таком фоне?**

— Наверное, благодаря желанию победить, благодаря искренности и живому выступлению. Аплодисменты не стихали ни во время, ни после выступления. Жюри не объяснило своего решения, поэтому приходится гадать. В конкурсе был только один победитель и четыре номинации.

— **Теперь Вы, наверное, желанный гость на любом из предприятий Хабаровского края?**

— Об этом можно будет судить только после поступления конкретных предложений.

— **А как Вы намерены продолжать свою карьеру после окончания университета?**

— Во-первых, хочу поступить в аспирантуру и защититься. Но, к сожалению, сегодня карьера ученого и преподавателя не может меня вполне удовлетворить в силу связанных с ней финансовых трудностей. Приходится искать и другие пути карьеры, компромиссы, которые решали бы эти трудности. Я люблю исследовательскую и изобретательскую деятельность, достиг в них некоторых результатов и с большим удовольствием посвятил бы им жизнь, но сегодня не могу быть уверенным в том, что таким образом выживу. Может быть, ситуация изменится еще и на моем веку.

— **А не хотели ли бы Вы продолжить обучение за границей?**

— Сегодня реально — это только Корея, но я не думаю, что образование там намного лучше нашего, кроме того, отсутствие процедуры признания наших дипломов за рубежом сильно тормозит соответствующую карьеру. Работа в Корее имеет слишком конкретный коммерческий характер, и для меня не является способом того роста, о котором я говорил.

— **Расскажите, пожалуйста, о Вашем увлечении хоровым пением.**

— Я люблю петь и люблю наш хор, хотя сегодня на это хобби почти не остается необходимого времени. Хор наш — очень серьезное предприятие. Уже при поступлении в университет всех, кто имеет отношение к музыке, привлекают к участию в хоре. Подготовка к выступлению длится два — три года. Хор достаточно малочисленный, в нем всего 18 человек, ежегодно он прирастает не более, чем на одного человека, но многие выпускники продолжают выступать в нем (они даже составляют примерно половину хора), и я, пока буду находить время, собираюсь участвовать в нем после окончания университета. К сожалению, нас очень редко приглашают выступать, в городе мало любителей хорового пения. Однако это — серьезная музыка и часть нашей национальной культуры, поэтому мы не отчаиваемся, продолжаем работать и всегда находим настоящего благодарного слушателя. Спасибо и нашему университету за финансовую помощь хору. Настоящее искусство редко самоокупается, необходимо это понимать.

— **А чего бы Вам хотелось добиться в итоге Вашей карьеры?**

— Об итогах пока говорить рано. Хочется как можно дольше сохранить перспективу движения. Хочется всегда знать, что ты в этой жизни что-то собой представляешь и что-то значишь для других. Жизнь должна приносить и моральное, и материальное удовлетворение. Хочется максимально взять все от жизни и отдать ей еще больше, хочется принести пользу, если это кому-нибудь нужно.

— **А создание семьи входит в Ваши планы?**

— Да. Хочется быть рядом с любящими и любимыми людьми. Но жениться человек должен тогда, когда он может обеспечить свою семью.

— **А какие девушки Вам нравятся?**

— Умные и красивые, могу себе позволить.

— **Остается только пожелать Вам добиться всего, о чем Вы сказали и сказать большое спасибо за интересные и остроумные ответы.**

ЮРИЙ ГЕОРГИЕВИЧ КАБАЛДИН

Сегодня наша *Persona Grata* — заслуженный деятель науки и техники России, доктор технических наук, профессор, академик Российской инженерной академии, ректор Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета Юрий Георгиевич Кабалдин. В этом году и университет, и его руководитель отмечают свои юбилейные даты, редакция газеты «Университетская жизнь в КНАГТУ» поздравляет

нашего ректора с юбилеями и желает ему долгой плодотворной работы¹¹. Помня об этих замечательных датах, мы не могли не обратиться к Юрию Георгиевичу с уже традиционными для нашей рубрики вопросами.

— Расскажите, пожалуйста, о том, где Вы родились, какое образование получили и как стали работать на Дальнем Востоке, в КНАГТУ.

— Я родился в городе Владивостоке, потом жил в разных городах Дальнего Востока: в Артеме, Комсомольске. Мой отец был военным и много лет служил на Дальнем Востоке, но в 50-е годы мы уехали в Горький, теперь этот город называется Нижний Новгород. Мой отец всегда говорил мне, что надо посетить места, где я родился и, может быть, поработать здесь. Его влияние и общий патриотический настрой тех лет сыграли большую роль в том, что я после окончания школы поступил в Московское высшее Краснознаменное общевойсковое командное училище имени Верховного Совета РСФСР. Там я проучился два года, даже участвовал в военных парадах на Красной площади. Положение в армии в те годы было хорошим, учили качественно. До сих пор я, например, помню, как производится построение войск на параде, даже все команды. Впечатления незабываемые. Все же потом мне стало понятно, что нахожусь не на своем месте. Нижний Новгород — центр машиностроения, техника же всегда меня очень интересовала. Да и большинство моих друзей учились на технических специальностях. Я закончил Горьковский

11 Интервью записано в сентябре 2005-го года.

политехнический институт. Получил квалификацию инженер-механик по специальности Технология машиностроения. После этого аспирантуру. А потом, в 1970-м, приехал в Комсомольск-на-Амуре, где работаю 35 лет. Никогда я не жалел о своем выборе места работы. С научными центрами, с Москвой, Санкт-Петербургом, их ведущими вузами и учеными мы всегда поддерживаем связи. А Дальний Восток предоставляет прекрасные условия для научной и учебной работы, но, к сожалению, их всегда мало ценили. Сейчас условия стали хуже, но и теперь они значительны. У нас создана достаточная для эффективной работы материальная база, научные школы, полученные результаты высоко ценятся по всей России.

— **А как у Вас возник интерес к научной работе, и в чем она заключалась?**

— У меня был очень интересный учитель — доктор технических наук, профессор Моисей Исаакович Клушин. Представьте себе молодого, импозантного и умнейшего человека, который умел блестяще читать лекции. Студенты иногда просто ходили посмотреть на него, а студентки все были в него влюблены. Когда он предложил мне и моему другу продолжить обучение в аспирантуре, я с радостью согласился. Так все и началось. Сейчас мы оба — доктора технических наук, профессора. Мой друг, Олег Васильевич Кретинин, заведует кафедрой, и мы плодотворно сотрудничаем, я приглашал его к нам, он приезжал в командировку и читал лекции. Тема у меня была связана с созданием эффективных смазочных материалов, предотвращающих износ деталей, происходящий в результате трения. Тогда это было одним из важнейших направлений повышения износостойкости деталей. Я разрабатывал экспресс-метод оценки пригодности смазки для того или иного вида металла. Оказавшись же в Комсомольске, я увидел огромные возможности для экспериментальной работы, как в стенах университета, так и на заводах. Многие мои изобретения были сразу же внедрены. Сегодня о таком широком применении результатов научных исследований остается только мечтать, хотя и в этих условиях можно интересно работать. В начале семидесятых я сотрудничал и с заводами и институтами других городов, например, с Дальневосточным отделением Академии наук во Владивостоке. Уже к 1980-му году у меня была полностью готова докторская диссертация. Я занимался тогда проблемами надежности станков и инструментов. Нужно было получить много авторских свидетельств, провести массу экспериментов, доказывающих положения диссертации, внедрить ее результаты на производстве. Это сложнее, чем диссертации по гуманитарным наукам защищать, в нашей сфере предварительная работа при подготовке к защите должна была быть проделана огромная.

И я ее выполнил так, что многие результаты до сих пор используются на производстве в нашем городе, в Москве, в Томске. Если бы не нынешнее сокращение загрузки заводов, они бы использовались еще шире. Но, как я уже говорил, и сегодня можно эффективно работать и принести экономическую пользу.

— **Каковы же Ваши сегодняшние научные интересы?**

— Сейчас я занимаюсь проблемами управления и автоматизации технологических систем, их электронного и информационного обеспечения, вопросами самоорганизации сложных систем, относящимися к компетенции синергетики. Это наука о нелинейно развивающихся системах, результаты которой можно применять не только в естествознании и технике, но и в экономике, социологии. Она позволяет прогнозировать ход развития самых разнообразных процессов. Перспективы у синергетики очень большие. Я думаю, что она создает обществу и природе условия для гармоничной жизни по единым законам. Нужно научиться этой гармонии, чтобы добиться благополучия. Пока это больше удастся западным странам, чем России. Но я пытаюсь, по крайней мере, в нашем университете создавать условия для нормальной работы, и считаю, что браться за какое-либо дело можно только тогда, когда ты понимаешь, как его сделать. По этим проблемам под моим руководством защищено 3 докторских и 30 кандидатских диссертаций. Мною опубликовано более 10 монографий и 300 статей, получено более 100 авторских свидетельств и патентов на изобретения. Я был последним ученым, которому присвоили почетное звание «Заслуженный деятель науки и техники» (теперь существует только звание «Заслуженный деятель науки»), неоднократно меня признавали лучшим изобретателем и рационализатором края, наградили Орденом Почета. По своему опыту могу сказать, что работа ученого более всего эффективна тогда, когда он не занимается всю жизнь только одной темой, а меняет ее хотя бы раз в десять лет. Да и современная механика требует очень широкой подготовки и мобильности интересов ученого, знаний в области математики, вычислительной техники.

— **Как развивалась Ваша административная карьера?**

— Я проработал год в университете и стал деканом, в качестве которого оставался семь лет, с 1974 по 1981 и с 1985 по сей день заведую кафедрой Технологии машиностроения. С 1987 по 1991 год был проректором по научной работе и потом был избран ректором. Я прошел все стадии научной и административной карьеры, и считаю что для руководителя это очень полезно, потому что, только имея опыт управления всеми возможными типами подразделений, можно хорошо разобраться в проблемах, возникающих в их работе.

— **Удается ли Вам полноценно совмещать научную и административную деятельность?**

— Наверное, удастся, потому что я стараюсь отделять главную работу от второстепенной. Работы всегда много и браться за все ее виды нельзя никому. А руководителю — тем более. Нужно уметь найти хороших помощников, которым можно поручить второстепенную работу. И еще надо научиться работать на перспективу, сосредотачиваться на стратегически значимых целях. Я не скрою, что больше всего мне нравится исследовательская работа, но я всегда и все стараюсь делать качественно и быть впереди других.

— **Остается ли у Вас время на досуг и как вы предпочитаете его проводить?**

— Очень мало, но если выдается свободное время, я стараюсь проводить его с семьей, люблю землю, сад. Читать особенно много не люблю, видимо, я из тех, кто не читатель, а писатель. Вот писать мне очень нравится. Но я не жалею, что свободного времени мало. Если нет работы, быстро стареешь и заболеваешь, а когда работаешь — живешь и чувствуешь себя здоровым и молодым.

— **Давайте поговорим о состоянии современного высшего образования в России и грядущих его реформах. Как изменилось оно за последние годы, и можно ли ждать от новых реформ его улучшения?**

— На мой взгляд, оно ухудшилось, но не потому, что мы утратили что-то важное, а потому, что мы за последние годы значительно отстали от западных стран. Мы до сих пор плохо понимаем важность новых информационных технологий в обучении, фактически тормозим болонский процесс. Эти реформы основаны на богатом западном опыте и то, что мы не находим возможности его освоить, отрицательно сказывается на нашем образовании. Мы ни своего не сохранили, ни чужому не научились. Мы всегда стремились объять необъятное, но сегодня это получается хуже всего. Любые, даже хорошие начинания, мы проводим неподготовленно и добиваемся противоположного желаемому результата. Действия министерств не согласованы. До сих пор нет закона о статусе бакалавра, а сколько людей уже получили эту ученую степень? Непонятно, что делать со специалистами в условиях Болонского образовательного пространства, как отменять степень кандидата наук. Документ подписан, решение принято, а как выполнять его, никто не знает. Существует масса лишних и затрудняющих работу структур. Я считаю, что наша Академия наук, например, утратила свое значение уже много лет назад. Ни в одной стране нет такой странной организации. Как можно успешно проводить реформы, когда все лоббируют только частные интересы,

думают только о том, чтобы сохранить свой докторский или академический статус, а не о том, чтобы делать общее дело — повышать качество образовательных услуг. Данные последних исследований качества российского образования показывают, что оно очень низкое. Более того, сейчас наметилась чрезвычайно опасная тенденция сворачивания даже тех процессов, которые хоть как-то позволяли нашему образованию существовать, уничтожения даже тех положительных результатов, которых удалось добиться в непростые последние годы. Опять ограничивается инициатива, вводятся какие-то контролирующие органы, функции которых мало понятны, ужесточаются программы, уменьшается финансирование и вводится уравниловка. Как в этих условиях работать? Поэтому и у меня прогнозы самые пессимистические. Государство дает нам недвусмысленно понять, что образование не является приоритетной сферой социально-экономического развития, ему специалисты не нужны, и создается впечатление, что нужны только малоквалифицированные рабочие. Мы сегодня становимся сырьевым придатком экономически развитых стран, и работаем на них, под руководством их специалистов. Нужна хорошо продуманная и последовательно реализуемая политика по выходу страны из системного кризиса, но ее пока, к сожалению, нет. Речь идет не только об образовании, но и обо всех сферах жизни общества.

— И что же делать нам, маленьким людям, в этих условиях? Можно ли говорить о том, что остаются еще хотя бы возможности эффективно работать в рамках отдельно взятой организации?

— Мы так и пытаемся работать в нашем университете. Нам удалось создать сплоченный и работоспособный коллектив. И еще — добиться финансовой стабилизации университета. Это позволяет с уверенностью смотреть в будущее и продолжать совершенствовать свою работу, увеличивая и улучшая предоставляемые образовательные услуги. В преддверии грядущего пятидесятилетия нашего университета хотелось бы пожелать всем его сотрудникам здоровья и благополучия. Давайте постараемся все сделать для того, чтобы гордиться нашими достижениями и добиться признания нашего нестоличного университета лучшим и в крае, и в стране. А условия для этого у нас есть.

— Спасибо Вам, Юрий Георгиевич, за то, что Вы так обстоятельно ответили на все вопросы. Мы надеемся, что наше общение еще будет продолжено в форме других, интересующих наших читателей, вопросов к ректору, которые и предлагаем задавать, присылая их в газету, всем сотрудникам университета.

АЛЕКСАНДР ВИТАЛЬЕВИЧ КОСМИНИН

Сегодня у нас в гостях декан Кораблестроительного факультета (переименованного недавно в факультет Энергетики, транспорта и морских технологий), доктор технических наук, профессор Александр Витальевич Космынин¹². Мы обратились к нему с традиционными вопросами, потому что Александр Витальевич, на наш взгляд, относится к числу неравнодушных руководителей, старается принимать самое активное уча-

стие в управлении вузом, является творческим и ответственным человеком.

— Первый вопрос — традиционный: где Вы родились, выросли, учились, как выбрали факультет, на который поступили?

— Я — коренной комсомольчанин, здесь родился в 1959-м году, вырос, учился. В 1977 году окончил школу и поступил на специальность СЭУ в КНАГТУ. Выбор был случайным, пошел вместе со своими одноклассниками, да и завод АСЗ был на слуху, но я никогда не жалел об этом. Специальность моя оказалась намного шире, чем представляется на первый взгляд. Человек, освоивший ее, может работать на многих предприятиях. В 1982 году я окончил институт, и меня оставили на кафедре Гидромеханики и Теории корабля. Сначала думал идти на завод, но заведующий этой кафедрой Г.Н. Ткачук предложил мне поработать в институте. Тогда шло строительство нашего опытового бассейна, и тема моей дипломной работы как раз была посвящена конструированию его силовой части. Преддипломная практика проходила у меня в Ленинграде в таких организациях, как ЛИИВТ, ЦНИИ им. Крылова, ЛКИ; там я собрал необходимые данные, которые и помогли мне закончить дипломный проект. Потом я отслужил в армии, прошел стажировку, а потом уже поступил в аспирантуру, в Ленинградский политехнический институт, где и защитил кандидатскую диссертацию в 1989-м году. Она была посвящена газовым турбинам. Вернулся в КНАГТУ, работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, профессором. На протяжении всего этого времени с профессором Виктором

¹² Интервью записано в ноябре 2009-го года.

Сергеевичем Виноградовым мы работали над проектированием малоразмерных приводов к различным установкам. Потом заинтересовали газовые опоры. В 2004-м году защитил докторскую диссертацию. Мы предложили к внедрению в различные высокоскоростные устройства частично пористые газостатические опоры. Пожалуй, лучше таких из класса газовых подшипников уже ничего не придумать. Сейчас мы активно занимаемся исследованиями газоманнитных опор.

— **Удалось ли внедрить что-либо в производство?**

— Это было трудно всегда и в советский период, и сейчас. Но мы продолжаем изготавливать опытно-промышленные образцы, которые, надеюсь, еще внедрить в производство. Помимо этого участвуем в международных выставках, где получаем медали разного достоинства. К нам обращаются за консультациями специалисты из других вузов и городов России.

— **Что Вы считаете самым главным результатом Вашей научной работы?**

— Создание научного направления по исследованию бесконтактных опор, которыми сегодня занимается целая группа, куда входят мои коллеги и ученики. У нас уже состоялось пять защит диссертационных работ. В этом году планируем две защиты кандидатских диссертаций, а в следующем одну докторскую. Надеюсь, что на этом дело не остановится.

— **Расскажите о Ваших учителях?**

— Как и у любого другого человека, учителей у меня было много, но в первую очередь это — д. т. н., проф. Александр Иванович Кириллов и к. т. н., проф. Виктор Сергеевич Виноградов. А. И. Кириллов — мой научный руководитель в Ленинграде. Он известный ученый в области стационарных газовых турбин, заведующий кафедрой теоретических основ теплотехники ЛПИ. По сути дела, он привил мне любовь к научной деятельности. Вся моя работа в КНАГТУ после аспирантуры тесно связана с проф. каф. ТЭУ В. С. Виноградовым. Виктор Сергеевич хороший ученый и инженер. Именно он всегда подталкивал меня к работе над докторской диссертацией, и в успешной ее защите есть его немалая заслуга, за что я ему всегда буду благодарен.

— **Теперь вопросы другого рода. Вы всегда были только ученым, как Вы решились занять должность декана?**

— Далеко не сразу. Прежде всего, меня подтолкнул сделать этот шаг наш ректор и коллектив кафедры ТЭУ, и я после долгих раздумий согласился возглавить факультет.

— **Что для вас важнее, наука или управление вузом?**

— Я, честно говоря, до сих пор раздваиваюсь, но на первый план вышла управленческая деятельность, наука теперь у меня в основном только по субботам.

— **Есть ли ощущение, что управлять факультетом получается?**

— Есть ощущение удовлетворенности результатом определенных начинаний. Мы создали на факультете электронную библиотеку учебно-методических разработок. Приобрели на кафедры мультимедийные установки. Много занимаемся набором. Активно работаем со школами города, края и региона. Собираемся в этом году провести агитационную работу среди выпускников школ на Камчатке, где требуются специалисты на судоремонтные предприятия.

— **Удовлетворяет ли Вас материально-техническая база факультета сегодня?**

— Проблемы есть, конечно. Средств не хватает на ее обновление, но мы делаем все, что можем. Участие в грантах позволяет нам приобретать некоторое оборудование. Думаю, что не надо особо уповать на средства, выделяемые на приобретение оборудования Министерством образования и науки. Они скромны. Нам безотлагательно надо усилить результативность работы по грантам, а это, замечу, возможно только через получение значимых научных результатов, издание монографий, статей, защиты диссертаций, поддержку патентов и т.д., т.е. многое замыкается на науке.

— **Есть ли перспективы трудоустройства на АСЗ у студентов факультета?**

— Перспективы есть. Генеральный директор ОАО АСЗ Н.Г. Повзык пообещал нам полностью трудоустроить нынешний выпуск студентов. Надеемся на это.

— **Каковы, на Ваш взгляд, перспективы кораблестроения на Дальнем Востоке России?**

— В прошлом году я обзвонил все судоремонтные и судостроительные предприятия от Якутии до Камчатки. Там ситуация не очень хорошая, многие не знают, просуществуют ли они еще хотя бы 3 года. Но перспективы уже открываются. Например, на АСЗ планируется выпускать малотоннажные суда гражданского и военного назначения, и уже определенное финансирование пошло.

— **Какая основная проблема сегодня, которую должен решать факультет?**

— Это сохранение контингента преподавателей и укрепление его молодыми кадрами. Демографический кризис рано или поздно пройдет. С каким коллективом преподавателей мы выйдем из него? К сожалению, количество студентов определяет количество преподавателей. При этом, качество набора оставляет желать лучшего и нам приходится отчислять студентов, которые объективно не готовы учиться в вузе. Например, в прошлом году цифры набора увеличились, и нам пришлось приглашать абитуриентов, которые собирались учиться в техникумах.

— **Это правильно?**

— Мы обязаны выполнять государственный заказ, хотя это и не правильно.

— **Как Вы готовитесь к диверсификации образования?**

— Есть определенные проблемы со специальностью СЭУ. Родственное направление подготовки бакалавров связано только с эксплуатацией СЭУ, в то время как сегодня мы готовим специалистов, которые способны заниматься проектированием, монтажом и эксплуатацией СЭУ.

— **Теперь вопрос о Ваших личных перспективах? Хотелось ли бы Вам остаться деканом или Вы задумываетесь о должности проректора или ректора?**

— Если ты будешь думать о своей карьере, ты — плохой руководитель. Мне представляется, что часто тот, кто думает об этом, совершает непростительные ошибки, которые могут тяжело отразиться на коллективе. Надо просто должным образом выполнять свои обязанности.

— **Как Вы относитесь к объединению нашего университета с педагогическим или с каким-либо иным?**

— Думаю, что для нас очень важно сохранить самостоятельность. У нас в городе очень много промышленных предприятий, и технический университет здесь очень уместен.

— **Как Вы относитесь к непрофильным направлениям подготовки в техническом вузе?**

— Считаю, что если студенты идут на эти специальности, значит, они нужны.

— **А как быть, если сформирована материально-техническая база и научная школа, а студентов для соответствующей специальности нет?**

— Надо искать для этой базы и школы какие-то другие, востребованные временем направления подготовки.

— **Какие стороны управления в университете Вам кажутся слабыми или проблемными?**

— Нам надо усилить работу по набору абитуриентов. Этот вопрос сегодня, пожалуй, на первом плане. И в первую очередь, это работа с регионами.

— **Но ведь и в регионах демографический кризис. Может быть, лучше обратить внимание на переподготовку и дополнительное образование?**

— И с этим я согласен. Пути сохранения коллектива сотрудников университета надо искать разные. Замечу, что и в рамках кафедральных проектов можно проводить переподготовку специалистов.

- **Каковы Ваши ближайшие планы и перспективы работы?**
- Прежде всего, в этом году набрать студентов на факультет.
- **А книжку написать, сконструировать что-то?**
- С этим немного сложно: в деканате уйма дел; а научной работой занимаются и весьма успешно мои коллеги, я же им, чем могу, помогаю.
- **Есть ли в Вашей жизни что-либо кроме работы?**
- Работа забирает все мое время. Даже в отпуск ездил только последние два года.
- **Желаю Вам успехов в Вашей работе.**
- Большое спасибо.

ГЕННАДИЙ СТЕПАНОВИЧ КОЧЕГАРОВ

Мы продолжаем тему прошлого номера — перспективы развития нашего вуза в связи с принятием закона об автономных учреждениях¹³. Для этого мы обратились к главному человеку, который в нашем вузе может квалифицированно говорить об этом — Геннадию Степановичу Кочегарову, проректору по экономике, кандидату технических наук, профессору, согласившемуся стать нашей сегодняшней персоной грата. Во мно-

гом от его позиции и деятельности будет зависеть принятие решений в этом важнейшем для судьбы нашего учреждения вопросе.

— **Расскажите несколько слов о себе. Где родились, что закончили, как стали ученым и администратором?**

— Я родился не в Комсомольске, хотя и в Хабаровском крае, а в Комсомольске поступил в наш институт, на специальность Электропривод. В те времена было престижно стать электриком или самолетчиком, я выбрал электричество. Проучился три года и был отправлен как лучший студент на последние два курса в ЛЭТИ, в Санкт-Петербург, и проучился там не только это время, но и еще три года в аспирантуре. В 1978 году я защитил там кандидатскую диссертацию по проблемам автоматизирован-

¹³ Интервью записано в октябре 2007-го года.

ных систем управления в области химических источников токов, которые использовались на наших космических спутниках. Потом я вернулся в наш вуз, работал ассистентом, доцентом, заведующим кафедрой. В начале 90-х я ушел из университета, — времена были такие, приходилось выживать и искать место, где можно заработать на это, — в российско-французскую инвестиционную компанию. Там я занимался разработкой инвестиционных проектов, при моем участии были созданы подобные проекты на нашем сталеплавильном заводе, на молочном комбинате и на других городских предприятиях. Это был хороший опыт именно экономической работы, позволивший на многие вещи, касающиеся вуза и науки, взглянуть со стороны производства. Мы тогда еще только учились западной экономике, причем просто копировали ее, не обращая внимания на нашу специфику. Я много этим занимался, был на стажировке в Париже, в одном из банков, видел все собственными глазами. Экономика, конечно, имеет одни законы, но специфика их проявления в разных странах имеется, и ее нельзя игнорировать. Когда стало возможным вернуться в вуз, я сделал это в том числе и для того, чтобы применить полученные вне его знания и опыт, свое понимание экономических процессов на практике управления учебным заведением.

— **А как же электротехника? Наука?**

— Пришлось переквалифицироваться. Электротехника меня сейчас интересует тоже только с экономической точки зрения, я читаю будущим специалистам в этой области лекции об экономических аспектах их деятельности.

— **А в области экономики Вы не хотели защитить докторскую диссертацию, у нас в вузе есть много кандидатов технических наук, ставших докторами экономических?**

— Нет, практическая работа по мониторингу законодательства в сфере образования, руководству финансовой деятельностью, общению с контрольными службами настолько велика, что мне пришлось даже уйти с поста ректора Дальневосточного открытого университета и сосредоточиться только на моих обязанностях проректора. Правила игры в сфере правового и экономического существования все время меняются в нашей стране. У нас, как только ситуация стабилизируется, участники игры начинают выходить из-под контроля ее правил, обходить законодательство, и законодатель его ужесточает, приходится в свою очередь на это реагировать. Законодатель также не хочет давать участникам игры, как я называю экономику и политику, особенно много возможностей легко зарабатывать, это тоже отражается на законах и положении подзаконных субъектов. Вуз сегодня без грамотной экономической политики, контроля в сфере налогов и финансовых отчетов, имущественных программ,

конкурсных закупочных компаний не сможет работать, всему этому необходимо уделять очень много времени и заботы. В нынешних же условиях вуз — и бюджетная, и внебюджетная организация, приходится играть сразу по двум правилам, которые иногда очень плохо согласуются.

— **В чем же, на Ваш взгляд, сегодня заключаются наши основные задачи в сфере экономики?**

— Первоначально, то есть в 90-е годы, когда государство не могло содержать вузы, мы стали заниматься внебюджетной деятельностью, просто чтобы выжить. Государство не финансировало даже содержание нашего имущества и — частично — заработную плату, хотя мы были его элементом. Зато у нас было очень много льгот, например, наша прибыль не облагалась налогами. Затем государство стало больше платить, финансово обеспечивать собственные законы, даже вон северный проезд полностью оплачивает, зато ужесточило налоговый кодекс, запретило банковские депозиты, на которых мы могли размещать наши средства, запретило создавать коммерческие предприятия, реализацию социальных программ. Сегодня государство подталкивает нас к тому, чтобы мы стали автономной некоммерческой организацией или полностью отказались от коммерческой деятельности. Однако полностью отказаться от нее оно же позволяет только крупным вузам федерального значения, поскольку достаточное финансирование будет только там. У нас, поэтому, как я считаю, не остается выхода.

— **И чем нам это грозит?**

— Ничего плохого в том, что мы станем автономными, я не вижу. Только плюсы. Мы, во-первых, перестанем действовать с оглядкой на коды бюджетной классификации и будем исходить из наших реальных потребностей, свободно осуществляя их финансирование. Мы, во-вторых, сохраним большинство имущественных и финансовых средств, которые предоставляло нам государство. Более того, имущество, которое приобретено нами, будет именно нашим, а не государственным. У нас останутся бюджетные студенты, заказ на которых выдаст нам государство, а также имущество, необходимое для их обучения. В нашем регионе останется самолетостроение, нефтепереработка, судостроение, учить специалистов в этой области некому, коммерчески эти специальности пока не очень привлекательны, поэтому государство вынуждено будет финансировать заказ на обучение в этих областях.

— **А не будет ли наблюдательный совет саботировать наши решения?**

— Наблюдательный совет будет состоять на две три из наших же людей, а сегодня приходится все решения согласовывать с Москвой, что намного сложнее, чем работа с краевым или местным правительством.

— **Неужели же нет совсем никаких минусов?**

— Есть, конечно, — мы можем потерять некоторые льготы, которыми сегодня пользуемся как бюджетная организация, например, северный проезд вместе с членами семьи. Но если наше финансовое положение будет стабильным, мы эти льготы сами предоставим, как это уже давно происходит. Например, мы финансируем в полном объеме надбавки по районному коэффициенту, хотя государство давно уже прекратило это делать.

— **А наше положение сегодня финансово стабильно?**

— Очень стабильно. Мы в состоянии решать почти все наши текущие вопросы.

— **Не хотелось бы сглазить. Например, не произойдет ли в случае нашей автономизации сокращение бюджетных специальностей, а вместе с ними и их финансово-имущественного обеспечения? Ведь мы знаем, что государство охотнее размещает свои заказы в государственных, а не в частных учреждениях?**

— Не думаю, и я уже сказал почему. Может быть, придется пересмотреть существование некоторых специальностей, которое экономически нецелесообразно, выпускники которых на рынке не востребованы, но в целом, это только оптимизирует нашу работу, а не разрушит ее. А коммерческим вузам бюджетники и вовсе не нужны, потому что на них много не заработаешь. И наконец, имейте в виду, что подобная автономизация — явление общемировое, в западных странах нет государственных вузов, а только автономные, но государство размещает в них свои заказы на необходимых ему специалистов. Как же мы можем уйти от законов мировой экономики?

— **И как скоро нам придется поменять статус?**

— Закон пока еще не полностью обеспечен необходимыми дополнительными постановлениями. Мы сейчас изучаем и отслеживаем ситуацию, если потребуются для нашего выживания поменять статус, придется его менять. Если нет — не придется.

— **Хорошо, давайте теперь поговорим о Ваших конкретных планах на ближайшее будущее.**

— Сейчас мы стараемся систематизировать нашу деятельность, придать ей последовательный характер. В будущем году нас ждет очень важное событие, будет отменена единая тарифная сетка, по которой начисляется сейчас заработная плата.

— **И как будут начисляться зарплаты?**

— Я пока не могу сказать точно, нормативного акта об этом тоже еще нет, его должно издать наше агентство, а потом мы конкретизировать. Но думаю, что в соответствии с должностью. Сегодня благодаря ЕТС мы некоторым людям, занимающим ряд должностей, платим просто недопу-

стимо низкую зарплату, это изменится. Полагаю также, что всем придется перезаключать свои контракты. Так что к этому надо готовиться. Хотим также наладить работу с банком, сделать ее для нас более выгодной.

— **Планы Ваши связаны только с работой, я смотрю. А есть то, что Вы любите делать помимо работы, хобби, например?**

— Есть, конечно. Зимой люблю кататься на горных лыжах, летом — путешествовать. Люблю автомобили. Люблю баню. А больше всего — бродить по тайге.

— **Ну что же, спасибо Вам, Геннадий Степанович. Желаем здоровья и осуществления всех начинаний на благо нашего университета.**

УЛЬЯНА КРИКЛИВАЯ. ГОД УЖА

Нам исполняется год¹⁴. Это не большое время, но уже можно подвести какие-то итоги. УЖ — газета, которую организовали студенты. Это была инициатива снизу. Год назад казалось, что газета университету очень нужна, и в первую очередь студентам. Не хватало денег, не хватало полиграфических возможностей, но хватало желания делать газету. Сегодня возможности есть. Мы стали регулярной и официальной газетой. У нас по-

явились корреспонденты и свой пресс-центр. Но широкая студенческая инициатива во многом иссякла. Напишите нам, дорогие студенты, нужна ли вам газета. За год существования мы получили только два письма. Судя по тому, как быстро расходуется тираж газеты, для чего-то и кому-то она нужна. Остается надеяться, что не для того, чтобы завернуть в нее копченую рыбу. Давайте, ближе знакомиться, дорогой читатель.

За этот год мы выпустили десять номеров. Следили за всем важным в университете, писали аналитические статьи и брали интервью. Мы хотели быть вам интересными. Были и проблемы. Главная — плохая связь с читателем. Еще — у нас сменился главный редактор. Смена ре-

14 Интервью записано в декабре 2005-го года.

дактора — это почти рождение новой газеты. Это всегда открывает болезненный период становления. К сожалению, для УЖа, конечно, Ульяна Крикливая и Алексей Ларин пошли на повышение. Остается поблагодарить их за идею газеты, за то, что они заставили всех поверить в необходимость газеты для жизни университета. Мы надеемся, что сегодня уже трудно представить себе университет без его УЖа. УЖ — змея безвредная, но все-таки змея. Читать о себе всегда приятно. Может быть, даже и полезно. Мы живем полнокровной жизнью, и бывает обидно, когда о ней знает только небольшой круг людей. Газета всегда придает происходящему больший масштаб. Имидж большого университета, каким нам, конечно, хочется быть, должен кем-то формироваться, и без газеты это невозможно. Летопись университета вели и до нас. Существовала когда-то газета «За знания». В одном из следующих номеров мы опубликуем материал, посвященный нашим предшественникам. Потом — в тяжелые годы — было, наверное, не до газеты. Сегодня она вернулась. Мы полагаем, что возрождение газеты — признак роста нашего университета и укрепления его положения.

Хочется поблагодарить администрацию нашего университета и особенно его ректора Юрия Георгиевича Кабалдина за понимание значимости нашей работы и помощь, без которой она была бы невозможна. Спасибо всем, кто нам помогал в этом нелегком первом году.

В нашей традиционной рубрике PERSONA GRATA мы беседуем с основательницей УЖа — главным редактором городской газеты Пилот и студенткой пятого курса факультета лингвистики и культурологии Ульяной Крикливой.

— Как возникла идея создания газеты в университете?

— Газетами я всегда страдала. Первые попытки организовать газету делала еще в девятом классе, потом Пилот, я там не редактором, конечно, начинала, а корреспондентом. Когда уже училась в университете, мы с Лешкой Лариным очень сдружились, это был человек очень близкий мне по духу. И сидели за одной партой, сам Бог велел что-то общее делать. Мы оба тогда ничего не умели, я не умела редакторствовать, а Лешка верстать. Но очень хотелось делать это. Все началось с газеты «Флик» а. Это была факультетская газета, спасибо за ее поддержку нашему декану Александру Георгиевичу Никитину. Он разрешил нам использовать деканатский принтер. Потом мы захотели выйти на университет, чтобы стало больше людей, которые будут читать нас и писать. Боялись сначала, нас многие отговаривали. Но мы не испугались. УЖ родился в 2004-м. Идея принадлежала мне. Катя Паниван придумала название, среди первых корреспондентов были Ксения Елисеева, Лена Алатарцева, Леша Павленко, Инна Петренко. Людей

у нас в Комсомольске не учат быть ни журналистами, ни редакторами, все самоучки. Мне повезло, я могу сразу определить, может ли человек писать. Человеку надо сказать: «Ты можешь». Лешка Ларин стал писать стихи только с моей подачи, Лена Алатарцева — вообще выросла как журналистка на УЖике, до этого, насколько я знаю, она совсем не писала.

— **А для Вас лично, что значит писать, что Вам больше нравится в журналистике, какой жанр?**

— Это очень хорошая возможность повлиять на людей, то есть сделать мир лучше. Но главное — никому не навредить. Если не опускаться до уровня криминальных сводок, а искать что-то хорошее, ценное в мире, в человеке, имеет смысл писать. Особенно мне нравится интервью, я стараюсь заставить человека поверить в свою ценность, обязательно в конце каждого спрашиваю, счастлив ли человек. Надо показывать, что каждый человек может добиться чего-то. Я очень человекозависимая, я не могу без эмоций. Это не значит, что я вампир энергетический, просто мне очень интересно общаться с людьми, каждый человек может обогатить твой внутренний мир. В каждом интервью я хочу показать на конкретном примере, как хорошо быть человеком.

— **Но ведь интервью — это монолог другого, а свое собственное слово Вам не хочется высказать?**

— В интервью у журналиста всегда есть первое и последнее слово. Но я пишу и статьи. В Наш город, например, но у статьи своя специфика. Буквально часа два назад я написала статью про прививки. Это хорошо, полезно, может быть, люди задумаются, пройдут вакцинацию, будут здоровее. Но это как-то не то, мелко.

— **Вы действительно верите, что можете изменить мир к лучшему?**

— Конечно, я же вижу, как вокруг меня люди становятся лучше, например, когда пишут статьи, стихи. Я не говорю, что это я обладаю такой силой улучшать людей, наверное, журналистика этим обладает. Надо только дать толчок, и это я умею.

— **Есть разница между работой в Пилоте и УЖе?**

— Разница колоссальная, потому что ответственности в Пилоте больше. Я до сих пор не могу понять, что ждет от меня читатель. УЖик был новой газетой, его традиции мы формировали сами, а Пилот был и раньше, у него уже есть свой читатель. Мне очень было обидно, когда Пилот уже начал под моим руководством выходить, а УЖик еще был. Я приношу на продажу Пилот в киоск, а мне говорят, не надо, зачем Пилот, если есть УЖ. Я разрывалась между двумя газетами, УЖ ведь тоже для меня любимый. Два ребенка. Но я поняла, что главное — вовремя отпустить, дети и родители должны отпускать друг друга. Может быть, со мной УЖу

было бы хуже. Сейчас он под другим руководством растет. Когда-то он продавался, да так здорово, что один университет мог окупить весь сегодняшний тираж Пилота, рассчитанный на город. Но очень хорошо, что сегодня УЖ бесплатный; говорят, что его расхватывают, как только он появляется в университете. Это тоже хорошо, он будет жить.

— **А почему Вы сейчас не принимаете участия в его жизни?**

— Потому что, как говорится, уходя, уходи. Я не могу объяснить это, но УЖ сегодня для меня чужой.

— **Мы всегда хотели бы видеть Вас на страницах этой газеты и в любой форме.**

— Спасибо.

— **Вы связываете с Пилотом дальнейшие Ваши творческие планы?**

— Когда я начинала УЖ, я не думала, что он будет временным. У нас были идеи выйти на город, но мы понимали, что настоящее дело нельзя начинать на определенный срок. Если ты принадлежишь кому-то или чему-то, то надо относиться к этому так, как будто это навсегда и полностью. Мне, конечно, не хватает времени даже на Пилот. Хочется больше успеть сделать, но не успеваю, может быть, таланта не хватает. Точки распространения, конкурсы, поиски рекламодателей, новые формы работы — все это надо для газеты. А мне с моей холеричностью не хватает организованности, чтобы все это делать, но я работаю над собой.

— **Команду Вы сами подбирали, или она Вам по наследству досталась?**

— У меня процентов сорок — луконинские журналисты (Олеся Луконина была редактором прежнего Пилота), останинских (Наталья Останина — еще один бывший редактор Пилота) почти нет. Остальные пришли теперь. Приходят и просят публиковаться. Я понимаю, что надо растить смену.

— **Есть ли среди Ваших коллег профессионалы?**

— Журналистов с дипломом нет. Профессионализм же приходит с опытом. Главное — любовь к делу и желание, если есть еще и способности, то результат будет. Это не так сложно, как кажется со стороны. Важно получить удовольствие от результата, даже не деньги, может быть, пока.

— **На какую аудиторию рассчитан Пилот?**

— 10-11-й класс и университет.

— **Что должно быть в газете, чтобы она была интересной таким читателям?**

— Если бы я знала, тираж Пилота был бы четыре тысячи, как он был при Лукониных. Я ищу ответ на этот вопрос.

— **Но есть что-то обязательное?**

— Конечно, есть — интервью. Нужно показывать городу, что у него есть стоящие люди, на примере которых можно учиться. Опять же информация, новости о событиях города, чтобы показать, что не болото какое-то — Комсомольск, здесь есть музыка, мода, и многое другое. Для каждой газеты важен контакт с читателем, чтобы они писали в газету, делились радостью и проблемами.

— **Газета всегда зависит от политики и денег. Какие у вас отношения с политикой и учредителями?**

— У нас очень хороший учредитель. Большое ему спасибо, это человек, который понимает, что городу нужна молодежная газета, и что она не будет самокупаемой. Но я верю, что Пилот сможет приносить и прибыль и он встанет на ноги. Если он будет нужен, то обязательно. Мы вот просили на УЖ деньги у ректората, а мои знакомые в Хабаровске даже на свои собственные деньги издавали газету, настолько они любили свое дело. Доброе дело всегда обернется добром и окупится. А политика... У нас со времен Лукониных остались левые журналисты. Олеся Луконина придерживается левых взглядов, но она цензурит себя хорошо, потому что понимает, что живет не в ту эпоху, когда эти взгляды были единственными. Я же в политике не разбираюсь. Хочу только, чтобы люди задумывались над происходящим, мы ведь даже полной информацией не обладаем, может быть, десятью процентами от того, что происходит на самом деле. Я знаю, как делаются новости, и мне хочется быть объективнее, хочется, чтобы внутренний стержень, мораль объединяла все, что мы сообщаем. Любой журналист должен задуматься над вопросом, зачем он пишет. Он не должен врать. Ты либо решаешь проблему, либо ты поток сознания включаешь и начинаешь отсебятину писать, которая никому не интересна. Нужно показывать выход, он всегда есть. Мы, конечно, еще пока в поиске, в том числе и в поиске политической позиции. Выпустили пятнадцать номеров, но этого еще мало, чтобы приобрести свой почерк.

— **Вы как-то редактируете то, что Вам пишут? Пошлость, грубость в Вашей газете существует, чтобы привлечь новых читателей, или вся вообще газета рассчитана только на соответствующих читателей?**

— Есть авторский стиль, его не исправишь. Мне надо учитывать это. Я редактор, у меня тоже есть свой стиль, но это не означает, что вся газета должна быть под меня подстроена. Но откровенные ляпы, конечно, убираем.

— **Вы учитесь на факультете культурологии, значит ли она что-либо для Вас?**

— К сожалению, культурология отошла на второй план. Журналистика — дело моей жизни. Но я понимаю, что без образования невозможно быть журналистом. Оно помогает делать работу качественнее, успешнее, быстрее. Культурологию я люблю. Я когда-то долго решала, идти ли мне на филфак или на культурологию. В день, когда я несла документы на филфак, прием уже закрыли, но я никогда не жалела о своем выборе. Если бы я оказалась на филфаке, я бы не встретила Лешку, не было бы УЖика, я бы не была главным редактором. Кафедра культурологии — потрясающая. Три женщины там работают, которыми я восхищаюсь. Это Татьяна Алексеевна Чабанюк, Татьяна Булатовна Сейфи, Ирина Вадимовна Конырева. Они даже сами не подозревают, сколько для меня сделали. Я у них многому научилась и хотела бы быть на них похожей. Первые два курса я просто радовалась, что имею возможность учиться, открывать для себя мир культуры и искусства. Сейчас, к сожалению, романтизм прошел.

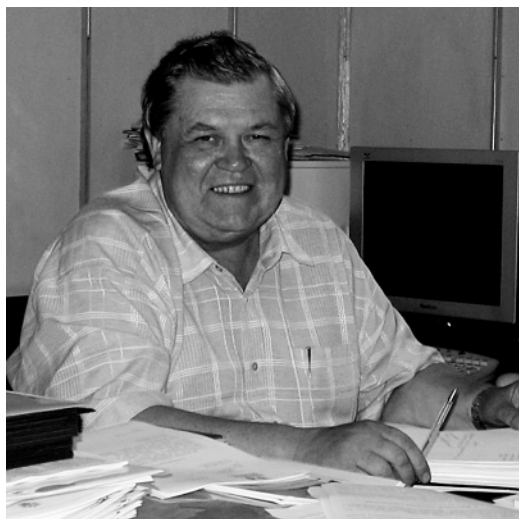
— **Какие у Вас планы?**

— Хочется написать курсовик, диплом, поскорее выпуститься и заниматься любимым делом, хочется скорее во взрослую жизнь, чтобы все было можно.

— **Вы счастливы?**

— Счастье должно быть полным. Это не только работа, если бы Вы спросили меня о счастье месяц назад, я бы сказала: «Да». Сейчас говорю: «Нет». Не все получается. Вот, я думаю иногда, смогла ли бы я УЖика довести до пятого курса? Все к этому и шло, но вдруг — Пилот. Жизнь складывается всегда из неожиданностей, иногда они бывают приятными, иногда нет. Хотя все, или почти все, поправимо. Самое плохое, когда ты начинаешь сомневаться в том, что то, что ты делаешь и чем ты живешь, кому-то нужно. Очень важно, чтобы тебя в трудную минуту кто-то поддержал. Люди, помогайте друг другу.

АНАТОЛИЙ РОМАНОВИЧ КУДЕЛЬКО

Сегодня наша *Persona Grata* — первый проректор университета Анатолий Романович Куделько¹⁵. Анатолий Романович курирует все вопросы, связанные с образовательной деятельностью студентов, лицензированием, аттестацией и аккредитацией специальностей и направлений их подготовки. Это, безусловно, важнейшие вопросы, которые касаются каждого студента и преподавателя университета. Сегодня мы поговорим

о карьере Анатолия Романовича и его впечатлениях о развитии нашего университета, о перспективах развития российского образования, его прошлом и настоящем.

— Анатолий Романович, расскажите, как началась Ваша карьера в университете?

— В 1966-м году поступил после окончания школы. Специальность «Электропривод и автоматизация установок». Тогда электротехнического факультета еще не было. Была единственная кафедра электротехнического профиля — «Электротехники и электропривода». Ее-то я и закончил в 1971-м году, и получил квалификацию инженер-электромеханик. Потом начал работать ассистентом на этой же кафедре. Потом ушел служить в армию. В 1972-м, в конце, вернулся и продолжил работать на этой же кафедре. В 1974-м меня направили в аспирантуру в Ленинградский политехнический институт, а в январе 1978-го я вернулся. В марте того же года защитил диссертацию, а еще с января начал работать на кафедре ассистентом, старшим преподавателем, потом летом стал зам. декана уже Электротехнического факультета, только что образовавшегося. В 1982-м году стал деканом Электротехнического факультета, ну и с 1992-го года уже проректор.

— Что повлияло на выбор Вами именно электротехнической специальности?

— Когда учился в школе, в городе Белогорске Амурской области, я планировал поступать в технический ВУЗ, но определенности

15 Интервью записано в июле 2005-го года.

какой-то не было, хотелось что-то связанное с электроникой, электротехникой. В десятом классе мы проходили своеобразную производственную практику, я обучался на токаря-карусельщика и на заводе увидел объявление о Комсомольском-на-Амуре вечернем политехническом институте, — тогда еще он так назывался. Объявлялся набор на очную форму обучения, и среди специальностей был «Электропривод и автоматизация». Тогда еще «Электроники» не было, «Электромеханики» не было, была только одна специальность такого профиля. Я рискнул поехать и поступил, хотя тогда сложно было поступить. Конкурировали сразу два школьных выпуска, последний выпуск одиннадцатиклассников — существовало одиннадцатилетнее образование в шестидесятых годах — и первый выпуск десятиклассников, и вот я оказался последним в списке поступивших. Наверное, потому, что учли мои увлечения — я играл на музыкальных инструментах. У меня основной тромбон был, но умел и на саксофоне, и на других инструментах. Закончил институт я нормально. Диплом с отличием получил.

— **А как стали аспирантом?**

— Институт интенсивно развивался, а преподавателей почти не было. Кто только у нас не преподавал, но преподаватели все были хорошие, я их с благодарностью вспоминаю. Хотя не было ни одного кандидата наук, все очень серьезно аттестовывали всегда и очень хорошо преподавали материал. Некоторые из тогдашних преподавателей и сейчас еще работают, это — Владимир Федорович Горячев, Борис Матвеевич Сим. Большая благодарность и тем, кого уже нет, особенно Александру Дмитриевичу Абрамову, светлая ему память. Я уже со второго курса начал заниматься научной работой под его руководством, и на третьем курсе пришлось выбирать — то ли научная работа, то ли музыкальные дела. Ну, вот, в пользу первого и произведен был выбор.

— **А в конкурсах музыкальных Вы участвовали?**

— Нет, я просто играл в составе вузовской группы. Правда, пар тройку раз нас снимало телевидение. В университете хорошие музыкальные вечера тогда проходили, мы играли вот здесь, в первом корпусе. На танцах играли, даже в ресторане, — в «Севере», на проспекте Мира, — однажды неделю играли. Через неделю я это дело забросил, сказал, что оно не для меня. В стройотрядах играли, в Де-Кастри, Амурске.

— **Играли что-то определенное или все подряд?**

— Все играли. То, что танцуют. И медленный танец, и вальсы, и танго, и фокстроты.

— **Сохранился ли у Вас интерес к музыке и теперь?**

— Да.

— **Что предпочитаете слушать?**

— Современную музыку не очень. А вот музыка нашей молодости, музыка 70-х, 80-х, начала 90-х в большей степени воспринимается.

— **Теперь расскажите, какой научной темой Вы занимались в аспирантуре?**

— Я занимался проблемами амплитудно-частотного управления асинхронным двигателем, то есть созданием электроприводов на базе систем управления двигателем переменного тока, с изменяющейся амплитудой и частотой питающего напряжения. Это было экономичное и достаточно эффективное управление, тогда оно активно изучалось, было только начало развития этого научно-практического направления. Начинал я с собственно электропривода, а когда окончил диссертацию, в ней совсем немного было о приводе, а основное внимание уделялось свойствам двигателя и его поведению в режимах изменяющейся амплитуды и частоты питающего напряжения. Потом я продолжал этим заниматься, были и аспиранты по этому профилю, но вот сейчас, надо сказать, все больше и больше меня интересуют проблемы высшей школы, организационно-методические, учебно-методические, научно-методические, хотя и старое никогда тоже не забываю, читаю электротехнические журналы. По электротехнике в прошлом году аспирант защитился у меня, сейчас аспирантов нет.

— **А где-нибудь внедрялись результаты Ваших исследований?**

— Да. Мы проводили испытания прибора, основного на амплитудно-частотном управлении двигателем, так называемый электромеханический вибратор. Испытывали на прочность фундамент Костромской ГРЭС, потом в районе Нарвы, тоже на строительстве ГРЭС. И в качестве источника нагрузки был наш двигатель с дисбалансом на валу, он как раз и создавал колебания. Все удивлялись: совсем небольшая штучка, но мощная, неожиданно совершала нечто такое, что фундамент ходил ходуном. По результатам исследований я написал монографию, учебное пособие, создал спецкурс.

— **Давайте поговорим о современных делах. Вы как проректор занимаетесь учебной работой университета?**

— Да, учебной работой на факультетах и в институтах. Основная моя сфера — аттестация и аккредитация ВУЗа, лицензирование образовательной деятельности, ну и все, связанное с организационно-методическим, правовым обеспечением образовательного процесса, а также контакты с внешними организациями, управлениями образования.

— **Вы занимаетесь только практикой административной работы или еще пытаетесь и научно ее осмыслить?**

— И этим тоже занимаюсь. Изучаю вопросы, связанные с менед-

жментом качества образовательного процесса, занимаюсь факультетом повышения квалификации преподавателей, читаю там несколько разных курсов, занимаюсь вопросами внедрения технологий дистанционного образования, — я являюсь руководителем дальневосточного регионального научно-методического совета по дистанционному обучению, — изучаю вопросы, связанные с особенностями учебно-методического и организационно-методического обеспечения образовательного процесса, разработал и собираюсь с нового года внедрить у нас оригинальную структуру рабочей программы.

— **Не жалеете ли об утраченной электротехнике?**

— Может быть, когда-то и жалею, когда-то нет, но, по большому счету, и жалеть-то некогда. Многовато, конечно, организационной работы, ну, что делать, кому-то надо этим заниматься. Я не скажу, что не нравится она мне, хотя иногда хочется, конечно, прийти на кафедру и в тихой научно-исследовательской обстановке посидеть, но...

— **Планируете ли Вы защищать докторскую диссертацию?**

— Планировал в свое время, но административная работа, конечно, лишила меня этого, и, к сожалению, наверное, сегодня в сфере электроники и приводов я уже поотстал немножко. В 70-80-е годы я находился на том уровне, когда нужно было доделывать начатое, а работа на факультете отнимала очень много времени, плюс начался период сложных социально-экономических и культурных перемен. Мы организовали после долгого спора с ректоратом кафедру Фундаментальной электротехнической подготовки, открыли Вычислительную технику, Программное обеспечение, Промышленную электронику, причем еще в 80-е годы. Ну, а в 90-е годы тут как пошло, нужно было научиться ориентироваться в новых условиях, причем в соответствии с требованиями региона, потому что в Комсомольске нечего было ждать от центра, например, специалистов, что они приедут, и тут вот, надо сказать, с ректором у нас было полное взаимопонимание, мы разделили сферы деятельности. Он занимался, и сегодня мы видим, что достаточно эффективно, диссертационными советами, аспирантурами, докторантурами, а я отвечал за студенческую образовательную подготовку, нужно было расширить существенно спектр программ. Были ситуации, когда по полгода набиралось времени, которое приходилось проводить в командировках, когда нужно было тьму вопросов с министерством решить и отношения налаживать. Но в результате этого участия ректора, моего участия, других проректоров и в министерстве нас знают все и вопросы любые легче решать. А о докторской я сейчас уже не жалею. Мой учитель А. Д. Абрамов говорил, что лучше кандидат за столом, чем доктор на столе. В нашем возрасте об этом тоже надо думать.

— **А защитить докторскую по проблемам менеджмента качества образования у Вас нет желания?**

— Может быть, на стыке педагогики и экономики. Я об этом задумывался, сейчас вот монографию пытаюсь писать по этим проблемам.

— **Сколько всего монографий Вами опубликовано?**

— Две, но они по электротехнике изданы, одна в Ленинграде, а другая здесь в Дальнауке.

— **Теперь вопрос о нашем университете, которому в этом году исполняется 50 лет, расскажите, как он изменился за последние годы?**

— Я наш университет знаю с шестидесятых годов, тогда я был студентом и над этими вопросами мало задумывался или вообще не задумывался. Тем не менее, помню, что кадровое обеспечение формально было слабым, но фактически очень сильным. Преподаватель растил себе замену, всегда об этом думал и заботился. Это привело к определенному росту ВУЗа. Потом, в 70-е годы, произошло, к сожалению, не то, чтобы падение, но, точнее, проникновение в нашу среду тех негативных тенденций, которые уже существовали в европейской части России. Ну, а потом, — я не связываю это, конечно, с собой, в этом все участвовали, — за последние 15-17 лет ВУЗ вырос, он вырос в борьбе за выживание. Нужно было бороться. Ведь мы — провинциальный ВУЗ, и для того, чтобы иметь показатели, сопоставимые с другими ВУЗами регионального или центрального уровня, нужно было намного больше других работать, и мы, действительно, работали в несколько раз больше и лучше. В 1994-м году у нас открылся первый диссертационный совет. Сегодня мы имеем 6 диссертационных советов, и это несмотря на то, что положение науки в целом по стране ухудшилось: снизились объемы финансирования, нет возможностей внедрения, нет заказов от предприятий. ВУЗ вырос и по объему образовательной деятельности. В 1993 году у нас было 11 специальностей, сегодня мы готовим студентов по 50 специальностям и направлениям. Аспирантуры не было, а сейчас докторантура уже есть. Материально-техническая база за это время не ухудшилась, хотя сохранить ее было очень сложно, правда, раньше она соответствовала современному уровню развития, а сегодня она не соответствует или не совсем соответствует. Но по отдельным программам мы укомплектованы на уровне хороших ВУЗов, например, по информатике. По электронике похуже, по механике слабовато, по автоматике сейчас стали приобретать оборудование, появились деньги на это, больше стало грантов, хоздоговоров. Процесс улучшения и этой сферы идет, хотя тут еще очень и очень много нужно.

— **Скажите, а зачем техническому ВУЗу гуманитарные специальности, экономика?**

— Эти специальности как бы дополняют, делают жизнь ВУЗа более полноценной, ну и деньги зарабатывают. Когда соприкасаешься

с ними, — удивляешься, учишься. Они ведь обучают культуре, экономике, управлению, то есть тому, без чего невозможно существовать всем, и техническому образованию тоже. Даже когда праздники раньше отмечали, одни мужики собирались, приходилось то ли в пединститут идти, то ли их приглашать к нам, сейчас таких проблем нет у ребят. Я вот посмотрел распределение контрольных цифр набора в этом году, и обрадовался, что нам оставили все места по экономике, гуманитарным специальностям, а вот ВУЗам министерства транспорта ни одного места по гуманитарным специальностям не дали. Я считаю, что это неправильно, тем более, что там сформировались солидные структуры, которые готовы этим заниматься, и, тем не менее, вот так случилось. Пока у них есть еще, кого учить, старшие курсы, а потом, я надеюсь, удастся положительно изменить эту ситуацию. Руководители этих институтов очень обеспокоены проблемой свертывания гуманитарных специальностей.

— **Может быть, нам в этих условиях имеет смысл пойти вслед за Хабаровским техническим университетом и стать классическим университетом?**

— А что? Может быть, например, Нижнеамурским государственным университетом? Но, если честно, не знаю, не могу сразу ответить на этот вопрос.

— **Расскажите о ваших творческих планах?**

— Они связаны с управлением качеством образования. Я хочу открыть и поставить специальности по управлению качеством образования и инновациями. Хотел бы, чтобы в ВУЗе существовало побольше магистерских программ, чтобы в ВУЗе сохранился хор, чтобы была у нас своя художественная самодеятельность, как это раньше называлось; у нас нет своего ансамбля и оркестра. Хотел бы, чтобы студенты начали заниматься больше научной работой, этого нам сегодня не хватает, но это очень важно для будущего нашего образования, для его перспектив. Вот в таком направлении я и постараюсь дальше работать.

— **Как изменилось Российское образование на протяжении 20 последних лет? Есть ли ощущение продуманности и целенаправленности проводимых реформ?**

— Были положительные моменты, прежде всего касающиеся автономности ВУЗа, свободы действий. Появились новые возможности, некоторые ВУЗы стали подниматься, но некоторые стали опускаться. К сожалению, центр сегодня интересуют только цифры и проценты, больше их ничего не интересует. Поэтому возникли проблемы в области организации образования. Более безразлично стали работать УМО. В 1993 году были введены стандарты, это считалось большим достижением. Но практически ни один ВУЗ из тех, которые мы считаем ведущими

ми, по этим стандартам не работает. У них, конечно, есть право отрабатывать на других, все, что они придумывают не для себя, но нам этим существенно обузили свободы. Потом появилось второе поколение стандартов, а с ним еще больше проблем. С одной стороны, в УМО работают действительно специалисты, с другой стороны, непонятно, почему такой некачественный мы получаем от них продукт. Далее. С 1990-го года, лет восемь, может быть, больше, практически никакой литературы не публиковалось по проблемам техники. А технические специальности — это база народного хозяйства. Только в течение трех последних лет стали что-то печатать, но все равно еще очень мало и плохо. Ясно, что в это время информатика развивалась, экономика, много было литературы о них, и даже больше, чем нужно. Она, конечно, разбиралась, и это оправдывало любые претензии. У нас ведь сформировался примитивный коммерческий подход ко всему: то, что на рынке пользуется спросом, то и выпускается. Я понимаю все это, но, тем не менее, сферы, не приносящие сиюминутный коммерческий успех, но имеющие стратегическое значение для государства, забрасывать нельзя. Преподавателям сегодня тяжелее приходится. Им приходится в основном зарабатывать деньги. В меньшей степени обращается внимание на качество образовательного процесса, и в большей степени на количество проведенных часов. Это тоже беда. Однако я считаю, что высшая школа это один из институтов нашего государства, который очень неплохо сохранился. Но ее все еще продолжают ломать: это касается и ряда законов, которые правительство недавно рассматривало, это касается и Болонского процесса. Плохо подготовленные реформы всегда ведут не в лучшую сторону. Потом, конечно, платное образование свою отрицательную роль сыграло. С одной стороны, мы стали получать деньги, которыми можем свободно распоряжаться. С другой стороны, они заменили деньги, которые мы всегда получали от государства на материально-техническую базу, на учебно-методическое обеспечение образовательного процесса, на решение других вопросов. Сейчас мы вынуждены, прежде всего, зарабатывать, ну, и может быть, иногда в меньшей степени, чем необходимо, уделять внимание качеству образования.

— **Давайте уточним, платное образование — зло или благо?**

— И не зло и не благо. Надо же понимать, что все услуги всегда платные, вопрос только — кто платит, и государство все меньше и меньше хочет платить. Оно, конечно, по-своему право, государственных структур уже почти не осталось, приватизация продолжается, решается вопрос об акционировании научных учреждений. В других государствах всю жизнь платили, и вопроса не стоит, благо это или зло. Благо само образование и все, что идет ему на пользу. С другой стороны, возможности пла-

тить есть сегодня не у всех. У нас менталитет такой, что все должно быть бесплатно. А я считаю, что система поощрения, то есть стипендии и гранты, должны быть только для талантливых людей.

— **Может быть, нам стоит более активно привлекать спонсорскую помощь со стороны предприятий, ведь на Западе многие институты финансируются предприятиями, на которых затем работают подготовленные ими специалисты?**

— Это не всегда и не везде так. Базовое образование чаще всего и у них платное или оно обеспечивается грантами разных уровней, муниципальными, государственными, из частных фондов. А платить предприятия-работодатели начинают чуть позже. У каждого ВУЗа есть спонсоры, но их деньги идут на научную работу, на улучшение материально-технической базы, а целевые взносы для подготовки бакалавров выделяются в незначительных объемах. А вот дальше спонсирование идет, конечно, мощное. Когда бакалавра доводят до рабочего места или до уровня магистра или научного работника, доктора, тогда да, спонсирование идет. Но у нас предприятия совершенно иначе думают, то есть, примерно, так: я плачу налоги, а ты дай мне готового специалиста. Есть, конечно, и противоположные точки зрения. Например, — КнААПО, там подход к кадровому обеспечению предприятия другой, то есть появляются ростки капитализма.

— **А что вы думаете о полном переходе на платное образование и у нас?**

— Этого в условиях низкой материальной обеспеченности нашего населения делать в принципе нельзя. В малообеспеченных семьях есть много интересных, хороших ребят, которым нужно помогать в получении образования. Я думаю, что в ближайшем будущем бюджетное образование сохранится.

— **Не кажется ли Вам, что реформы направлены на рост и появление новых специальностей, а не на углубление и повышение качества уже существующих?**

— Может быть, но не в области технического образования. Появилось много специальностей в области экономики, в гуманитарной сфере. Наверное, это появление оправданно. У нас многих слов-то до девяностых годов не знали: маркетинг, менеджмент, культурология и прочие вещи. Другое дело, что на начальном этапе, они, конечно, не были обеспечены ни кадрами, ни литературой, но ими нужно было овладеть, мы и так отстали от всего мира во многих вопросах. Но сегодня, я считаю, многие из этих новых специальностей у нас уже поставлены на высоком уровне, по крайней мере, в государственном масштабе, не во всех, конечно, ВУЗах. А технические специальности почти не изменились.

— **А как же информационные технологии?**

— Они просто интенсивно развивались. В 70-80-х вычислительная техника была, программное обеспечение было, информационные системы уже были. Управление качеством, управление инновациями появились, но массового появления новых специальностей не произошло в технике и технологиях, в медицине их состав практически традиционным остался, один к одному. Некоторые специальности выделились из более крупных, но уже и раньше существовали. А вообще новое — не всегда плохое. Мы вот открыли Электронику в свое время. Лучшие ее выпускники — это первые выпускники. И зачастую так происходит, что преподаватели вырастают в условиях постановки новой специальности вместе со студентами.

— **Давайте поговорим о Болонском соглашении. Мы уже писали об этой грядущей революции нашего образования. Что Вы думаете об основном тезисе моей статьи? Смысл Болонского соглашения — сделать образовательное пространство более открытым и привлекательным. Но именно этого мы и будем лишены, у нас нет денег на обучение студентов за рубежом, а наше образование мало привлекательно. Плюсов нет, зато минусов будет более чем достаточно.**

— Так и есть. Болонский процесс, это с моей точки зрения, — и не я один высказываю такую точку зрения, — борьба за интеллектуальные ресурсы. Все прекрасно понимают, что в России достаточно неплохое образование. Я не говорю, что оно лучшее, оно никогда не было лучшим. Каждая система образования по-своему была хороша и плоха, есть свои плюсы и свои минусы. Болонский процесс это борьба между Европой и Америкой. Америка зарабатывает на образовании очень большие деньги, основную часть рынка образовательных услуг контролирует именно она. Европа решила против этого объединиться. Все понимают, что Россия тоже представляет собой большой рынок образовательных услуг и сумасшедший рынок потенциальных студентов. В Европе понимают, что если мы станем одинаковыми с ними по программам, по структуре и содержанию образования, по результатам образования, то есть по присуждаемым степеням и выдаваемым документам, то они получат в несколько раз больше из России дивидендов, чем сейчас. А Россия очень мало получит дополнительного. Это связано со многими аспектами, которые чрезвычайно сложно будет изменить. Это безопасность, это коммуникации, все, что касается удобств человека, позволяющих ему комфортабельно жить и учиться, передвигаться по территории. Ничего из вышеперечисленного мы пока не в состоянии предоставить так, чтобы оно удовлетворяло мировым стандартам.

Мы, может быть, и поедem в Европу, но к нам никто не приедет. Поэтому, насчет выгоды Болонского процесса для России у меня очень большие сомнения. Однако в планах Министерства образования стоит 2008 год, когда мы должны выдать первые приложения к дипломам, соответствующие европейским стандартам. Проблемы перехода на зачетные единицы я не вижу, будем измерять все в зачетных единицах, главное — сохранить структуру и содержание российского образования. И в этом плане на сегодняшний день идет очень большое сопротивление, как со стороны вузовской общественности, так и со стороны производителей, тех, кто вообще задумывается о том, чтобы сохранить по максимуму существующую у нас и, подчеркну, эффективно работающую, систему подготовки специалистов. На сегодняшний день ряд ВУЗов категорически выступают против перехода высшего образования только к двухуровневой подготовке (бакалавриат — магистратура), это аэрокосмические ВУЗы, медицинские. Все идет к тому, что технические специальности, большинство из них, сохранят уровень подготовки специалистов. Я не знаю, что произойдет с гуманитарными специальностями и экономическими, но я помню время, когда экономисты готовились четыре года и получались неплохие специалисты типа сегодняшних бакалавров. Сейчас уже разработаны по ряду специальностей варианты степеней, так сказать, не обижающие и нас и других участников Болонского процесса, например, бакалавр-специалист. Но УМО стоят достаточно жестко на позиции свертывания подготовки специалистов. Все отличие той и этой системы образования в том, что мы по окончании ВУЗа присваиваем квалификацию, а не ученую степень, а это очень важно. Наш выпускник в большей степени готов к практической деятельности, хотя жизненный цикл любого образования сегодня увеличился, нужно и бакалавру, и специалисту, и магистру продолжать учиться. Так вот, вреда для нас от всего этого больше, чем положительных моментов.

— **Возможен ли, на Ваш взгляд, разумный компромисс между Болонским и отечественным вариантами образования?**

— Да. И в Болонской-то декларации сказано, что нужно сохранить все интересное и эффективное, не чесать все под одну гребенку. Сейчас у нас, например, по некоторым программам готовятся все, и бакалавры, и специалисты, и магистры. Мы реализуем подготовку бакалавра, и на определенной стадии она разветвляется на подготовку специалистов и магистров. Конечно, эти программы должны быть целесообразно состыкованы. Но это сделать вполне реально. Принципиальный момент — приложение к диплому, я считаю. Вот если приложения к диплому состыковать и некоторую терминологию состыковать, то все будет нормально, ничего страшного для нас не произойдет.

— **То есть мы просто переименуем специалистов в бакалавров?**

— И специалистов оставим.

— **А как же двухуровневая подготовка?**

— А она и будет двухуровневая. На каком-то этапе готовящийся специалист может получить степень бакалавра. За рубежом, там, где осуществляется эта схема, имеется на базе серьезных фирм, крупных предприятий система доводки выпускника до рабочего места продолжительностью от полугода до полутора лет. У нас этой системы нет, и предприятия к этому не готовы. Там нет соответствующих людей, а именно — преподавателей, наставники есть, но наставник для рабочего нужен, может быть, он для инженера нужен или даже для бакалавра, но это не преподаватель. Система дополнительная подготовка на предприятии — это не практика и не стажировка, а образовательный процесс. Наши предприятия пока не спешат ее организовать, они категорически заявляют: нам бакалавры на сегодняшний день не нужны. Такую ситуацию можно изменить, конечно. Но может стать и так, что предприятия начнут поручать нам готовить специалистов и помогать им.

— **И магистров поручат готовить?**

— Магистр — это индивидуальная, не массовая подготовка, их много и не нужно. Это наиболее талантливые, уникальные, сильные бакалавры, которые готовятся для науки, проектирования, конструирования. О магистрах вообще вопрос не стоит. Идет борьба бакалавров со специалистами.

— **А может специалист стать магистром?**

— Может, но платно. Специалист и магистр — это один уровень подготовки. Ты раз получил образование бесплатно, второй раз — плати, сейчас это в законе записано. Многие ВУЗы выходят из создавшейся ситуации таким образом: они вообще не готовят бакалавров, а только специалистов и магистров, хотя по стандарту, чтобы получить магистра, ты должен иметь степень бакалавра, но допускается, что если ты специалист, значит, степень бакалавра у тебя автоматически есть, и на магистра ты можешь учиться. Жизнь сегодня полна противоречий и исключений.

— **А что Вы думаете о возможном изменении ученых степеней, присваиваемых в результате послевузовской подготовки, по документам Болонского процесса предполагается только одна докторская степень?**

— Если в семинарах по вопросам двухуровневой подготовки студентов я участвовал, знаю вопрос, то об этом мне трудно сказать. Никого мнения по этому поводу, я считаю, и вообще в России пока нет. Все чаще говорят, что нашу систему надо сохранить, то есть степени кандидата и доктора наук. Я убежден, что если ее разрушить, это будет большой потерей для аттестации научных кадров и для их развития.

— **Может быть, пойти по пути прибалтийских государств, ставших членами ЕС, они ввели степень доктора вместо кандидата и степень габилитационного доктора вместо нашего доктора? Но в этом случае все доктора получили одинаковые полномочия, то есть они готовят аспирантов, открывают направления магистерской подготовки, председательствуют в ГАК.**

— Наших кандидатов нельзя сделать докторами, хотя они вполне готовы к такой докторской работе, которая характерна для зарубежного образования. За рубежом подготовка докторской диссертации — тот же образовательный процесс, что и у нас, например, подготовка магистра. Вот он дойдет до конца и обязательно защитит диссертацию, и магистерскую, и докторскую. У нас же не каждый аспирант кандидатскую диссертацию защитит, ну а о докторской вообще говорить не приходится, хотя и есть формально докторантура, гарантии защиты никто не даст, а там больше гарантий, что ты станешь доктором. То есть у нас существует более жесткая система отбора и аттестации научных кадров. Я понимаю, что у нас существенно меньше Нобелевских лауреатов, но мы и участвовали меньше в выдвижениях кандидатур, в большей степени в этом государство виновато, нет финансирования науки, нет материально-технического обеспечения, однако в целом — и они эффективно работают, и мы не хуже их работаем, и наши доктора и академики ничуть не хуже, чем у них.

— **Расскажите, что вы думаете о студентах, как они изменились с тех пор, как вы сами перестали быть студентом?**

— Что касается обучения, то студенты в этом отношении принципиально не изменились, и тогда были плохие и хорошие студенты, и теперь есть. Может быть, процент плохих, — я имею в виду отношение к учебе, — немного увеличился за счет внебюджетных студентов. Что касается внеучебной работы, то тут ситуация изменилась в худшую сторону. Но в этом не только студенты виноваты, отчасти ситуация так сложилась, отчасти мы виноваты — преподаватели меньше занимаются студентами. Раньше после окончания занятий лаборатории были переполнены людьми, студенты что-то делали, экспериментировали. Сегодня они меньше вовлечены в научную работу, и преподаватели, конечно, в этом, в первую очередь, виноваты. Но если рассуждать в целом о причинах такого поворота событий, окажется, что и преподаватель виноват потому, что государство виновато в его бедственном материальном положении, а само оно виновато потому, что... и так далее, и так далее, сложно кого-либо винить. Преподавателю очень проблематично сейчас содержать семью, а если он работать будет, ему некогда заниматься и семьей, и студентами. Он и собой сейчас стал менее серьезно заниматься, к собственным научным достижениям спустя рукава относится, не говоря уже о студен-

тах. У него проблема выжить, по крайней мере, была эта проблема. Далее. Сейчас, может быть, больше распространены среди студентов наркомания, алкоголизм, больше пива пьют, но и тогда это было, только тщательно скрывалось, а сейчас все это вышло на поверхность, обнажилось. А принципиально студенты не изменились, есть целенаправленные, целеустремленные ребята и есть абсолютно безразличные к себе и к своему будущему. Плюс еще отрицательно влияет сверхобеспеченность некоторых ребят, у них нет проблем и безразличие намного выше. Тогда таких не было, сверхобеспеченных.

— **Спасибо Вам, Анатолий Романович, за такой обстоятельный и содержательный разговор. Остается только пожелать Вам успехов в вашей нелегкой работе и исполнения всех задуманных планов.**

ВИКТОР ВЛАДИМИРОВИЧ ЛИТОВЧЕНКО

Сегодня у нас в гостях декан Факультета экономики и менеджмента, доктор экономических наук, профессор Виктор Владимирович Литовченко¹⁶. Возглавляемое им подразделение является сегодня одним из крупнейших в вузе, а его руководитель — неординарный человек, прошедший большой и разнообразный творческий путь, в основном связанный с нашим университетом, в преддверии пятидесятилетия которого

мы не могли не задать Виктору Владимировичу наши традиционные вопросы.

— **Начнем, как всегда, с самого начала: расскажите, пожалуйста, о том, где Вы родились и как выбрали будущую профессию.**

— Я коренной дальневосточник, родился и вырос в городе Комсомольске-на-Амуре. Родители мои приехали сюда в конце 50-х годов: отец служил, а потом решил остаться жить. Мама работала официанткой в знаменитом тогда роскошном доме отдыха «Утес». А выбор профессии был обусловлен не столько моим решением, сколько родительским. Я хо-

¹⁶ Интервью записано в июле 2010-го года.

тел стать артистом, участвовал в школьной самодеятельности, окончил музыкальную школу, профессионально играл на баяне и готовился поступать во Владивостокский институт культуры. Но отец жестко и твердо сказал, что все это ерунда, а самая лучшая профессия — инженер; и после школы, в 1971-м году, я пошел в наш университет. Выбрал специальность строителя, но не прошел по конкурсу, хотя аттестат у меня был хороший. Мне предложили на выбор механический и кораблестроительный факультет. Я сходил и туда, и туда, и у механиков мне понравилось больше: декан — Николай Иванович Смирнов — был человеком душевным; он сразу сказал мне: «мы тебя берем, ты — наш». Я попал на кафедру литейного производства и стал литейщиком. Никогда не жалел об этом. В группе моей был только один человек, подававший документы на литейную специальность, все остальные были зачислены туда на вакантные места после того, как не прошли по конкурсу на другие специальности. Однако группа наша была лучшей в университете, а ее выпускники стали хорошо известными в городе и за его пределами людьми, хотя не все из них работают по специальности. Можно вспомнить Константина Евгеньевича Никитина — нашего проректора, Александра Николаевича Рогова — главного инженера предприятия ДВ Металл.

— **А как же баян?**

— Я и в институте много занимался самодеятельностью. Хорошо помню тогдашний актовый зал, где мы выступали; он располагался в первом корпусе, там, где сейчас аудитории дизайнеров. Оформление его было величественным: паркетный пол, стилизация дизайна под классицизм. Мы, молодые студенты, могли пригласить на танец даже преподавателя. Сегодня между студентами и преподавателями уже нет, к сожалению, того полноценного общения, какое было тогда: студент видит преподавателя только в аудитории. Раньше преподаватель мог разглядеть в студенте не только зубрящего реципиента, но и личность. Я вместе с моими друзьями много участвовал в различных конкурсах и даже был лауреатом. На одном из них Володя Таран, бывший заместитель директора объединения «Амурсталь», прекрасно танцевал, а мы ему аккомпанировали. Жюри решило присудить ему лауреатство, а нам ничего не дали, решив, что мы — профессионалы. Мы возмутились, к нам более внимательно отнеслись и тоже сделали лауреатами. Сегодня наша молодежь стала прагматичнее — и это оправдано эпохой, — так что все время у нее уходит на подготовку к будущей профессии, а раньше у студентов было больше возможностей общаться. Кафедры проводили много капустников; мне приятно вспомнить, как однажды я учил для фестиваля иностранных языков песню «Бухенвальдский набат» на немецком, а мои однокашники-англичане — шуточные народные песенки. Было очень весело и интерес-

но. Еще вспоминаются многочисленные студенческие отряды, в составе которых я много работал, а по вечерам участвовал в вечеринках, и конечно, тоже играл на баяне. Стройотряды и служба в армии меня (а я служил на границе, около острова Даманский, со всеми вытекающими отсюда трудностями) вообще многому научили, я до сих пор благодаря им все по дому делаю сам. Мы строили даже наш университет; ведь в мое студенческое время существовал только первый корпус. В стройотряде и заработать можно было прилично. Когда я решил жениться, мои друзья из стройотряда просто один день отработали и отдали полученные за это деньги, которых полностью хватило на организацию свадьбы. Она проходила в нынешнем пятом корпусе (тогда это была столовая), присутствовало 110 человек, каждый стройотряд представил свой творческий коллектив, и мы от души повеселились тогда. До сих пор мы собираемся с моими тогдашними друзьями.

— **Давайте вспомним учебу тех лет: каков был уровень и стиль преподавания в Ваше время?**

— Учиться тоже было интересно. На меня очень большое впечатление произвел один преподаватель истории, может быть, благодаря нему я и стал, в конце концов, гуманитарием. Он читал поточные лекции для огромного числа студентов, причем, так, что невозможно было оторваться. Все было понятно, примеры были уместными и проясняющими теорию; помимо разработки основного сюжета он создавал массу великолепных ассоциаций. Однако во время чтения лекции он всегда смотрел в листочек, и мы думали, что там у него записано то, о чем он говорил. Однажды он вышел из аудитории и оставил листочек на столе, мы же всей гурьбой, приняв меры предосторожности, кинулись взглянуть на этот волшебный листочек, и, представляете, он оказался пустым со всех сторон! И я понял тогда, что для того, чтобы быть понятным и услышанным студентами, надо самому знать и понять материал настолько, чтобы весь он помещался в твоей голове, а не на бумаге или в компьютере. Усвоив это, я никогда не читал лекций по конспекту. Не могу не вспомнить и тогдашнего заведующего литейной кафедрой Юрия Сильверстовича Решетняка. Он всегда старался придать занятиям проблемно-практический характер: на экзамене ставил сложные, но конкретные, производственные задачи. Для меня и сегодня кажется очень правильным его знаменитое суждение, что ученый должен уметь фантазировать, но его фантазия — не пустая иллюзия, а возможное будущее, которое пока доступно только ученым.

— **Когда Вы стали заниматься научной работой?**

— Будучи студентом, я мало занимался наукой. Я хорошо учился, но в большей степени занимался самодеятельностью и общественной работой. После института я был распределен на завод Амурлитмаш; тог-

да нужно было окончить вуз с очень хорошим дипломом, чтобы остаться в Комсомольске, и многие мои друзья разъехались по самым отдаленным городкам нашей страны. На заводе я за три месяца прошел ступеньки мастера, старшего мастера и начальника смены, а потом был призван в армию. Потом я планировал вернуться на завод: меня там ждали, зарплата была вполне приличной (хотя в те времена в университете можно было заработать и больше); но получил предложение возглавить комитет комсомола университета. Началась моя политическая карьера. Подлостей никогда не делал, старался честно выполнять свои обязанности, отстаивал свою точку зрения; даже баллотировался на должность председателя исполкома, но не прошел в последнем туре. Параллельно я начал преподавать на кафедре Политэкономии, и постепенно наука стала для меня значить больше, чем общественная деятельность. В условиях тогдашней неразберихи это казалось правильным решением. Мне удалось съездить на стажировку в Ленинградский политехнический институт, а потом получить приглашение оттуда в аспирантуру по экономике. За три месяца стажировки я — благодаря опять же своим творческим способностям (устраивал веселейшие капустники!) — стал почти незаменимым членом кафедры. Но тогда у меня уже родился ребенок, из института не отпускали, и пришлось приложить большие усилия, чтобы поступить, написать диссертацию и защититься в срок. Я получил предложение остаться в Ленинграде, но как фанат Дальнего Востока, конечно, решил возвращаться.

— **Чему была посвящена Ваша диссертация?**

— Проблеме эффективности подготовки кадров для производства, определения потребности в них. Я создал математическую модель такого определения. Она была преимущественно статистической.

— **Что представляла собой, на Ваш взгляд, советская экономическая наука? Насколько она была зависима от идеологии, и сохранили ли ее результаты какую-то ценность сегодня?**

— Думаю, что в основе своей эта наука (а речь идет об экономике народного хозяйства в чистом виде, без какой бы то ни было примеси политики) была подчинена рациональным, а не идеологическим требованиям. Последние, конечно, не могли не учитываться, но решающей роли не играли; и полученные тогда результаты, на мой взгляд, можно использовать до сих пор.

— **А как же смена экономического уклада? Ведь на смену плановой экономике пришла рыночная.**

— Но ведь методы моделирования экономических процессов остались прежними, хотя факторы, закладываемые в эти модели, конечно, стали несколько иными.

— **И что влияло тогда на определение потребности в кадрах?**

— Во многом то же, что и сейчас: демографическая обстановка, уровень производства, привлекательность территории. Я выделил около двух тысяч показателей, каждый из которых описывался в системе дифференциальных уравнений. Но поскольку их было много, они могли войти в противоречие друг с другом. И я применил метод имитационно-динамического моделирования. Это был новый метод, созданный американскими учеными. До меня учитывали только прошлый статистический опыт, я же давал прогноз, в котором смог учесть различные возможные изменения, не имеющие аналогов в прошлом.

— **А докторская диссертация была посвящена той же теме, что и кандидатская?**

— Нет. Она была посвящена формированию и реализации финансовой стратегии предприятия, хотя методы математического моделирования я использовал те же. Систему классических факторов (финансы, производство, персонал и клиенты), влияющих на финансовую стратегию, я дополнил своими, оригинальными, связанными с осуществлением этой стратегии в условиях глобализации экономики, неопределенности ее развития, взаимодействия с социальными и политическими институтами и процессами. Я пытался ответить на вопрос, что будет с предприятием, если оно вложит деньги в тот или иной проект. Кроме того, я предложил систему интегрированных показателей, по которым можно было оценить финансовую эффективность предприятия. Результаты моего исследования могут быть использованы в ходе работы предприятия любого уровня. Единственным ограничением в их использовании является региональный аспект, который всегда мне был особенно интересен.

— **Скажите, кем Вы себя больше ощущаете: преподавателем, ученым или администратором?**

— Я понимаю, что, как правило, нельзя все это совместить на высоком уровне. Человек должен заниматься чем-то одним. Даже далеко не все доктора наук могут преподавать. Наверное, мне больше всего удастся администрирование. Докторскую диссертацию мне помогли защитить мои коллеги из питерского политеха, с которыми я сохранил хорошие связи, да еще полугодовой творческий отпуск, предоставленный мне моим университетом (хотя я продолжал исполнять обязанности декана ФЭМ). Если бы не эта помощь, я бы до сих пор защищался.

— **А есть ли у Вас ученики, и продолжают ли они реализовывать Ваши идеи?**

— Под моим руководством защитилось четыре аспиранта, их темы не вполне были связаны с моими концепциями. Мы старались исследо-

вать просто наиболее актуальные проблемы нынешней экономики. Например, с одной из моих аспиранток, очень талантливой ученой, разработали уже не просто финансовую, а генеральную стратегию деятельности предприятия.

— **Как складывалась Ваша карьера после возвращения в вуз?**

— Я вернулся в 1985-м году. Стал ассистентом, через два года был избран доцентом, хотя аттестат доцента получил по прошествии почти десяти лет в силу ряда независящих от меня обстоятельств. Потом начал заведовать кафедрой, и, наконец, был избран секретарем парткома. Хотя я не стремился занять эту должность (более того, я уже почти поступил тогда в докторантуру, но пришлось все отложить), меня просто назначили на нее по результатам голосования. Я очень уважаю тогдашнего ректора Валерия Михайловича Власенкова как руководителя, но у меня начались серьезные расхождения с ним по вопросам кадровой политики (должность секретаря парткома обязывала вмешиваться). И дело дошло до того, что я принял решение уйти в Педагогический университет. Поначалу меня взяли только на должность старшего преподавателя. Однако вскоре я создал там институт экономики и открыл экономические специальности, мое подразделение стало самым зарабатывающим в вузе. Я даже участвовал в выборах ректора, и после победы Владислава Петровича Балова был назначен проректором по экономике. Однако административная работа в тогдашних условиях мне не понравилась, с ректором мы не смогли найти общего языка, и я вернулся в наш университет на должность декана ФЭМ.

— **Я заметил, что у Вас случались конфликты с руководством. Вы вообще конфликтный человек?**

— Нет, что Вы? Я просто человек честный и активный (надеюсь, что так думают и окружающие меня люди), а конфликты — неизбежное следствие подобных качеств. Я никогда не преследовал личных интересов, во главе угла всегда были интересы коллектива и организации.

— **А почему Вы столько раз уходили, Вы не любите бороться?**

— Сколько себя помню, я всегда воюю за справедливость, а прекращаю борьбу только тогда, когда понимаю ее бесперспективность. Вообще же я всегда делаю все для того, чтобы отстоять свою точку зрения, если вижу ее справедливость; даже если это стоит мне здоровья и неприятностей. Особенно если я понимаю, что мой уход может повредить кому-либо из людей, с кем я работал и кому обещал поддержку.

— **В своей работе руководителя Вы опираетесь на команду или делаете все сами?**

— Когда я начинал эту карьеру, делал все сам, потому что не знал существа дела, но сегодня я могу уже научить других помогать мне, и по-

этому опираюсь на команду. Стиль моего руководства всегда был очень демократическим.

— **Как руководитель крупного успешного подразделения университета видите ли Вы сегодня какие-либо проблемы, стоящие перед ним?**

— Нерешенных проблем у нас нет. Если есть какая-то текущая негативность, она — в пределах неизбежного и допустимого. У нас большой набор, мы создали эффективную структуру, обеспечивающую его, в которой, кстати, работают только четыре человека. И мы не заставляем кафедры заниматься набором, их задача — это научная и учебная работа. Еще раз скажу: каждый должен заниматься своим делом, и профессионально.

— **А пред университетом в целом?**

— Мы пытаемся разделить сферы влияния в ходе набора студентов, не принимая во внимание то обстоятельство, что зачислять почти некого. В этих условиях надо не закручивать гайки, а дать право набирать всем факультетам столько, сколько они смогут. Сегодняшние общеуниверситетские структуры набора неэффективны. Но даже не это главная проблема университета в целом: главная — страшный интервал, отделяющий принятие решений от их исполнения. Этот интервал не просто отдаляет решение, но и искажает его, превращая даже хорошее в устаревшее и неэффективное. Менеджменту университета еще далеко до совершенства. У нас, например, море никому непонятных и рассогласованно действующих управленческих структур. Однако нельзя сказать, что у нашего руководства нет стратегии управления, нет вменяемых управленческих решений. Но отсутствие отлаженной технологии их реализации существенно снижает весь исходный потенциал.

— **Скажите, какую роль в Вашей жизни играет семья.**

— Первую. Все, что я делал в своей жизни, я делал, в первую очередь, ради своей семьи. И целью моего дела было не только принесение материальной пользы для нее, но в первую очередь — уважение и любовь, которые я всегда хотел сохранить между членами моей семьи.

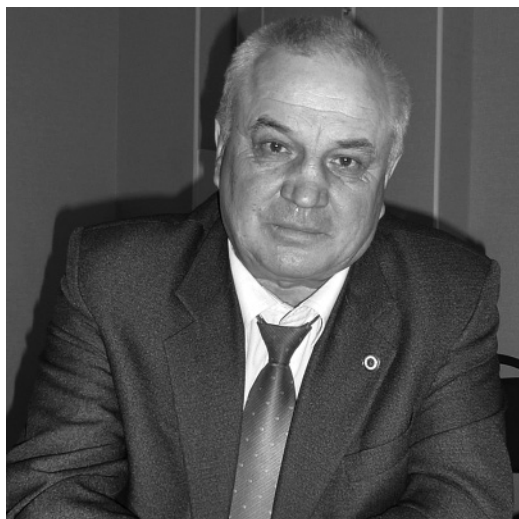
— **И последний вопрос: каковы Ваши ближайшие профессиональные и личные планы?**

— Многого хочу. Лично хочу профессионально научиться играть на гитаре, хорошо знать немецкий и английский язык. А в профессии, конечно, хочу, чтобы мой вуз занимал достойное положение на рынке образовательных услуг, поэтому продолжаю придумывать различные проекты для того, чтобы его положение было именно таким.

— **Спасибо Вам за интересную беседу.**

— Спасибо и Вам за то, что ведете эту работу.

БОРИС НИКОЛАЕВИЧ МАРЬИН

Сегодня гость нашей рубрики — доктор технических наук, профессор Борис Николаевич Марьин¹⁷. Еще недавно он возглавлял науку на КнААПО, а сегодня стал сотрудником университета. Борис Николаевич является выдающимся изобретателем, человеком, которому удалось в течение своей творческой биографии реализовать одну из основных задач исследовательского поиска — связать научное знание и производственный

процесс. Мы не могли не задать Борису Николаевичу наши вопросы.

— Начнем, как всегда, с вопроса о вашем выборе профессии и основных этапах карьеры.

— Родился в 1948-м году, в Комсомольске, точнее, на Дземгах, где живу и сейчас. Мой отец приехал в город в конце тридцатых, потом ушел воевать, прошел всю войну от Москвы до Берлина простым солдатом, награжден двумя орденами, вернулся в 1947-м году, женился, а через год родился я. В 1957-м мой отец построил дом в пос. Зеленом, в котором я прожил всю свою жизнь. Учился я в одном классе с Вячеславом Алексеевичем Соловьевым, известным нашим ученым. Он после школы пошел в институт, а я в армию, а затем — на завод. На КнААПО я работал еще до армии клепальщиком, потом стал монтажником. А в 1971-м году стал студентом нашего университета, самолетостроительного факультета. В школе я не был отличником, так сказать, и путь мой в институт был долгим, зато учился я серьезно. В этом же году я и женился. Сразу решил все свои проблемы: нашел жену, профессию и работу, а потом можно было только спокойно и целенаправленно жить. Искать что-либо, суетиться уже не нужно было. А вскоре у меня родилось двое детей. Проучился я шесть лет на вечернем отделении. Диплом мой был посвящен разработке элементов трубопровода гидрогазовых систем летательных аппаратов. Эта тема стала работой моей жизни, ей я посвятил и диплом, и кандидатскую, и докторскую диссертации. В ее рамках я создал более 150-ти изобре-

17 Интервью записано в феврале 2010-го года.

тений, напечатал около 500-т публикаций, 40 из которых — монографии. Мне надо было изготовить экспериментально-промышленную установку для завода. Моим рецензентом стал заместитель главного инженера Сурен Григорьевич Арутюнов, будущий генеральный директор Тушинского машиностроительного завода, специализирующегося на изготовлении ракет. Диплом я защитил, создал установку, даже получил на ней первые детали. Руководство завода предложило мне пойти технологом в цех изготовления трубопроводов и там довести мою дипломную работу до промышленного внедрения. И чтобы сделать это, мне пришлось проработать шесть лет. Именно тогда я подал свои первые пять заявок на изобретения и опубликовал первые статьи в журнале «Авиационная промышленность». После этого я поступил в Москву в заочную аспирантуру Национального института авиационных технологий (НИАТ), после окончания которой защитил в 1991-м году кандидатскую диссертацию, а затем во Владивостоке, в 1998-м и докторскую. В 1989-м году я получил звание заслуженного изобретателя РСФСР. И как раз начались проблемы постперестроечного периода. На заводе я к тому времени стал уже заместителем главного технолога. Мы старались сохранить завод, после защиты диссертации меня назначили руководителем научной лаборатории, которая стала потом научно-производственным отделом. У меня был уже хороший научный и производственный опыт, связи в министерстве. Мне много помогали в организации работы. К моменту защиты докторской я написал уже около десяти монографий. И вот, этот отдел стал одним из звеньев сохранения и совершенствования производства самолетов на нашем заводе. Мы занимались, прежде всего, освоением технологий для завода, но мы и совершенствовали их на самом высоком научном уровне. В моем отделе защищались докторские и кандидатские диссертации. Коллектив насчитывал 20 кандидатов и 7 докторов наук. Со своими изобретениями мы ездили на крупнейшие выставки: 8 раз в Брюссель на Всемирный салон изобретений, 2 раза в Париж, в Сеул. Я выступал с докладами на съездах Международного союза научных и инженерных объединений в Афинах, в Неаполе, на Всемирном конгрессе инженеров в Ганновере, в Шанхае. За свою изобретательскую деятельность я получил Мальтийский крест — высшую международную награду изобретателей, а также Бельгийский крест второй степени за заслуги в области инженерных наук. Мы внедряли наши изобретения как на заводе, в ходе производства военных машин, так и в отрасли в целом, в частности, в Новосибирске, в Улан-Удэ. В 2006-м году на заводе поменялось руководство, и научная работа была свернута. Отдел, правда, не закрыли, но сейчас в нем работает только 4 кандидата наук. Результаты работы стали соответствующими. Я ушел тоже.

— **А в центральное КБ Сухого Вас не приглашали?**

— Нет. Я решил пойти в университет, а кроме того стал сотрудничать с Амурметаллом. Меня интересовали проблемы обработки металлов давлением. И в университете, и на заводе я занимаюсь решением именно этих проблем; материаловедение и металлургия — одна из важнейших частей производства самолетов.

— **Скажите, не мешает ли наука производству, ведь наука стремится к инновациям, а производство должно обеспечивать выпуск серийной продукции?**

— Я считаю, что только триада «наука — инженер — производство» в единстве и целостности способна органично развивать все собственные элементы. Нельзя представить себе науку без промышленного внедрения ее результатов и развитие промышленности без научных открытий. Тогда, в начале 2000-х мы думали, что Комсомольск станет наукоградом, и научно-производственный комплекс города получит новый важнейший стимул роста. Этого не случилось, даже наоборот. А нужно идти по пути организации научно-производственных объединений, в основе которых должна быть наука.

— **Не утратило ли сегодня наше самолетостроение и самолетостроительная наука своих передовых мест в мире?**

— Последние модели истребителя СУ-35 и Т-50 находятся на самом высоком мировом уровне, хотя о них можно будет говорить как о состоявшихся лишь тогда, когда они будут на вооружении у нашей армии, а не только в виде образца на заводе. Гражданские самолеты тоже хороши и тоже далеки до своего широкого использования. Суперджет скорее всего будет передан в серийное производство на другой завод в Самару или в Воронеж. А наука сегодня почти разрушена. НИАТ находится в тяжелейшем кризисе, там работают несколько десятков человек, а ведь это был крупнейший мировой центр авиастроения. Наши производственные достижения базируются на научных разработках начала 90-х годов, то есть используют результаты еще советского периода. Скоро они иссякнут и не исключено, что вместе с этим просядет и производство передовой техники.

— **И каковы же перспективы, есть ли выход?**

— Я хотел создать у нас в регионе Дальниат, региональный филиал НИАТа, но не получается пока. Думаю, что если заводы, наконец, заработают в полную силу, возродится и наука. Вот, и нынешний губернатор Хабаровского края В. И. Шпорт, между прочим, — мой ученик, говорит, что его цель сегодня — возрождение промышленности. Наш рынок был неправильно построен. За ним пока только воровство и обман. В основе же политики государства должны быть задачи промышленного роста и соци-

ального развития. Стратегические цели страны нужно изменить именно в этом направлении.

— **Скажите, а где интереснее Вам работать: на заводе или в университете?**

— Специфика работы, конечно, разная. На заводе захлестывает производство, и наука часто отходит на второй план. В университете науки больше. Мне стало интересно писать учебные пособия, читать лекции — новое и интересное для меня занятие, хотя студенты меня не очень радуют.

— **А не хочется ли Вам организовать какую-нибудь лабораторию, наподобие заводской, у нас в вузе, возглавить кафедру?**

— Пока нет. Хочется пока разобраться в специфике вузовской работы, понять, что к чему, наладить эффективный контакт со студентами.

— **Удавалось ли Вам уделять внимание своей семье.**

— Конечно. Мой сын сегодня учится в докторантуре. Я старался всегда помочь ему, направить по своему пути, но никогда ни на чем не настаивал; а он настолько самостоятелен, что все всегда решал сам, и хотя долго выбирал, в конечном итоге, закончил наш университет и стал ученым.

— **Есть ли у Вас хобби?**

— Нет. Вот, как-то подбили мои друзья меня съездить на зимнюю рыбалку. Так, я там не поймал ни одной рыбы, но замерз ужасно. Раньше любил спорт, занимался борьбой, бегом. Сегодня очень люблю долгие прогулки, от 4-х до 6-ти километров.

— **Хочется пожелать Вам здоровья, научных открытий и хороших студентов.**

— Большое спасибо.

ТАТЬЯНА ЕВГЕНЬЕВНА НАЛИВАЙКО

Сегодня гость нашей рубрики «Persona Grata» — проректор по учебно-воспитательной работе, заведующий кафедрой педагогики и психологии профессионального образования, доктор педагогических наук, профессор Татьяна Евгеньевна Наливайко¹⁸. Воспитательная работа никогда не была предметом специальной систематической работы в нашем университете, но сегодня ее уровень — один из показателей, оценка которого опреде-

ляет нашу аккредитацию, а, следовательно, и перспективы дальнейшей деятельности. Поэтому мы попросили Татьяну Евгеньевну ответить на ряд вопросов.

— Первый вопрос — традиционный: где Вы родились, выросли, учились? Как определились Ваши профессиональные интересы после окончания института?

— Родилась в Комсомольске-на-Амуре, закончила наш педагогический университет, физико-математический факультет, и потом аспирантуру и докторантуру Московского педагогического университета. Подготовила кандидатскую и докторскую диссертации на одной и той же кафедре аудиовизуальной поддержки педагогического процесса. Моя студенческая специальность повлияла на выбор тем диссертации. В первой работе я применяла математические методы обработки информации существовавших тогда педагогических технологий, а затем исследовала проблемы мультимедийной поддержки педагогического процесса. Я думаю, что результаты моей работы полезны и сегодня. Если преподаватель высшей школы не является еще и практическим психологом, не использует различные каналы трансляции информации, не применяет компьютер, ему будет трудно эффективно работать. Хотя я не идеалист, и понимаю, что даже до сих пор у нас мультимедийные технологии не стали обязательным и неизменным атрибутом образования, как это произошло в Северной Америке или Западной Европе. Под моим руководством защищены две кандидатские диссертации, опубликовано более 90 научных работ, среди которых три моногра-

18 Интервью записано в ноябре 2007-го года.

фии, шесть учебных пособий с грифами центральных и региональных УМО, статьи, опубликованные в изданиях, рекомендованных ВАК РФ для апробации результатов докторских и кандидатских исследований. Уже пятый год под моим руководством работает краевая научно-исследовательская лаборатория, основная проблематика которой — оценка уровня сформированности компетентности школьников. Наши отчеты депонируются, по итогам исследований публикуются монографии и учебные пособия, защищаются диссертации, мы участвуем в краевых выставках педагогических достижений. Вот уже два года в комсомольском филиале института повышения квалификации работают творческие группы, применяющие наши методики. Кроме того, я член редколлегии краевого научно-методического журнала «Мир образования», где активно печатаюсь.

— **Теперь расскажите, пожалуйста, о второй важнейшей составляющей Вашей деятельности — административно-организационной. Как складывалась Ваша карьера на этом поприще?**

— Я начинала эту карьеру в нашем Педагогическом университете, прошла путь от ассистента до проректора по учебной работе, была исполняющим обязанности ректора, заведовала кафедрой педагогики Института педагогики и психологии.

— **Вы участвовали в выборах ректора Педагогического университета, почему Вам не удалось их выиграть, и не сожалеете ли Вы об упущенных возможностях?**

— Теперь это все уже в далеком прошлом, и ни о чем я не сожалею. Моя предвыборная программа развития университета была поддержана краевым Министерством образования, к ней с пониманием отнеслись в коллективе, но результаты голосования оказались не в мою пользу. Комментировать это уже нет смысла. Я всегда желала и желаю новому руководству Педагогического университета успехов в его развитии.

— **А не скучаете ли Вы по педагогическому университету, ведь доктору педагогических наук он должен быть ближе?**

— Я не скучаю и так не считаю. Педагогический университет четыре года возглавлялся кандидатом технических наук, и за это время было сделано очень многое для его совершенствования: улучшена материально-техническая база, налажены серьезные международные контакты, открыты новые специальности. Мне же, в свою очередь, комфортно в техническом университете, у меня много интересной работы, и я ощущаю заинтересованность в ней как со стороны руководства, так и со стороны сотрудников.

— **А как складывается Ваша карьера в техническом университете?**

— Я пришла на должность помощника ректора по профессионально-педагогическому образованию, одновременно возглавила кафедру педа-

гогики и психологии профессионального образования. Я организовала в университете Центр профессионально-педагогического образования, включающий помимо выше указанной кафедры Факультет повышения квалификации преподавателей, услуги которого пользуются большим спросом как среди наших сотрудников, так и среди сотрудников других вузов и ссузов. У нас три основных программы — информационные технологии, педагогическое мастерство, безопасность жизнедеятельности, и одна дополнительная — преподаватель высшей школы для аспирантов. Кроме факультета и кафедры в структуре Центра имеется региональное отделение ассоциации инженерной педагогики и психологическая служба помощи студентам, осуществляющая консультации, анкетирование и тестирование, различного рода тренинги. Теперь я проректор по учебно-воспитательной работе. Еще одно мое начинание — Отдел организации воспитательной работы, при котором функционирует Совет университета по воспитательной работе, Студенческий совет и Совет кураторов. К сожалению, отдел пока не имеет штатных сотрудников, работающих на постоянной основе.

— Не могу не спросить Вас о том, насколько отличаются наши Педагогический и Технический университеты?

— Я уже два года не работаю в Педагогическом университете, поэтому могу сравнить только его прошлый облик с нынешним обликом технического университета. Студенты отличаются, на мой взгляд, незначительно. Все они живут в условиях маленького города и поэтому — одним и тем же. Отличия связаны с тем, что в педагогическом университете методические и педагогические дисциплины играют очень существенную роль, как впрочем, и социально-гуманитарные. На становление человека оказывают влияние три фактора: наследственность, среда и воспитание. Именно воспитание в наших силах активно, применяя педагогические технологии, формировать; так можно исправить даже недостатки, по крайней мере, среды, поскольку наследственность пока не поддается влиянию. В техническом университете все воспитательные дисциплины читаются на первых курсах, когда студент еще психологически не созрел для их полноценного восприятия, поэтому результаты их чтения в основном имеют информирующий, а не образующий личность человека характер. Внеучебная работа в обоих вузах существенно не отличается, все зависит здесь от желания студентов участвовать в кружках, секциях, творческой и общественно-политической жизни. Административная работа имеет специфику. В педагогическом университете она более централизована, нет такой широкой, хотя и сбалансированной, самостоятельности подразделений, как в техническом университете, нет их лицевых счетов, иерархического делегирования полномочий. Проректор и декан в пе-

дагогическом университете полностью отвечали за своих подчиненных, контроль в такой ситуации очень прост, но сложно рассчитывать на инициативу снизу. И самостоятельность в управлении, и централизация его имеют как свои плюсы, так и свои минусы. Еще я бы отметила универсальность работы в техническом университете, это по сути дела — маленький город, тогда как школа — только часть города. Эта создает также и ту остроту проблем, которые решает технический университет в своей работе.

— Ну, что же, тогда расскажите, как воспитать инженера? В чем основные задачи воспитательной работы в техническом университете?

— Я бы не ставила вопрос так узко — как воспитать инженера или юриста. Основная задача воспитательной работы в любом университете — сделать его центром культуры и приобщить к ней студента. Это основной путь воспитания личности. В проблемном городе с высоким уровнем криминала необходимо постараться показать молодому поколению, что существуют высокие и вечные ценности. Мы поддерживаем все виды студенческих кружков и секций, научного, художественного, спортивного, общественно-политического, туристического характера. Свободное время студента должно быть отдано именно этим занятиям. А второе — просветительская и организационная работа. Мероприятия по информированию студентов о безопасности жизнедеятельности, о студенческой жизни в стране, о науке и искусстве. Большую роль в формировании личности, способной занять активную и положительную позицию в обществе, играет самоуправление. Именно поэтому мы много внимания уделяем развитию студенческих советов различного уровня: в университете, на факультетах, в общежитиях. Стараемся мы и помочь студенту: в оздоровлении, поиске работы, решении материальных трудностей, взаимодействуем со студенческим профкомом. В университете создан фонд, средства которого будут расходоваться на все выше указанные цели. К сожалению, наш вуз, — наверное, один из немногих, в котором между администрацией и профкомом студентов не заключено договора о сотрудничестве. Наконец, мы стремимся создать у студентов университета ощущение ценности того, что они принадлежат к общности студентов вообще, и студентов нашего вуза, — в частности. Мы всячески поощряем студенческие слеты, проводим мероприятия, посвященные нашим профессиональным праздникам, посвящения в студенты, КВН. Вот, недавно студенты внесли предложение о создании аллеи выпускников.

— Ну, а теперь последний тоже традиционный вопрос. Как Вы проводите свободное от работы время, если оно у Вас появляется?

— У меня практически нет свободного времени. Вне стен универ-

ситета я тоже работаю, поскольку очень люблю заниматься наукой, много читаю и много пишу. Хотя ничто человеческое мне, конечно, не чуждо. Особенно я ценю искусство, увлекаюсь художественной литературой, живописью; я — постоянный посетитель всех выставок, очень люблю общаться с представителями творческой интеллигенции. Это тоже помогает в моей воспитательной работе.

— **Большое спасибо, Татьяна Евгеньевна. Желаем успехов в Вашей работе и очень надеемся, что наш вуз, действительно, станет центром культуры.**

АЛЕКСАНДР ГЕОРГИЕВИЧ НИКИТИН

Сегодня гость нашей рубрики — Декан факультета Лингвистики и культурологии, заведующий кафедрой философии, Заслуженный деятель высшей школы Российской Федерации, доктор философских наук, профессор Александр Георгиевич Никитин, который в феврале отметил свой замечательный юбилей — 60 лет¹⁹.

— **Расскажите о начале своего жизненного пути.**

— Родился я в Алтайском крае, 13 февраля 1946 года. Тринадцатое число, говорят, несчастливое, но я нахожу, что моя жизнь свидетельствует об обратном: бывают и счастливые тринадцатые числа. Населения было в нашей деревне тысячи три. Учился там же, в деревенской школе. Детство было очень тяжелым в материальном плане. Годы послевоенные. В семье я был единственным мужчиной, да и это сильно сказано, скорее мальчиком, которому пришлось быстро повзрослеть. Но так жили все. Учился в школе я до четвертого класса на одни пятерки, а потом и двойки появились. Переходный возраст, сами понимаете. Но меня в семье не ругали, только в школе. В семье считали, что мальчику достаточно семи классов, а потом надо работать. В седьмом классе я даже остался на второй год. Мне не давался русский язык. И как раз в нашу школу приехали молодые

19 Интервью записано в марте 2006-го года.

педагоги: Н.С. Хрущев осваивал целинные и залежные земли. Приехали из Архангельска. Один из этих учителей Евгений Федосеевич Ноговицын, с которым я до сих пор поддерживаю контакт, оказал на меня очень большое влияние. Он был учителем литературы. Я благодарю ему любил литературу, очень много читал. Шестидесятые годы были наполнены романтикой, мы много ходили в походы. Тогда я начал формироваться как человек, появилась моя общественная позиция — позиция человека заинтересованного, равнодушного. После девятого класса я поступил в строительное училище, в котором проучился около года и был выгнан за так сказать неучебное поведение. Но я не отчаивался, приехал в родную деревню, стал работать плотником. Потом опять поехал в это училище и закончил его. А потом немного поработал и меня призвали в 1965 году в армию. В 1968 поступил в Свердловский горный институт. Это был выбор романтика-шестидесятника. Я увлекался охотой, путешествиями, интерес к жизни был у меня громадный. И вот я захотел стать геофизиком, но проучившись два года, понял, что это не мое. Хотя за это время успел жениться на женщине, с которой познакомился в Горном и прожил всю жизнь. Я ушел из института и отработал мастером по деревопилению два года. А потом поступил на философский факультет, который и закончил.

— **А как же вы выбрали философию?**

— Я просто понял, что проблемы человека, литературы, истории, мировоззрения меня больше интересуют, нежели техническая конкретика. И еще на меня оказала влияние одна встреча. Я познакомился с очень интересным человеком. Его звали Николай Петрович Кукленков, это белорус, историк (специализировался по средневековью), прошел войну партизаном, был инвалидом — на войне лишился ноги, работал на радио, писал сценарии передач. Меня поразила его одаренность, знания, острота восприятия всех проблем, радикализм. Он был настоящим мистиком, как будто что-то знал об этом мире такое, чего другому не дано, он даже как-то пророчески заикался. У нас завязалась оживленная переписка, я даже ездил к нему в Белоруссию. Мы жили вдвоем в партизанском штабе, где он воевал, около двух недель. Таких людей я больше не встречал. Именно он и повлиял на выбор моей деятельности. Я никогда об этом не жалел.

— **А что ожидало дипломированного советского философа?**

— Всех распределяли по институтам. Мне хотелось иметь собственное жилье. В Комсомольске мне его предоставили, здесь же жили мои родственники. Вот, я и уехал в Комсомольск. Об этом тоже не жалею.

— **Расскажите о вашей научной карьере.**

— Тогда аспирантура была только в Москве, через два года работы в педагогическом институте меня туда направили, я поехал, поступил, окончил и защитился. А потом мне так и не дали сосредоточиться на науч-

ной работе, привлекали к общественной и административной, а я никогда не отказывался от этого. Стал я председателем профкома, потом проректором. Мне, может быть, и хотелось сосредоточиться только на науке, но я понял, что книжки мои прочтет пару человек, а на административном поприще я смогу принести людям конкретную пользу. Но докторскую сделал. Всегда меня интересовала проблема человеческих заблуждений. Они сопровождают человека всю жизнь и бывают разные. Нравственные, например, политические. Человек больше живет в заблуждениях, чем в истине. Но я интересовался научными. Даже крупные мыслители и ученые заблуждаются. И это вообще скандальная ситуация. В итоге я понял только одно: заблуждения всегда выявляются задним числом. Когда человек проповедует какую-то идею, он свято убежден в ней и его не переубедишь никакими доводами. А прогресс, как это не странно, возможен и на основе ложных идей и теорий. Это одно и утешает.

— **Расскажите о вашей работе в Техническом университете.**

— Я возглавляю один из гуманитарных факультетов и считаю, что курс, избранный руководством университета и лично ректором Юрием Георгиевичем Кабалдиным, однозначно правильный. Это курс на создание инновационного университета, и он обязательно выведет его на новые рубежи. Гуманитаризация технического образования — важнейшая составляющая инновационности. Гуманитарный факультет не должен быть просто одним из структурных подразделений технического вуза, но его деятельность должна стать существенным аспектом содержания любой подготовки инженеров. Речь идет, прежде всего, о формировании научной культуры у студентов, овладевающих техническими специальностями. Это серьезное знание философии, иностранных языков, методологии научного познания, социальных и экономических наук, культурологии, менеджмента. Деятельность любого инженера протекает среди людей, надо уметь управлять ими, ценить их, знать, что такое человеческий фактор. Сейчас ведется речь о создании гуманитарного института, важнейшей целью которого и будет гуманитаризация технического образования. Гуманитарные факультеты уже сегодня в состоянии обеспечить ту инновационность, о которой я говорю. Факультет Лингвистики и культурологии был организован в 2001 году, и за короткий срок работы мы сильно развились, у нас уже семь докторов наук, много молодых кандидатов. Материальная база факультета — прежде всего библиотечный фонд — тоже позволяет говорить о высоком качестве нашей работы. Количество студентов постоянно растет, они заметны в университете своими успехами. Во всех наших достижениях, надеюсь, есть и доля моего участия, но в основном это заслуга всего коллектива. Есть и проблемы у нас: например, аудиторный фонд нас совершенно не устраивает. Я вспоминаю, как работал в педагогическом университете. Есть разни-

ца между моей работой там и здесь, прежде всего, различна корпоративная этика. Там женский коллектив, здесь мужской. И здесь стиль работы более деловой, жесткий, хотя эффективность этих стилей примерно одинакова. Там лучше поставлена внеучебная воспитательная работа, это конечно благодаря наличию людей гуманитарного склада, у которых талант к такой работе. Аура педагогического школьного образования сказывается тоже. Аура инженерного образования слишком прагматическое содержание имеет, хотя конкретика иногда лучше, чем высокие идеалы.

— **Вы тридцать лет работаете в высшей школе, изменилась ли она за это время и как?**

— Вуз советского времени, конечно, был иным, и много было хорошего. Но я не отношу себя к людям, которые сожалеют об утрате этого времени. Иные времена — иные задачи. Надо просто вдумчиво решать стоящие сейчас проблемы. Сегодня возможности получить хорошее образование гораздо шире, чем раньше. Я приветствую и платное образование. Есть, конечно, и негативные у него черты, зачастую приходят люди трудно обучаемые, но если бы они не оказались в вузе, где бы они были? Они бы пополнили ряды маргиналов и криминальных групп. Кроме того, платное образование позволяет выстоять вузам в трудные времена, а они еще не завершились. В будущем эта проблема может быть решена по-другому, но сегодня платное образование необходимая реальность. Работать надо со всяким студентом, и с отличником, и с двоечником, надо искать более эффективные методы обучения, стараться, а не складывать руки и мечтать о том, чтобы в аудитории пришли одни гении.

— **Расскажите о ваших планах на будущее, что получилось и что не получилось за период вашей работы?**

— Я, когда оглядываюсь на свою жизнь, понимаю, что прожил ее неплохо. Я всегда был активным человеком, откликался на все. Были и неудачи, но были и успехи, я не могу сказать, что о чем-то в прошлом сожалею. А в будущем хочется как можно дольше и как можно больше приносить пользу людям.

— **А для себя ничего не хотите?**

— Нет. Было бы здоровье, а остальное будет, вкуса к жизни я не потерял.

— **Тогда скажите, любите ли Вы что-нибудь кроме работы?**

— Люблю читать книги, заниматься спортом, играть в шахматы и ходить на охоту. Люблю собак, лаек. Бродить с собакой по лесу — великое удовольствие. Я собрал большую библиотеку, поработать в ней — тоже моя огромная страсть.

— **Спасибо большое за беседу. Доброго Вам здоровья и интересной работы.**

АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ ОЛЕЙНИКОВ

Сегодня гость нашей традиционной рубрики — выдающийся ученый-механик и математик, доктор физико-математических наук, профессор, заведующий кафедрой Механики и анализа конструкций и процессов Александр Иванович Олейников²⁰.

— Наш первый вопрос — традиционный. Как Вы выбрали профессию? Где все начиналось?

— Родился я в городе Апостол Днепропетровской области.

Это железнодорожная станция стратегического назначения. Окончил Днепропетровский государственный университет, который в то время входил в 10 лучших вузов СССР. Специальность — гидроэродинамика. Вообще-то мне хотелось стать летчиком, но перед поступлением в училище я заболел и не смог вовремя сдавать экзамены. А в университете учились мои старшие товарищи, и специальность была связана с авиацией. В те времена многие мечтали походить на Королева, Антонова — великих первых конструкторов летательных аппаратов. Мы читали их биографии, смотрели научно-популярную литературу о конструировании самолетов. Но тогда, не поступив в летное училище, я пошел в армию. В школе я не очень хорошо учился, и только в армии самостоятельно освоил высшую математику и физику. Моя школьная биография делится на два этапа: отличник до 5-го класса, а с 5-го по 9-й футбол и рыбалка. И только в 9-м классе я заинтересовался физикой. У меня был увлеченный преподаватель, летчик, штурман авиации, благодаря которому и я стал учить точные науки. Помню свой первый учебник Перышкина, который получил от учителя, когда тот вызвал меня к себе на беседу после пятой двойки. И с тех пор мы стали близкими людьми, даже в армии я с ним переписывался. К концу школы я уже стал делать первые успехи, и меня даже прозвали «Профессор». В университете мне было страшно интересно учиться. Особенно я любил лекции крупных ученых, тогда преподавали действительно мастера, знавшие как классику, так и все новейшие достижения. Многие из них занимались конструированием ракет в бюро Янгеля. Уже с третьего курса я тоже стал заниматься научной работой. Она была связана с ги-

дродинамикой, переросла в дипломную работу, после защиты которой я был рекомендован в аспирантуру. Однако мне моя тема казалась уже устаревшей, и я отказался поступать. Вот, каким был самонадеянным, думал найти более современную проблематику. И кроме того, были у меня тогда и другие увлечения. Я собрался жениться на красивой и любимой девушке.

— Но потом все-таки решили вернуться? Что стало предметом Вашей научной работы?

— Работать я стал в НИИ горнорудной промышленности, где меня заинтересовало поведение сыпучих сред. О них я и написал кандидатскую диссертацию. Мне удалось поступить в аспирантуру в МГУ к выдающемуся ученому — академику Вениамину Петровичу Мясникову. После окончания аспирантуры и состоялась моя защита, правда, не в Москве, а в Новосибирске, в профильном научном институте Гидродинамики. Моя диссертация имела большое практическое значение. В ней изучались проблемы обрушения в карьерах и разработках. Надо было рассчитать размер зоны обрушения. Пришлось создавать новые математические модели материалов, которые совершенно не описывались классическими законами. После кандидатской я стал работать в Кривом Роге, старшим научным сотрудником в научно-исследовательском Горнорудном институте, а параллельно — там же в Педагогическом институте заведующим кафедрой Математического анализа. В Кривом Роге мне предложили хорошие условия для работы и жизни. Как всегда, в жизни большую роль играют знакомые, соблазняющие неведомыми местами и перспективами. Именно в процессе работы в Кривом Роге я защитил докторскую диссертацию. Тема ее была развитием исследований кандидатской диссертации. Я продолжал конструировать модели поведения материалов, в том числе и еще несуществующих, исходя из теории симметрии, изотропии и законов термодинамики, то есть из минимума свойств материалов, благодаря которому можно создавать модели максимума материалов. Это охватывало такой круг явлений, как современные сплавы, композиты — материалы асимметричные, неоднородные, деформированные, нелинейные. Мне удалось учесть более широкий круг функций, описывающих поведение материалов, их изменения в тех или иных условиях, при тех или иных нагрузках, температурах. Мои модели нелинейны, они прогнозируют именно бифуркации и изменения. Причем, мы не создавали новые материалы, а в основном описывали поведение тех, что уже созданы нашими металловедцами, которые добились выдающихся достижений мирового уровня, в частности, в сфере материалов, используемых в самолетостроении. После защиты докторской я еще немного занимался геофизикой, дрейфом полюсов, континентов. Этот дрейф также хорошо описывается моими мо-

делями. Участвовал я в разработке модели поведения завала Чернобыльской АЭС. Наконец, мои модели хорошо описывают деформации сплавов, используемых в отделяемых частях крыла самолета Сухой-Суперджет 100. Сегодня это, наверное, самая важная научная тема, имеющая большое практическое значение. Новый самолет должен быть на порядок лучше прежних, он должен иметь возможность сделать до 70 тысяч полетов (прежний аналог — ТУ-134 мог сделать только 20 тысяч, в мире уже давно самолеты летают 50 тысяч раз). Это означает, что точность изготовления конструкций должна быть филигранной. Любое отклонение даже в самой маленькой дырочке для заклепки может привести к трещине и сокращению количества полетов самолета. Подобные отклонения можно прогнозировать с помощью моих моделей.

— **А удается ли Вам делать что-то в науке помимо решения практических задач производства?**

— Конечно, логика научной работы, потребность ее полноты заставляет делать это. Ее необходимо соблюдать, только тогда и можно добиваться практических результатов. Они же, в свою очередь, дают для теории полезный экспериментальный материал. Результаты нашей работы не всегда пользовались спросом, но я знаю, что они будут пользоваться им в дальнейшем. Это много раз подтверждалось.

— **А как Вы оказались в Комсомольске-на-Амуре?**

— Мой учитель стал со временем заместителем Президента ДВО РАН, и благодаря его приглашению я оказался в Комсомольске-на-Амуре. Сначала в НИИ Машиноведения, а затем в КНАГТУ. Уже докторскую диссертацию я защищал во Владивостоке, где работал В. П. Мясников. В 1997 году я приехал в наш город. Тогда на Украине наукой было очень трудно заниматься, даже бумаги было не на что купить. В КНАГТУ условия для работы были лучше. Меня заинтересовала проблематика, которой занимался Ю. Г. Кабалдин. Проблемы резания и режущих инструментов также входили в круг моих моделей описания поведения материалов. Кроме того, работа, которой занимался завод КНААПО, находилась и находится на самых передовых рубежах современной науки. Именно в Комсомольске-на-Амуре можно решать те проблемы, которыми я занимаюсь. Это сегодня центр механики, куда приезжают работать даже из Москвы и из-за рубежа. К сожалению, так я могу сказать только в отношении своих научных занятий. Остальное в нашем городе пока оставляет желать лучшего. Но я — прежде всего ученый, поэтому мое место в Комсомольске.

— **У Вас, значит, есть ощущение востребованности и реализованности как ученого?**

— Более чем ощущение, у меня есть удовлетворение от этого.

— **А чем же занимаются московские конструкторы КБ Сухого?**

— У них есть свой институт, но его специалисты пока не могут решить те задачи, которые решаем мы. Мы более продвинутые ученые. Причем, если раньше многие проблемы, возникающие при конструировании самолета и изготовлении его деталей, решались экспериментально, а это влекло колоссальные финансовые и материальные затраты, то теперь можно все сделать просто с помощью компьютерной математической модели. Это дешево и чрезвычайно эффективно. КБ нашего завода имеет лицензию на конструирование маленьких самолетов, доработки больших и, — самое главное для производства, — на создание технологий изготовления изделий. Именно последним я и занимаюсь.

— **Будет ли Суперджет массовым самолетом?**

— Будет, уже сейчас планируется выпускать до 70 самолетов в год.

— **И сейчас уже ничего не препятствует их производству?**

— Конечно, еще есть что дорабатывать. Самолет пока получается кривой, хотя, думаю, падать не будет. Кроме того, я понимаю, как исправить недостатки. Поэтому у Университета есть хорошие перспективы сотрудничества с заводом, даже рук не хватает.

— **Скажите, а достаточна ли материальная база и финансирование для успешности Вашей работы?**

— При максимальном финансировании можно решить почти любую научную задачу. Нам же приходится решать их при том финансировании, которое есть. Это дополнительный стимул работы. Может быть, даже — одно из условий более эффективных решений.

— **А университет — оптимальная форма решения научных задач, или все-таки это НИИ?**

— Я думаю, что эти формы надо объединить, создавать научные центры при Университете. Университет в силу своего юридического статуса, имеющих льгот удешевляет работу, а также позволяет передать часть работы аспирантам. Доктора наук нынешние работают на уровне 1950-х годов, а молодежь более близка современным научным поискам.

— **А когда было интереснее работать, в советское время или сейчас?**

— Сейчас. Понимаете, темп сегодня совершенно другой. А в высоком темпе работать интереснее. И работа разнообразнее.

— **Что Вы считаете своим основным научным результатом и каковы Ваши планы?**

— Планов у меня много, не хватает только ресурсов и времени. Приходится слишком много заниматься бумажной работой. Ее целесообразно поручать специальным людям, а не ведущим ученым. В числе планов становление моей новой кафедры, разработка тем, поддержанных грантами

РФФИ и ФЦП. А результатами я могу гордиться. Ведь я создал математические модели, которые останутся навечно. В математике можно получать результаты, которые нельзя опровергнуть или улучшить. Более того, я доказал, что мои модели единственные в своем классе. Других не будет. Самая практичная теория та, которая и самая теоретически совершенная.

— **Вы недавно баллотировались в члены-корреспонденты РАН. Расскажите о результатах выборов.**

— Я занял второе место после избранного Буренина, так что считаю это хорошим обнадеживающим результатом.

— **Для Комсомольска было бы огромной честью получить первого членкора. А чем Вы любите заниматься помимо науки?**

— Рыбалкой на удочку. Это и азарт, и покой. Времени на это, к сожалению, не хватает. Еще я очень люблю читать, художественную и философскую литературу. Особенно древнегреческую и немецкую философию. Хочется, конечно, хорошего театра, но у нас в городе его нет.

— **Спасибо Вам, Александр Иванович, за интересную беседу.**

ГЕННАДИЙ ДМИТРИЕВИЧ СЕДЕЛЬНИКОВ

Сегодня мы беседуем с ректором Дальневосточного открытого института (ДВОИ), доктором технических наук, профессором Геннадием Дмитриевичем Седельниковым. Возглавляемый им вуз является своего рода дочерним предприятием КНАГТУ, отметившим недавно свое 10-летие и готовящимся к очередной комплексной оценке своей деятельности²¹.

— **Геннадий Дмитриевич, наш первый традиционный вопрос — о начале Вашей карьеры.**

— Родился я в городе Кургане, — это Восточная Сибирь, — в 1951 году. Закончил там среднюю школу, приехал во Владивосток (там жил мой старший брат) и поступил в ДВПИ, на кораблестроительный факультет. Закончил его в 1975 году по специальности «Судовые энерге-

21 Интервью записано в декабре 2007-го года.

тические установки». Меня пригласили в Комсомольск-на-Амуре, здесь не хватало преподавателей, и я с удовольствием согласился. Оказался на кафедре, с соответствующим моей специальности названием, и через два года поехал в Ленинград, в базовый вуз — Кораблестроительный институт, в аспирантуру. Я защитил кандидатскую диссертацию и вернулся в уже родной для меня город, в Комсомольск, где и работаю по сей день. Вернувшись, я стал деканом «Кораблестроительного факультета», съездил на годичную стажировку в Болгарию. В 1994 году руководство нашего университета предложило мне стать одним из разработчиков системы образования нашего вуза, основанного на новых дистанционных технологиях. При моем участии был организован региональный центр Открытого университета Великобритании при КНАГТУ, который я возглавил и закончил по специальности «Менеджмент». В возглавляемом мной центре я работал еще и тьютором. После этого — в 1998 году — я стал деканом «Факультета экономики и менеджмента». В 2004 году я защитил докторскую диссертацию. Стал работать профессором на своей профильной кафедре, подготовил одного аспиранта. С 2006 года я ректор ДВОИ.

— **Каковы основные направления Вашей научной работы, внедрены ли в производство результаты Вашей докторской диссертации?**

— Самым серьезным результатом моей работы я считаю создание оптимизационно-математических моделей для расчетов энергетических судовых систем, дающих существенную экономию топлива. Идея таких систем существовала и до меня, мне же удалось обчислить ее параметрические математические и экономические измерения. КПД главного двигателя судна — 50%, а мои системы позволяют увеличить его еще на 25%. В результате можно отключить на судне все вспомогательное энергетическое оборудование на ходовом режиме. С помощью моих систем можно улучшить проектирование, эксплуатацию и модернизировать соответствующие установки на корабле. Внедрение этих систем пока на уровне регистрации изобретений и программных продуктов, железное воплощение их сегодня вряд ли возможно, поскольку наблюдается колоссальный упадок судостроительной отрасли, причем, не только в России, но и в мире. Исключение на этом фоне составляет Китай, Япония и Южная Корея. Я во многом учитывал их опыт в своей работе и старался сделать его достоянием нашего отечественного судостроения, это, однако, сделать затруднительно. В условиях упадка промышленности страдает и наука, ряд ведущих российских кораблестроительных кафедр уже не имеют профессуры, либо состоят из пенсионеров. На Дальнем Востоке ситуация в этом отношении даже немного лучше. Правда, когда я стал ректором, времени на науку у меня почти не осталось, хотя я продолжаю печататься,

недавно издал очень востребованную монографию, а всего у меня более ста научных публикаций.

— **Расскажите, пожалуйста, о Дальневосточном открытом институте и его взаимоотношениях с КНАГТУ.**

— Дальневосточный открытый институт — образовательная автономная некоммерческая организация. Мы — негосударственный вуз, но выдаем дипломы государственного образца. У нас большая, чем у государственных вузов, финансовая самостоятельность. ДВОИ — отдельное юридическое лицо, среди учредителей которого, однако, имеется и КНАГТУ. Мы арендуем у КНАГТУ помещения, наши преподаватели являются, в основном, штатными сотрудниками КНАГТУ. Мы ведем подготовку по двум учебным программам самостоятельно, это — Финансы и кредит, Бухгалтерский учет, и еще по двум, это — Юриспруденция и Менеджмент организаций (обе — в форме экстернатуры), в рамках сотрудничества с Московским институтом экономики, статистики и информатики (МЭСИ). Этот вуз сегодня является лидером отечественного дистанционного образования, и нам очень полезен его опыт, который скрупулезно отслеживается и в КНАГТУ. Новые специальности и направления мы пока не открываем из-за проблем с площадями, необходимыми для образовательного процесса. Мы стараемся не конкурировать с КНАГТУ (например, в форме демпинга), хотя иногда конкуренция неизбежна, прежде всего, с ИНИТОм. Но мы старше ИНИТА, кроме того, для КНАГТУ полезен наш опыт, эксперименты (в области дистанционных и информационных технологий, прежде всего). Интересен и наш финансовый опыт как негосударственного учебного заведения, особенно в условиях начала действия закона об Автономных учреждениях. Технологии обучения — кейсовые дистанционные и заочные. Интернет-технологии пока сложно внедрять в нашем регионе, и в силу его отдаленности, и в силу недостаточности технического обеспечения, а также высокой стоимости Интернета. Мы реализуем в этой области только пилотные проекты, этой весной попробуем провести защиты экстернов МЭСИ в форме видео-конференции. У нас есть представительства — в Ванино, в Чегдомыне, в Амурске, в Солнечном. Изучаем ситуацию в других населенных пунктах региона. Основная масса наших студентов — комсомольчане, причем, не школьники, а люди более возрастные. Наш штат — около десятка человек.

— **Чем Вы любите заниматься в свободное от работы время и каковы Ваши ближайшие планы?**

— С некоторых пор я не отделяю свою личную жизнь от работы, от Дальневосточного открытого института. Сегодня для меня главное — его аттестация, диверсификация наших образовательных программ. Хочется также найти толкового аспиранта. На личную жизнь прак-

тически не остается времени, хотя я очень люблю автомобили, собак, дачу, путешествия на море (за 15 последних лет не пропустил ни одного сезона!), и, конечно, как всякий заботливый родитель, очень беспокоюсь о своей дочери, хотя она уже давно взрослый человек.

— **Большое спасибо за интересный разговор.**

БОРИС МИХАЙЛОВИЧ СОБОЛЕВ

Сегодня в гостях у нас директор Института компьютерного проектирования машиностроительных технологий и оборудования, профессор, кандидат технических наук Борис Михайлович Соболев²². Одно из структурообразующих подразделений нашего университета именно в годы руководства Бориса Михайловича непрерывно росло и развивалось, превратившись в крупный научно-образовательный центр.

— **Наш первый традиционный вопрос: где прошло Ваше детство, юность и чем определился Ваш выбор профессии?**

— Я родился давно, в 1946 году, в селе Гагарино Ишимского района Тюменской области. Учился в Красноярском политехническом институте, на Механическом факультете, специальность — Машины и технологии литейного производства. Почему выбрал именно эту специальность? Судьба у нас, инженеров такая. Многие собирались стать самолетчиками, электриками, а стали литейщиками, и великолепными. Приехал я поступать из деревни, было очень сложно. Сами понимаете, как. Хотя мои симпатии к физике, электротехнике не погибли, они пригодились мне позже. В университете нашем было очень интересно учиться. Мы участвовали в хоккейных соревнованиях. Вспоминаю студенческое время с удовольствием, хотя мы были вторым выпуском нашей специальности, и я бы не сказал, что уровень подготовки у нас был очень высоким. Наукой я по-настоящему стал заниматься уже в Комсомольске. Сюда приехал по распределению в 1969 году. Здесь кафедра Технологии металлов только создавалась. Тог-

22 Интервью записано в апреле 2008-го года.

дашний заведующий Леонид Иванович Данилин привлекал нас к научной работе, я выполнял свой первый хозяйственный договор с заводом Амурс-сталь. В 1972 году я поехал в аспирантуру в Горьковский политехнический институт, к известному ученому Антону Абрамовичу Рыжикову. Занимался я разработкой непрерывных способов рафинирования чугуна. Эта тема была актуальна для Горьковского автомобильного завода, им нужны были тормозные диски. В 1975 году я защитился, прямо под новый год. Материалы моей работы были частично внедрены. Но в Комсомольске она была не нужна. Здесь я занялся проблемой непрерывного литья сложных по форме заготовок. Мой аспирант Владислав Викторович Куриный защитил по этой теме работу. Мы старались сэкономить металл при отливке.

— **А докторскую Вы намеревались защитить?**

— В то время мне не позволило это сделать мое здоровье. Я понял, что так, как надо сделать, я не смогу, а так как делается сейчас, я не хочу. Я занялся учебной и организационной работой. Два раза возглавлял кафедру «Машины и технологии литейного производства». В 1999 году я стал деканом Машиностроительного факультета, а в 2000 — директором Института компьютерного проектирования машиностроительных технологий и оборудования. Я считаю, что новый статус нам очень помог. Хотя фактически институт и факультет ничем не отличаются, имя института в городе стало восприниматься иначе, чем факультета. Директора заводов стали больше помогать нам, принимать во внимание наши задачи и нужды.

— **Что Вам больше нравится — заниматься исследованиями, преподавать или управлять образовательным процессом?**

— Больше всего мне нравится студенческая наука. Аспиранты требуют более значительного уровня, докторского, а совместная исследовательская практика со студентами, это то, что мне больше всего удается. Я занимаюсь металлом, а он — очень сложный, тяжелый, агрессивный материал. С ним много проблем, и когда я учу работать с ним своих студентов, нас всех увлекает решение этих проблем.

— **А что для Вас значит административная работа, любите ли Вы ее?**

— Я бы сказал, что административную работу любить сложно. У меня просто получилось вначале. Наш институт поднялся, перестал быть среди экономически несостоятельных, преподавателей наших начали уважать. Мне нравится моя команда, мне хочется не потерять достигнутого.

— **А что важнее в управлении: инициативы лидера или профессионализм команды?**

— И то, и другое в равной мере важно. Команда должна состоять из таких людей, которые сами могут принять решение и ответить за него. Они должны вести за собой других, видеть перспективы развития.

— **Скажите, когда было интереснее и сложнее работать, в советский период или сегодня?**

— Работать со студентами всегда было сложно. А с другой стороны, молодежь у нас всегда была отличная. Но надо понимать, что университет — не отдел социальной защиты, а место, где отбирают лучших. К третьему курсу остаются прекрасные люди.

— **Двоечников отчисляете, не глядя?**

— Нет, почему же, глядя в оба глаза. В зависимости от того, как студент учился раньше, каковы причины его неуспеваемости. Еще смотрю на его материальное положение. Я сам вышел из очень бедной семьи, и мне очень сложно было карабкаться вверх. Вы даже не представляете, как мне было сложно. И я стараюсь поддерживать таких студентов, где-то даже подталкивать их вперед. Может быть, даже просто поговорить. Объяснить, что трудности преодолимы.

— **Как Вы полагаете, те отрасли промышленности, на которые ориентирован Ваш институт, в условиях кризиса будут перспективными в Комсомольске?**

— Я с оптимизмом смотрю в будущее, а сложности всегда были и будут. Все металлургические и машиностроительные отрасли, если на Дальнем Востоке останутся жить наши люди, будут работать. Мне только хотелось бы, чтобы ассортимент выпускаемой нами продукции стал шире, технологии соответствовали самым последним научным достижениям. В советские времена трудности тоже были, но мы о них меньше знали и рассуждали, поэтому чувствовалась определенная стабильность. Плановая экономика поддерживала это чувство.

— **Расскажите о самых главных результатах Вашей деятельности и основных планах на будущее.**

— Главный результат: создана материально-техническая база нашего института, накоплено программное и методическое обеспечение. Открыты новые специальности, потребность в выпускниках которых ощущается в нашем регионе. Мы создали Центр рабочих профессий: я всегда мечтал, чтобы инженер знал, как работать с металлом руками. Мы создали филиал МРЦПК и теперь ведем большую работу по переподготовке кадров. Спектр услуг, предлагаемых нами, стал очень широк, и возможности наших студентов тоже возросли. Наконец, мы отремонтировали наши помещения.

— **Сыграл ли в развитии Вашего института тот факт, что последние наши ректоры были выходцами из его стен?**

— Я бы не сказал, что этот факт сыграл какую-то роль, хотя, конечно, они нас поддерживали. Но без нашей работы и наших инициатив ничего бы не получилось. Я своим основным достижением вижу создание

кафедральных проектов. На них мы заработали основные наши деньги, на которые теперь приобретаем оборудование для самых сложных и наукоемких исследований. Вот сейчас собираемся купить электродуговую печку для студентов специальности «Металлургия черных металлов». Мы создали лицо нашего института, которому доверяют руководители наших крупных заводов. Они нам тоже помогают модернизировать лаборатории и аудитории. У нас предстоят непростые времена, но мы решим наши проблемы. Работать и жить мы не прекратим, и готовить компетентных специалистов мы будем. А компетентность сегодня надо понимать очень широко, это не только знания, но и экономические, коммуникативные, аналитические умения. Мы сегодня участвуем в проекте по созданию ресурсного центра, который должен будет укрепить наши методические начинания.

— **А кроме работы у Вас остается на что-то время?**

— Нет, ни на что не остается.

— **А что Вы любите помимо работы?**

— Рыбалку и работу в саду, на моей даче.

— **Желаю Вам, Борис Михайлович, успеха во всех Ваших начинаниях и спасибо за интересный разговор.**

АНАТОЛИЙ НИКОЛАЕВИЧ СТЕПАНОВ

Сегодня гость нашей рубрики *Persona Grata* — кандидат технических наук, доцент Анатолий Николаевич Степанов — декан одного из крупнейших факультетов нашего университета — Электротехнического²³.

— Анатолий Николаевич, позвольте задать Вам традиционный вопрос, связанный с началом Вашего биографического пути?

— Родился я в Псковской области. Детство прошло в Ростовской области. После окончания восьмилетней школы я поступил в Ростове-на-Дону в железнодорожный техникум. В детстве я любил смотреть, как бегут поезда, и мечтал сам их водить. Электровозы только начали появляться на смену тепловозам, и было

23 Интервью записано в марте 2008-го года.

очень интересно понять, как они движутся. Получил я диплом электромеханика и помощника машиниста электровоза. Меня хотели оставить в Ростове, но я страсть как любил путешествовать, и уехал по распределению в город Норильск. Там работал помощником машиниста до призыва в ряды Советской Армии. Отслужил и стал работать в городе Каменск-Шахтинский электриком на химкомбинате «Россия». Оттуда повышать квалификацию поехал я в Ленинградский Политехнический институт, на кафедру Электрических машин по специальности Электромеханика. Это было связано с моей прежней работой. А Ленинград был родиной моего отца, и я хотел пожить в этом городе. В институте я проучился пять с половиной лет. Там прошел очень серьезную теоретическую подготовку и решил поступать в аспирантуру. Она была раньше только целевая. Меня предполагалось отправить затем как раз в Комсомольск, хотя мой учитель — академик А.И. Вольдек собирался оставить меня при кафедре. Однако пока я учился, Александр Иванович умер, а я не захотел обмануть город, предоставивший мне возможность учиться, и решил ехать в Комсомольск. Хотя меня уговаривал новый заведующий, который был не кто иной, как родной брат тогдашнего первого секретаря обкома партии Ленинграда Григория Романова — Василий, бывший главный инженер завода Электросила. Поначалу я собирался вернуться в Ленинград, но страсть к приключениям оказалась сильнее. В Ленинграде я познакомился с моей будущей женой — Ириной Павловной, это произошло еще на вступительных экзаменах в институт. Она годом позже меня защитила кандидатскую диссертацию и присоединилась ко мне в Комсомольске. Я уговорил ее ехать.

— **А в чем заключалась проблематика Вашей научной работы?**

— Мы занимались креагенными турбогенераторами, то есть двигателями со сверхпроводящими обмотками. Проблемы были с электромагнитными полями генераторов, при определенном их состоянии проводимость пропадала, что приводило к авариям. Я и занимался расчетами этих электромагнитных полей. Результаты моей работы были внедрены на Электросиле. Экономический эффект их составил более двухсот тысяч советских рублей.

— **Какое на Вас впечатление произвел в те времена Комсомольский Политен по сравнению с ведущими вузами Ленинграда?**

— Люди работали со всех уголков нашей страны, из Томска, Новосибирска, Свердловска. Практический опыт у них был значительным. Университет только становился на ноги. Было интересно обмениваться знаниями, полученными в разных научных школах. Вместе с тем в Ленинграде я получил очень солидную математическую подготовку, которой немного не хватало моим комсомольским коллегам.

— **Расскажите, пожалуйста, несколько слов о Вашей карьере в университете.**

— Я прошел все ступени. Работал ассистентом, старшим преподавателем, доцентом, секретарем парткома, заведующим кафедрой, проректором, деканом, ответственным секретарем приемной комиссии. Я открывал первую на Дальнем Востоке специальность по программному обеспечению машин и автоматизированных систем управления, с которой начинался Факультет компьютерных технологий, кафедра МОПЭВМ.

— **Вы никогда не жалели, что не остались в Ленинграде?**

— Нет, никогда. Хотя иногда сожалею, что административная работа отняла у меня слишком много времени, которое хотелось бы уделить научной работе. Я прервал один важный хозяйственный договор с Ленинградом, который был очень перспективным для защиты докторской диссертации. Хотя у меня много научных публикаций, и я продолжаю заниматься наукой. Я еще и преподаю, готовлю учебные пособия. Недавно мое пособие получило гриф профильного УМО и было признано лучшим пособием на региональном конкурсе. Считаю, что хороший преподаватель должен грифовать свои пособия, подтверждая тем самым уровень своей учебной работы.

— **А что значит для Вас административная работа?**

— Я бы не сказал, что она мне нравится. Я чувствую, что умею ею заниматься, и поэтому она мне не в тягость. Чтобы хорошо организовать административную работу, должен быть инициативный руководитель, система работы (которую сегодня значительно упорядочивает СМК), и, конечно, профессиональная команда помощников-единомышленников. Руководящая роль первого лица в любом деле, тем не менее, — основная. Любое управление улучшает единая система требований и отчетов, наличие доступной и исчерпывающей базы данных и регулярных контролируемых мероприятий.

— **А бюрократия не заест?**

— А без бюрократии никакое управление невозможно.

— **Что Вы считаете самым значимым из результатов своей работы?**

— Главное — подготовка специалистов для нашего региона. Я горжусь многими своими учениками.

— **Вы уже давно в Высшей школе работаете. Есть ли разница между ее советским и российским вариантами?**

— Интересно было всегда. Если добросовестно и с любовью относиться к своему делу, оно не может не доставлять удовольствие. Сейчас, к сожалению, заметно ухудшился контингент студентов. Подготовка в школе низкая, кроме того, мы вынуждены принимать на коммерческой основе слабых студентов, понижающих уровень образования. Еще один ми-

нус — ограничение практики студентов дальневосточным, и даже хабаровским регионом. Раньше мы возили студентов по всей стране, и это расширяло их кругозор. Они видели и передовые технологии и лучшие заводы. Сегодня плохо обновляется лабораторная база. Единственный плюс — появление вычислительной техники. Она должна повлиять на изменение всего содержания и методики преподавания дисциплин. Мы раньше стремились упростить наши расчеты, а сегодня в этом существенно помогает машина, высвобождая ученого для решения иных задач, например, по физике явления. Отдельная проблема современности — реформы образования. Сегодня мы только выходим из кризиса девяностых годов. Но в то же время начался переход на двухэтапную подготовку студентов. С моей точки зрения, а ее поддерживают многие мои коллеги из разных вузов страны, в нашей стране необходимо было сохранить подготовку инженеров. Я надеюсь, что еще не все потеряно. Пока же могу сказать, что бакалавра на заводах не ждут. Бакалавр — теоретик, он имеет только общие представления. Магистратуру мы не по всем направлениям откроем. Туда попадут только 15-25 процентов бакалавров. Надежда на то, что наши бакалавры поедут в центральные вузы в магистратуру, да еще и вернутся оттуда, — очень слабая. Мы имеем опыт доучивания наших студентов в центральных вузах. Туда не едут, потому что трудно учиться и жить, а если едут и свыкаются, уровень жизни центральных регионов и обилие вакансий и возможностей создают условия, при которых сложно ожидать возвращения специалиста в регион. Кроме того, магистр не очень привлекателен производственникам. Он рассматривается ими как ученый, который для решения типовых задач не нужен, и будет только расстраивать массовое производство. И, наконец, ЕГЭ — последняя капля в этом море проблем. Реформа эта мне тоже не совсем понятна. На фоне финансового кризиса, неподготовленности школьников, их сокращения скоропалительность принятия решения по данному вопросу губительна для университетов. Даже подготовиться к этому новому перечню экзаменов возможности не оставили. В школах боятся плохих результатов, выпускников отговаривают подавать заявления на экзамены. Мы стоим перед перспективой недобора. СМИ формируют образ инженера-неудачника, непривлекательный имидж заводов. На инженерные специальности все еще маленький спрос в среде абитуриентов. А кто будет создавать национальный продукт, если не заводы?

— **Удастся ли нам выжить в этих условиях?**

— Несомненно. Неизвестно только, когда и какими силами. Наш вуз — один из лучших в стране, и перспективы у него хорошие.

— **Чем Вы любите заниматься в свободное от работы время?**

— Свободного времени у меня нет даже в отпуске. Декан должен быть всегда начеку, особенно летом, во время приемной кампании. За по-

следние десять лет я отдыхал всего лишь одну неделю. Люблю читать книги, телевизор не люблю. Раньше я любил поработать на даче, съездить на берег Амура, в лес. Люблю собак. Люблю с друзьями ходить в сауну. Люблю бильярд.

— **И последний вопрос о Ваших планах на ближайшее и отдаленное будущее.**

— Грандиозных планов у меня нет. Но сейчас я очень увлечен проектом создания студенческого конструкторского бюро. Интерес к науке должен формироваться на ранних этапах студенческой подготовки. Сегодня этому очень мало внимания уделяется. Надо менять ситуацию. СКБ — это не только бумажные проекты, но это эксперименты. Хочу создать также лабораторию по проверке электроприборов, которой в городе пока нет. Хочу закончить монографию. И, наконец, хочу полноценно отдохнуть.

— **Спасибо Вам, Анатолий Николаевич, за интересный разговор. Желаем Вам осуществить все Ваши планы.**

ИРИНА ПАВЛОВНА СТЕПАНОВА

Только что завершился очередной научно-просветительский фестиваль «Дальневосточная весна», посвященный проблемам безопасности и сохранения жизни на нашей земле вообще и в нашем регионе в частности²⁴. Его лидером уже 10 лет является заведующая кафедрой «Безопасности жизнедеятельности», доктор технических наук, профессор Ирина Павловна Степанова. Сегодня, в эти юбилейные фестивальные дни, мы не могли не взять у нее интервью.

— **Первый вопрос, как всегда, традиционный, — где Вы родились и как решили поступать в университет, который закончили?**

— Я родилась в г. Кириллове Вологодской области, это север России, там находится знаменитый Кирилло-Белозерский монастырь. Когда-то в XVI веке два монаха Кирилл и Ферапонт основали многие мо-

24 Интервью записано в мае 2010-го года.

настыри в этой округе, в том числе и упомянутый только что. До 14-ти лет я жила в окружении монастырей, в очень интеллигентной семье, училась в музыкальной и спортивной школе, ну, и конечно, как все дети, — в обычной, средней школе. Меня окружали книги, родители привили мне любовь к театру, кино. Несмотря на то, что город был провинциальным, семья наша была в курсе всех событий мира искусства, прежде всего, благодаря заслугам моей мамы. Моей семье я обязана своим воспитанием; сейчас моих родителей уже нет в живых, но чем дольше отрезок времени с тех пор, как их нет, тем больше я понимаю их ценность и вклад в мою судьбу. Потом мы переехали на Западную Украину, в город Черновцы. Эта территория была присоединена к СССР перед войной, но культура там оставалась поистине западной. Уровень школы тоже был очень высоким. На уроках немецкого, например, говорили только по-немецки. Я была всегда отличницей, а тут стала отставать; мне пришлось догонять и подтягиваться. Эта школа сыграла огромную роль в моем образовании. Учителя и дети этой школы были очень талантливыми, и судьбы их очень интересны. Именно там я сильно полюбила физику и решила поступать в Ленинградский Политехнический институт, на специальность «Инженерная электрофизика». Все мои друзья и знакомые были очень удивлены: я любила искусство, писала стихи, вокруг меня были одни гуманитарии — они ждали, что я пойду в какой-нибудь гуманитарный вуз, а я отбилась от рук. Я считала, что физика — самое интересное дело. Наверное, мне попался талантливый педагог, сумевший настолько заразить меня своим интересом к физике. Однако запас гуманитарных знаний и навыков сказался в моей работе в дальнейшем. Почти шесть лет я училась и окончила университет с красным дипломом, после чего меня оставили в аспирантуре. Аспирантура была тогда целевой, чтобы туда поступить, надо было сначала найти университет, для которого бы меня подготовили в этой аспирантуре. Я уже была замужем за Анатолием Николаевичем Степановым, с которым мы вместе закончили и вуз, и аспирантуру, и вместе нас направили потом в Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет. На кафедре в Ленинграде нас хотели оставить, но у нас не было постоянной прописки, хотя жилья хватало: мы жили в просторной квартире моей тетушки. Нам даже предложили развестись, чтобы прописаться, а у нас была уже дочь семилетняя, и нам показалось это решение чересчур оригинальным. Выбрали поездку в Комсомольск на три года. Сюда мы собирались ехать на время, но прибыв однажды, остались жить навсегда. Нас захватила работа, свобода, перспективы. Можно было реализовать свой творческий потенциал.

— А почему Вы выбрали инженерную специальность, а не фундаментальную физику?

— Это, как всегда, сочетание случайности и предопределенности. Вуз я выбрала случайно, никто мне не подсказал, как надо. Однако, может быть, дело в том, что я должна была попасть в Комсомольск, и здесь уже заняться своим основным делом — экологией. Когда я приехала в КНАГТУ, там существовала предметная комиссия по охране труда, меня попросили ее возглавить.

— Расскажите, пожалуйста, о Ваших научных интересах в аспирантуре и об учителях.

— Уровень требований в институте был высочайшим, процент отчисления неуспевающих доходил до 30%. Уровень требований к знаниям соответствовал уровню требований к их применению. Мне было легче учиться, потому что было очень интересно. Я училась у академика А. И. Вольдека, автора идей, на основании которых потом появились железные дороги на магнитной подушке, хотя, к сожалению, в Японии, а не у нас. Моя диссертация была посвящена исследованию электромагнитной совместимости. Надо было нейтрализовать влияние сильных полей на слабые. Это актуально для подводных лодок, космических кораблей, авиации, где в ограниченном объеме необходимо разместить оборудование, создающие такие поля. Оборудование должно было работать точно, несмотря на взаимодействие создаваемых им полей. Я занималась математическим моделированием их. Результаты мои были внедрены, была даже создана группа для их дальнейшей разработки. Мне было очень комфортно работать: тогда не было финансовых проблем, были только научные, а деньги выделялись в таком количестве, в каком было нужно их выделять для решения научной проблемы. То же касалось и оборудования, оно заказывалось на заводах по нашим требованиям и приобреталось. Результаты наших исследований тут же внедрялись. Так и должна строиться настоящая работа ученого, он не должен добывать деньги, он должен заниматься исследованиями. Когда я поступила в аспирантуру, академик А. И. Вольдек умер, и моим научным руководителем стал доцент Вячеслав Васильевич Васетинский. Замечательный был человек, доверявший своим аспирантам, предоставлявший им свободу думать и творить. Нам повезло учиться у людей, получивших образование еще до советского периода, они были образованными и интеллигентными учеными, свободно говорившими на нескольких языках, обладавшими незаурядным уровнем научной и общей культуры. Общение с ними обогащало учеников, спуститься с тех высот, на которых они находились, было почти невозможно. Наши учителя создали прекрасную систему отбора своих учеников, талантливого человека невозможно было не заметить. Я вспоминаю свою работу с большим удовольствием и гордостью, с благодарностью к тем, кто создал условия

для настоящего образования и науки. Когда я оказалась в Комсомольске, приложения сил моих для такой деятельности не было: пришлось поменять профессию. Первое время было даже тяжело и хотелось все бросить, но потом появились те ощущения свободы и перспектив, о которых я уже сказала.

— **Итак, Комсомольск. Как Вы сменили род деятельности?**

— Заниматься охраной труда в те времена было очень непрестижно, я с обидой и возмущением отреагировала на предложение возглавить соответствующую кафедру. Меня уговаривали, дали трехкомнатную квартиру, в итоге пришлось согласиться. Потом я почти еще пять лет занималась своей темой, вела хозяйственные договоры с Ленинградом. На кафедре Охраны труда я получила опыт административной и преподавательской работы. Наконец, я поняла, насколько важны проблемы экологии, и насколько плохо они разработаны в нашей стране. А проблемы эти чрезвычайно обострились. Я постаралась совместить свою математическую и физическую подготовку с решением проблем безопасности. По существу у нас отсутствовала даже теория экологической безопасности. Ей-то я и занялась. На западе экологическими оценками занимались давно, а у нас моя докторская была одной из первых работ по этой теме. Написать теорию в г. Комсомольске было большой наглостью. Более того, я не собиралась защищать свою концепцию в форме докторской диссертации. Я написала книгу и представила ее во Владивостоке на рецензию. Там профессор Вячеслав Иванович Коротков из ДВГТУ прочитал мою рукопись и сказал мне, что я изложила все его мысли, которые ему самому некогда было изложить. Именно этому человеку я во многом обязана тем, что моя книга превратилась в докторскую диссертацию. В ДВГТУ я и защищалась. Профессор Сергей Викторович Белов из МВТУ им. Н.Э. Баумана тогда возглавлял экспертный совет ВАК, куда попала моя работа; он был одним из немногих разработчиков отечественной теории безопасности жизнедеятельности, причем его идеи были почти противоположны моим. Я думала, что работу мою никогда не утвердят, но ее утвердили всего за четыре месяца. Широта взглядов профессора С. В. Белова вызывала всегда у меня уважение, мы много общались с ним на конференциях, долго переписывались.

— **А как Вы понимаете теорию, как систематизацию? И в чем суть Вашей концепции?**

— Как создание основ, которые позволили бы управлять рисками жизнедеятельности. Идея состояла в создании технологий профилактики рисков, выявлении источников их генерации, системном социобиотехническом их прогнозировании на уровне модели.

— **Какова сфера применения этих моделей?**

— В системе управления любого уровня: предприятие — город — регион — страна. Максимальная эффективность моих моделей достигается на самом высоком уровне. Сегодня моя теория применяется при разработке проектов экологической оценки рисков жизнедеятельности, в том числе и за рубежом.

— **И как предотвратить риск, где его источник?**

— Риск заключается в человеке, основной источник — его духовное бытие. Проблема эта имеет междисциплинарный характер, даже философский и религиозный. Сегодня невозможно решать проблемы в рамках одной науки, или даже нескольких наук, на которые разделено дисциплинарное пространство знания; подлинное решение многих проблем невозможно без комплексного подхода. Требуется изучение их с разных точек зрения, но в методологическом единстве. Система ваковских специальностей этому никак не способствует, а ведь диссертация пишется не по специальности, а по проблеме; и специалисты бывают не по специальностям, а по проблемам. Идея конференции «Дальневосточная весна» как раз и возникла потому, что необходимо было привлечение ученых, представляющих разные направления современной науки. Причем социально-гуманитарные науки могут внести даже решающий вклад в решение проблем безопасности. Конференция позволяет широко освятить те или иные проблемы, привлечь к ним внимание общественности и государства, что, в свою очередь, позволяет продвигать те или иные исследования.

— **Только, к сожалению, технологии воздействия на общества и человека очень проблематичны.**

— А это бесструктурное управление, о котором я и писала в своей диссертации.

— **Наша экологическая наука сегодня интересна за рубежом?**

— Думаю, да. Причем не только потому, что у нас экологические проблемы, но и потому, что у нас хорошие научные результаты их решения.

— **А как в России оценивают Вашу теорию сегодня?**

— Ее хорошо знают, обсуждают и используют. Об этом мне говорят на многих конференциях, на которых приходится бывать. Я читаю о своих результатах в статьях, книгах, авторефератах диссертаций моих коллег. Сегодня я планирую опубликовать второе издание своей книги, хочу сделать это в одном из центральных издательств.

— **Каковы сегодня Ваши научные интересы?**

— Все они — в рамках развития и применения моей теории, которую я создала в докторской диссертации.

— **Давайте теперь поговорим о Вашей кафедре, ее истории и перспективах.**

— Когда я пришла заведовать ею, там работали три человека. Это была даже не кафедра, а предметная комиссия университетского уровня. Первые кадры были кандидатами технических наук из других областей. Кадры были не очень квалифицированными, ибо профессионалов сманить, тем более, на непрестижную работу, невозможно. Мне приходилось заставлять их повышать квалификацию. Потом мы в 1996-м открыли специальность, и кафедра стала формироваться из наших выпускников. Потом наши выпускники стали кандидатами наук, сейчас уже пять человек защитились. Проблемы с защитами были большими, потому что безопасность жизнедеятельности — не единая специальность, а разбросанная по отраслям знаний. Защищаться, поэтому, приходится в разных советах, а готовиться — в зависимости от специфики той или иной отрасли. Сейчас я взяла даже тайм-аут, и не беру аспирантов, — слишком тяжело далась мне их защиты. Зато сегодня уже мои ученики стали брать аспирантов. К сожалению, многие ученики уезжают от нас, но подготовка кадров стала системной и мы в целом решили данную проблему.

— **Можно ли сказать, что сегодня на кафедре создана команда единомышленников?**

— Научный коллектив должен всегда состоять из оригинальных личностей, только тогда возможно получить высокий результат работы. Но костяк кафедры должен быть все-таки из единомышленников, и он у нас есть. Те же, кто в него не входят, не только не мешают, но наоборот решают очень важные задачи. А руководитель определяет главное направление и политику, которая разумно разрешает возникающие противоречия.

— **Устраивает ли Вас материально-техническая база кафедры?**

— Сегодня мы аккредитовали лабораторию в области охраны труда для промышленных объектов. Следующая лаборатория, которую мы создаем, — в области экологии жизни человека. Долгое время процесс создания материально-технической базы был медленным и неудовлетворительным, сегодня ситуация резко меняется к лучшему. Мы надеемся не только с помощью университета, но и благодаря зарабатываемым нами средствами еще более активно заниматься этим вопросом. Независимая от государства лаборатория должна быть многим интересна, и поэтому я считаю ее экономически очень перспективной.

— **Сегодня мы живем в условиях реформ образования. Стандарты нового поколения предполагают почти половину учебного времени передать в распоряжение вузов, готовы ли Вы заполнить это время своей теорией и ее прикладными выходами?**

— Наш учебный процесс очень отличается от любых аналогов, даже петербургских или московских. Количество оригинальных курсов чрезвычайно велико. Многие наши учебные пособия получили высокую оценку на конкурсах и выставках. Мы мобильно вводим курсы по приоритетным направлениям безопасности. Например, сегодня очень актуальны проблемы электромагнитной безопасности. Мы повсюду окружены электромагнитными приборами, риск их плохо измерен, а люди не обучены жить в подобных условиях. Курс, посвященный этой теме, уже преподается на нашей кафедре, а учебное пособие к нему написал Анатолий Николаевич Степанов. Другой наш оригинальный курс — экологическое законодательство. В этой сфере очень сложно сегодня, а мы попытались разобраться именно с точки зрения моей теории.

— **Каковы сегодня главные задачи, стоящие перед кафедрой?**

— Создание лаборатории, о которой я говорила. Хочу сказать спасибо нашему ректору Анатолию Михайловичу Шпилеву за помощь в этой работе. Он выделил нам кредит в размере пяти миллионов рублей, из которого мы потратили пока только одну пятую, но уже создали коллектив будущей лаборатории. Лаборатория позволит нам выйти на очень высокий научный и практический уровень работы. Если лабораторию создадим, я буду считать, что не зря прожила жизнь. Еще одна задача — более широкая публикация наших результатов. Наконец, третья задача — постоянное развитие кадров, повышение их квалификации.

— **Вы участвовали в выборах ректора. Что, на ваш взгляд, Вы могли бы в качестве ректора предложить университету такого, чего до сих пор нет в его работе?**

— Это был шаг отчаяния. Я не согласна с той системой управления, которая у нас сложилась. Я понимаю, что эта проблема не является специфически университетской, она — общероссийская. Но каждый руководитель может внести значительный вклад в ее решение. Я критически отношусь к себе, и среди моих недостатков — отсутствие опыта работы на высоких руководящих должностях, но я думала, что, создав хорошую команду, мне удастся реализовать свои идеи управления в нашем университете. Основная моя идея заключается в следующем — необходимо сконцентрировать финансовые ресурсы в одних руках и создать эффективную систему их распределения, учитывающую корреляцию между результатом труда и доходами. Недопустимо, чтобы одни факультеты, существуя в рамках единого университета и опираясь на его возможности, в результате сложившейся удобной для них конъюнктуры рынка, зарабатывали бы больше других, чтобы преподаватели с разных факультетов находились в неравном положении, делая общее дело. Материальную базу университета в целом никогда не привести на достойный уровень

без концентрации ресурсов. Незарабатывающие факультеты сегодня лишены всякой перспективы. Я очень поддерживаю политику создания общеуниверситетских фондов, которые стали недавно появляться. Кроме того, я считала, что нужно в корне изменить политику презентации нашего университета. Создание научного журнала сегодня — важнейшая задача, ибо публикация наших результатов, не менее важна, чем их получение. Надо научиться, наконец, выявлять тех, кто приносит наибольшую пользу, и всячески их поддерживать. Надо научиться использовать людей на своих местах, а не в соответствии с заслугами или родственными отношениями. В этом и заключается бесструктурное управление.

— **Я у всех мужчин, которым задавал свои вопросы, спрашивал: есть ли в Вашей жизни еще что-либо, кроме работы; Вас я хотел бы спросить по-другому: что для Вас значит семья?**

— Я уже говорила о своих родителях. А сейчас скажу, что ради своей нынешней семьи, ради своего мужа и дочери, я брошу все и не пожалю ничего. Сначала надо помочь семье, и только потом миру. Без семьи мира не будет. Нам с мужем очень хорошо вместе, мы всю жизнь были интересны друг другу. Все остальное важно, только если есть такие отношения. Мы не прожили всю жизнь гладко, проблем было много, но мы научились их решать, и сегодня более близкого человека, чем мой муж, у меня нет.

— **А сохранились ли Ваши гуманитарные интересы?**

— Без них, без искусства, музыки и литературы я тоже не смогла бы жить. Театр у нас слабенький, живопись и музыка — тоже не очень; но когда я в командировке или в отпуске нахожусь в местах, где есть хороший театр, филармония или художественная галерея, я обязательно стремлюсь их посетить. Вся моя квартира заставлена книгами, причем я читаю не только книги по технике, но и по философии, религии, истории, психологии, географии, художественную литературу. Без гуманитарной основы настоящая экология невозможна.

— **Большое спасибо Вам за очень интересное интервью, говорить с Вами хочется бесконечно.**

— Спасибо и за Ваш интерес.

НИКОЛАЙ АЛЕКСЕЕВИЧ ТАРАНУХА

Сегодня у нас в гостях заведующий кафедрой кораблестроения, доктор технических наук, профессор, заслуженный работник Высшей школы Российской Федерации Николай Алексеевич Тарануха²⁵. Это человек, который не нуждается в представлении, он известен и как менеджер, и как ученый, и как учитель. В течение всей своей карьеры он стремился к профессиональному росту, и ему удалось достичь значительных успехов. К числу

недавних относятся победы в конкурсах грантов Роснауки и РФФИ. Мы давно хотели попросить Николая Алексеевича ответить на наши вопросы, и вот случай, наконец, представился.

— **Мой первый традиционный вопрос: как Вы стали ученым и преподавателем?**

— Наша семья приехала в Комсомольск-на-Амуре из Украины в 1937 году, мой отец тогда был еще мальчиком, однако успел повоевать, а после войны окончил военно-инженерное училище в Ленинграде. Потом его отправили служить в город Сретенск Читинской области, там я и родился в 1950-м году. В 1956-м произошло сокращение армии, отца тоже уволили, и вся моя семья вернулась в Комсомольск. Здесь я окончил восемь классов и пошел в политехнический техникум: хотелось побыстрее повзрослеть, а взрослая жизнь, — казалось тогда, — начиналась только после школы. Я поступил на специальность «Судостроение».

— **Каковы мотивы такого выбора?**

— Конечно, это не было случайностью. Мой отец работал одно время на судостроительном заводе; кроме того, тогда это был самый знаменитый завод города; и, наконец, он был очень близко к моему дому: в детстве я часто играл на берегах реки Амур и видел корпуса завода. Я никогда не жалел о своем выборе; я пришел именно туда, куда мне надо было. Через четыре года я окончил техникум с отличием и поступил в наш институт. Еще в техникуме я учился у одного из замечательных преподавателей института Самуила Яковлевича Лейзеровича. Он в те времена заведовал

25 Интервью записано в ноябре 2008-го года.

кафедрой Технологии судостроения, — той кафедрой, которой я сейчас заведу, — был главным конструктором судостроительного завода. Он был человек неординарный, веселый и общительный, грамотный профессионал. Именно он познакомил меня с моим будущим вузом. Учиться в институте мне очень нравилось. Я уже был хорошо к нему подготовлен в техникуме. Знал многие сложные вещи: сопротивление материалов, строительную механику корабля. Математику и физику я просто знал как обычный студент. В институте я занимался только на отлично, причем это было нормой. Я всегда был очень злой на успех, мне никогда никому не хотелось уступать, и в первую очередь, уступать самим наукам. Хотя учеба была главным делом, я старался быть разносторонним человеком. Я был старостой группы, комсоргом факультета, играл в футбол и хоккей.

— **А как начались Ваши первые научные шаги?**

— Я учился, и как хороший студент, был замечен многими преподавателями. Примерно на 3-м курсе один из преподавателей Валерий Андреевич Зуев, тогда заведующий кафедрой Математики, — он сейчас работает в Нижнем Новгороде, — поручил мне и еще двум моим одногруппникам студенческую научную работу: надо было сконструировать катер-буксировщик для буксировки моделей на открытых водоемах. Мы с научным руководителем сконструировали его, проект был оригинальным и интересным. Созданный по нему образец получил бронзовую медаль на ВДНХ. Это был большой успех даже для всего вуза. С данным проектом я съездил в Ленинградский кораблестроительный институт на студенческую научную конференцию. Одновременно я начал работать с Виталием Антоновичем Топчим, другим замечательным ученым нашего института. Он заведовал кафедрой Технической механики. Он стал поручать мне выполнение некоторых расчетов по своим научным проектам. В те времена не было компьютеров, решение большого количества уравнений было значительной технической проблемой. Эта работа показала мне, что любая, даже самая гениальная научная деятельность, на 90% состоит из рутинного труда. Если ее делать регулярно и правильно, может быть, удастся добиться чего-то серьезного; не будешь ею заниматься — ничего не получится совсем. Институт я окончил с красным дипломом, и остался на кафедре Технической механики. Кафедру я выбирал очень осознанно. Единственная учебная дисциплина, которая далась мне с большим трудом в институте, была строительная механика корабля, и я решил заняться в дальнейшем именно ей. Сейчас я понимаю, почему так было: действительно, в мире технического знания нет ничего сложнее. Сегодня студенты изучают на порядок меньше в этой области по сравнению с моими временами. Мы учили строительную механику по восемь часов в неделю, и экзамен по ней был единственным, перед которым я очень волновал-

ся. Другие экзамены я готовил тоже много, но этот ни с чем не сравнить. Я всегда все учил, ибо понимание начинается только с того момента, когда все запомнишь. Но на экзамене по строительной механике нельзя было быть уверенным в своем ответе. Конечно, я сдал его на пять, но после этого решил идти туда, где труднее всего, — в строительную механику, преподавать и изучать ее профессионально. Два года я работал на кафедре. Мне показалось, что я, наконец, стал понимать эту дисциплину. А потом поступил в аспирантуру, в Ленинград, к профессору Валерию Александровичу Поснову. Вступительный экзамен был сложнейшим. За сто дней до экзамена я стал готовиться к нему. Мне надо было изучить четыре книги, объемом около полутора тысяч страниц. Каждый день я осваивал запланированное количество страниц, у меня был график, по которому я готовился. Изучать книгу по строительной механике, в которой значительную часть занимают математические исследования, — значит не просто ее прочитать, но повторить определенный путь доказательства, самостоятельно, с карандашом в руках. Поступив в аспирантуру, я понял, что, будучи одним из лучших студентов Комсомольска, я являюсь худшим аспирантом кафедры.

— Скажите, а Вы не хотели пойти работать на завод после института? Вы уже к концу учебы поняли, что хотите стать исследователем?

— У меня не было такого выбора. Я просто хотел быть лучшим в своем деле. И аспирантура была ступенькой на этом пути. Моя ленинградская кафедра стала для меня новым испытанием. Мои коллеги знали столько о механике, что я даже не подозревал о существовании такого знания. Все началось сначала, снова учеба и учеба. Первый год я просидел в библиотеке, я даже с руководителем почти не общался. А оставшиеся два года писал диссертацию. Многие мои коллеги, не видевшие меня в первый год, считали даже, что я сделал работу за два года. Но я сделал ее именно за три. И должен сказать, что если писать диссертацию и не учиться при этом, она станет твоим последним шагом. А если учиться — началом большого пути. Диссертация ведь только один из шагов, а не конец. Я защитился, вернулся в Комсомольск, стал продолжать научную работу, мы с моим руководителем начали писать совместную книгу. Однако в Комсомольске мне пришлось заняться не только наукой, я сразу стал заведовать кафедрой, а потом и руководить факультетом. Кафедрой Кораблестроения я веду до сих пор. Тогда, в 1981 году, я был самым молодым преподавателем кафедры, почти без стажа; занимался всем, включая перетаскивание мебели и изготовление стенда с расписанием занятий. Я, конечно, еще не ощущал себя руководителем кого-либо, просто выполнял нужную для существования кафедры работу. Помнится, даже моя препода-

давательская должность тогда была старший преподаватель, а не доцент. Но научную работу я не забрасывал. Администратором я работал всерьез, но всегда считал науку главным в жизни. И вот появилась возможность поехать на стажировку за границу. И я решил опять биться. Надо было сдать экзамены, пройти собеседование в ЦК. Было снова очень тяжело. Но мне очень хотелось опять быть первым. И мне удалось, я попал в город Росток, Германия, на целый год. Оказалось, что из СССР там было всего четыре человека. В Германии снова пришлось много учиться. Сложности с бытом, языком, чужой культурной и научной средой. Все, что раньше делал на автомате, теперь превращалось в проблему. Но такие проблемы — повышение квалификации, и я за них очень благодарен судьбе. В Германии я написал значительную часть докторской диссертации. Ездил на симпозиумы, работал на кафедре. Вернувшись из Германии, я написал своему научному руководителю, с которым мы часто встречались и раньше, что готов к защите докторской диссертации. В 1990-м году я ее защитил. Тогда мне было 40 лет, и я был самым молодым доктором технических наук в СССР на тот момент времени. А кроме того я стал первым выпускником нашего вуза, защитившим докторскую диссертацию. Опять я вернулся в Комсомольск, и стал уже проректором по учебной работе. Это была вновь тяжелая работа. Это работа без ресурсов и с колоссальной ответственностью. Если у заведующего кафедрой есть сотрудники, то у декана и проректора их нет, все приходится делать самому. А перед деканом еще и студенты стоят, ему даже хуже, чем проректору. 10 лет я отдал этой работе. Много раз я спрашивал себя, зачем это мне нужно. Зарплата у меня была не выше той, что я мог заработать как свободный ученый, престиж доставался руководителю. Плюс сплошные отрицательные стрессы.

— **Зачем же все-таки Вы этим занимались?**

— Чем выше ты по должности, тем выше должна быть твоя исполнительская дисциплина. Ты все должен успеть и сделать на самом высоком уровне. А работа эта почти бесконечна. Но у нее смысл есть. Это работа высокого управленческого уровня, можно вырасти как менеджер, можно приобрести связи и знания за пределами университета и учебного процесса. Наконец, есть очень опасная часть этой работы. Взаимодействие с людьми сверху — вниз чревато многими опасностями. Если ты перешигаешь через кого-то, тебе потом припомнят и перестанут уважать. Ты можешь совсем дисквалифицироваться как ученый и преподаватель, утратить профессию, а что может быть страшнее этого? И надо очень постараться избежать этих опасностей, а это уже интересно и значимо.

— **Вам удалось избежать этого?**

— Думаю, да. Во-первых, я никогда не держался за эту должность и не считал ее главным делом. Во-вторых, я всегда оставался заведующим

кафедрой, она была моим якорем, связывавшим меня с наукой и студентами. Как проректор я тоже много учился, старался сделать что-то новое. Я занимался организацией внебюджетной деятельности, коммерциализацией работы института. Это в начале 90-х было задачей, решение которой напрямую связывалось с выживанием высшего образования, а решать ее мало кто умел. Я получил новое высшее менеджерское образование в Открытом университете Великобритании. Я приобрел вкус к предпринимательской работе, причем делал я ее как ученый. В университете сформировалась одна из лучших в стране, на мой взгляд, система внебюджетной деятельности. В этой системе средства сосредоточены не только в руках ректора, но они есть и у тех, кто реально зарабатывает деньги. Система лицевых счетов, предложенная с моим участием, позволяет расти, видеть финансовый результат собственной работы и улучшать ее и его. Рынок не терпит административного вмешательства, если сейчас отменить лицевые счета, люди утратят вкус к предпринимательству.

— **А почему пришлось уйти?**

— К концу десятилетия проректорства я уже во многом утратил интерес к нему. Я понял, что дальше надо либо самому уйти, либо ждать тревожных сигналов, например, инфаркта, которые тебя к этому шагу подтолкнут. А в этот момент как раз подросли люди, которые в большей мере соответствовали представлениям ректора о том, каковы должны быть его помощники. Хотя я всегда был очень исполнительным администратором, начальству иногда хочется чего-то большего, послушания, абсолютной лояльности. Мне предложили написать заявление об уходе, и я сразу же это сделал. Без всяких обид я ушел из ректората и никогда не чувствовал по этому поводу какой-то ущербности. И люди ко мне продолжали относиться хорошо и с уважением.

— **Но все-таки Вы захотели вернуться, и стали участвовать в выборах ректора.**

— Мне казалось, что я могу сделать еще что-то новое и изменить университет к лучшему. А я знал, что надо менять. Хотел оптимизировать управленческую структуру, убрать лишнее, искусственное, неэффективное, повторяющееся, вернуть процесс развития университета в сторону развязывания рук людям, увеличения их прав и ответственности, экономической активности. Мне хотелось создать эффективную коммуникативную структуру управления, с наличием обратной связи, прозрачности. Но теперь у нас новое руководство, и ему надо менять и развивать университет.

— **Скажите, а наш университет стал лучше, по сравнению с его прошлым состоянием, или хуже?**

— Думаю, он стал намного лучше. Мы теперь стали настоящим университетом. У нас разнообразие форм подготовки. Гуманитарная состав-

ляющая сделала нас из инвалидов, — о чем мы даже не знали, — полноценными людьми. Многие из наших специальностей преподаются плохо, но ситуация в каждом случае движется вперед. Конечно, у нас не всегда достаточно обновляется материальная база. Но и здесь есть сдвиги в лучшую сторону.

— А как Вы считаете, должен ли университет, приобретая такое количество разнообразных специальностей, сохранить свой технический статус?

— Я считаю, что да. Если мы хотим сохранить свое лицо и не потеряться, мы должны остаться техническим вузом. На технических специальностях работает наиболее квалифицированная часть преподавательского состава вуза. В пользу моего мнения говорят и традиции, которые нельзя разрушать без вреда для существования университета. Набрать высочайшую техническую квалификацию сложнее, чем какую-либо другую. А изменение статуса университета приведет к ее снижению. Есть масса примеров того, как инженер становился гуманитарием, и почти нет примеров обратного. И еще — город наш является промышленным центром Дальнего Востока России, а наш университет обеспечивает этот статус кадрами.

— А каковы, на Ваш взгляд, перспективы судостроения в нашем регионе?

— Россия — морская держава. 40000 километров составляют ее морские границы. Моря не высохнут, и кораблестроение всегда здесь было и будет. Даже если сегодня эта отрасль в упадке, она не может не возродиться. Наш завод работает плохо, но он лучший в регионе, потому что мы еще что-то делаем. Кроме того, водный транспорт — самый эффективный, ведь воду строить не надо, а дороги приходится, и это стоит очень дорого. Сегодня нет нового флота у России, и мы скоро поймем, что без него никак, и будем строить его. Уже появились разговоры на эту тему. Про авиастроение заговорили лет 10 назад, а сегодня оно развивается значительными темпами. Если между разговорами о кораблестроении и его развитием пройдет хотя бы чуть-чуть меньше, это значит, что надо готовить кадры для отрасли уже сегодня. Конечно, судостроение — более тяжелое, грязное и менее привлекательное производство, чем авиастроение. Но оно не менее интересно и наукоемко, и перспективы у него очень велики. Не хватает только хорошего первоначального вложения финансовых ресурсов, если оно состоится, технологический и производственный взрыв в отрасли не заставит себя ждать. Первые признаки оживления уже есть: государство акционировало наш завод, оно выделило для технических специальностей дополнительные бюджетные места. Так что я смотрю на перспективы нашего кораблестроения с оптимизмом.

— **Что Вы считаете своим основным научным результатом?**

— Я всегда занимался строительной механикой. В этой области я и получил свои самые важные результаты. Механика моя расширилась благодаря применению численных методов, компьютерного моделирования. Я стал заниматься более общими вопросами механики деформируемого твердого тела. Я занимаюсь математическим моделированием поведения сложных, неправильных конструкций в различных условиях. Наш с моим научным руководителем В. А. Посновым метод «Модуль элементов» стал сегодня классическим, и это развивающееся, но уже завершённое достижение. Хочется еще многое сделать в области динамики оболочек.

— **А чего бы Вы хотели еще достичь?**

— Об этом я не скажу. А то вдруг не удастся достичь. Чего же хвататься?

— **Довольны ли Вы своими учениками, есть ли те, кому можно доверить продолжение Вашей работы?**

— Да, доволен, особенно теми, кто чего-то добился. И мои ученики всегда мне помогают работать. Я учу их быть учеными, работать, быть людьми, а не только писать статьи и диссертации.

— **Есть ли что-либо, чем Вы любите заниматься, помимо науки?**

— Я очень люблю свою семью. Чем старше я становлюсь, тем большую ценность ее я чувствую. Семья — это большая ответственность. И ответственность растёт так же, как и ценность. Долг родителям и учителям мы все равно не отдадим, но мы можем отдать его детям и ученикам. Может быть, я и не прав, но я люблю баловать своих детей, внуков, учеников. Я не хочу заставлять их начинать с нуля, потому что я уже добился чего-то, а они должны идти дальше и чувствовать себя уверенно и в профессии, и материально. Если у меня есть свободное время, я стараюсь посвящать его семье. Я не трудоголик, который не знает ничего кроме работы, я просто люблю свою работу, но живу полноценной жизнью, в которой есть место очень разным вещам, например, отдыху, физическому труду. Физический труд для меня — еще один способ побеждать, преодолевать себя. А отдых я люблю тщательно планировать, получать от него удовольствие. Отдых должен быть активным, а не простой потерей времени.

— **Остается поблагодарить Вас за интересную беседу и пожелать новых побед.**

— Спасибо и Вам за интерес ко мне.

ТАТЬЯНА АЛЕКСЕЕВНА ЧАБАНЮК

Сегодня гость нашей рубрики — доктор культурологии, профессор, заведующая кафедрой Культурологии Татьяна Алексеевна Чабанюк²⁶. Недавно Татьяна Алексеевна отметила свой Юбилей, редакция газеты и администрация университета поздравили ее с этой знаменательной датой и, пользуясь случаем, пригласили, чтобы задать несколько вопросов.

— Скажите, пожалуйста, Татьяна Алексеевна, где Вы родились, как поступили в университет и что повлияло на Ваш выбор профессии.

— Родилась в поселке Комсомольском, Сахалинской области. Поступила в Комсомольский-на-Амуре государственный педагогический институт, на филологический факультет. Я очень любила литературу и хотела ее изучать, учителем я стать не стремилась, хотя мой интерес к литературе сформировался под влиянием учителя литературы Ларисы Владимировны. Она приехала из Владимира в нашу заштатную школу, отработала положенный ей срок, и уехала, но меня с пути сбила. В детстве я мечтала стать геологом; слава Богу, что не стала. Я приехала поступать в Комсомольск, хотя могла бы с моей подготовкой успешно поступить и в московский вуз. Выбор города определялся случайными обстоятельствами; просто несколько моих подруг оказались здесь, да и этот город имел для меня значение легенды советской культуры. В институте я уже с третьего курса знала, что останусь работать на кафедре литературы. Но сначала места не было, и я два года отработала в школе № 22.

— Расскажите, пожалуйста, о Ваших научных интересах.

— Мы не писали дипломных работ в институте (была только одна курсовая), и учиться научной деятельности приходилось с нуля. Правда, мне немного помогла заведующая кафедрой Нина Елисеевна Меднис. Мои интересы находились в сфере русской литературы первой половины XIX века. Я стала заниматься повестью, фантастической романтической повестью. И она стала предметом моей кандидатской диссертации. Правда,

26 Интервью записано в декабре 2008-го года.

утверждение этой темы имело свою замечательную историю. Это было в Московском государственном педагогическом институте, на кафедре литературы, которую к тому времени возглавлял Александр Иванович Ревякин. Он был уже в возрасте и позволял себе отеческую форму общения с коллегами и студентами. На кафедру его как раз пришел Михаил Трофимович Пинаев, специалист по литературе народников. Ему и предложили стать моим научным руководителем. Мне его проблематика не была близка. Я сказала, что заниматься этим не буду. На кафедре я заявила, что скорее уеду обратно, чем соглашусь работать в этом направлении. И Ревякин сказал: «Что, Вы? Что, Вы? Занимайтесь тем, что Вам нравится». Потом, после защиты, началась моя учебная работа, которая и привела меня к культурологии. Я не могла изучать художественные произведения вне культурно-исторического контекста, стала устраивать студенческие коллоквиумы, посвященные его исследованию. А затем, в 1988 году отправилась на ФПК по МХК в Ленинград, где написала работу о портрете в литературе и живописи, из которой выросла впоследствии книга («Человек и эпоха в русском портрете XVIII века») и антропологическая тема в моих подходах к решению проблемы предмета культурологии. Докторская диссертация «Парадигма человека просвещенного» была тоже посвящена проблеме человека в русской культуре XVIII-XIX века. Недавно я написала учебник по методологии изучения культуры, в котором тоже развивала антропологический подход.

— **А человек — это измерение или тип артефактов культуры?**

— И то, и другое. На мой взгляд, историческая динамика культуры определяется спецификой человеческой личности, психического и духовного ее содержания. На каком основании мы выделяем исторические периоды Просвещения, Романтизма, Реализма, если не на этом? Конечно, человек существо социальное, но он первичнее общества, и общество не все определяет.

— **Есть ли у Вас планы дальнейших исследований?**

— У меня есть давнишняя мечта написать книгу о Петре Андреевиче Вяземском. Мы знаем его только как поэта, а он — выдающийся критик и мыслитель. Рукописи его в значительной степени — на две трети — не опубликованы, и мне было бы чрезвычайно интересно их посмотреть. Его фигура настолько замечательна, что, пожалуй, ее трудно с кем-либо сравнить. Мне импонирует глубина, изящество, тонкость его рассуждений, высказанных с позиции огромного опыта, и его метод анализа, связанный с изучением литературы в культурно-историческом контексте. Я пока еще даже не знаю, в каком жанре будет эта книга, но я ею очень хочу заняться.

— **Давайте, теперь поговорим о Вашей административной карьере.**

— Я работала сначала заместителем декана Филологического факультета КГПИ, но эта сумасшедшая работа не приносила мне никакого удовлетворения. Чтобы не стать деканом, я даже прежде положенного срока сбежала на факультет повышения квалификации в Москву. Три года я заведовала кафедрой Литературы. А потом я оставила Педагогический институт и перешла в КНАГТУ, чтобы заняться своим любимым МХК — мировой художественной культурой. Этот курс стал здесь частью общегуманитарной подготовки на всех факультетах. Поначалу было очень тяжело, не было ощущения того, что культурология имеет свой определенный предмет, о котором должно рассказать студентам. Это доводило даже до отчаяния. Я постепенно выстраивала этот курс, определяла его содержание. А потом была создана кафедра, на которой я вырастила школу своих учеников, единомышленников. Стало намного проще. Причем я никогда не чувствовала себя чужой в техническом вузе, более того, мне всегда нравилось преподавать культурологию студентам негуманитарных специальностей, поскольку они начинали ее изучать с чистого листа. Им можно было многое рассказать, причем самого элементарного, не прибегая к поискам какой-то специальной информации. Руководство университета меня всегда поддерживало. Когда была открыта специальность «Культурология», я почувствовала свою полную востребованность в вузе. Для меня главным было поставить дело так, чтобы оно после меня не умерло, а продолжало приносить благо. Одно — открыть специальность, а другое — развить ее до такого состояния, чтобы она встала на ноги. Сегодня я уже могу позволить себе подумать не только о «Культурологии», хотя мы продолжаем развивать это направление, работаем над открытием докторского совета, открыли магистратуру, в нашей аспирантуре обучается много талантливой молодежи. Но мы ищем и другие формы работы, пытаемся ориентироваться на рынок. В этом году закончили процесс лицензирования специальности «Реклама». Мне представляется, что ее выпускники будут востребованы в городе, а содержание подготовки достаточно близко основным аспектам культурологического образования.

— **Различаете ли Вы личную жизнь и работу?**

— Нет, и это моя большая человеческая проблема. Для меня пространство личной жизни исчерпывается работой, и с некоторых пор это перестало меня удовлетворять, потому что очень не устраивает моих родных и близких. Единственное место, которое мне удалось высвободить для себя, это общение с моей любимой внучкой. А работа забирает все остальное, наверное, потому, что я больше всего люблю именно ее. Работа — это чтение, творчество, общение с интересными людьми, разве можно это не любить? Единственное, что меня не устраивает в моей работе, это возросший в последнее время ее бюрократический компонент. Он

отбирает слишком много времени. Бессмысленная череда реформ только ухудшает качество работы.

— **Есть у Вас удовлетворение от достигнутого?**

— Я никогда не видела полностью удовлетворенного человека, и сама всегда хочу сделать что-то лучшее, чем было раньше. Главное, хочется верить, — еще впереди.

— **Есть ли у Вас какое-нибудь хобби?**

— Большинство — в прошлом. Сегодня я только очень люблю выращивать цветы. Много я не могу себе позволить — жилая площадь маленькая, и я очень страдаю, когда цветы гибнут. Но азалию, гиацинт, китайскую розу я выращиваю, а мои любимые цветы — герберы. Они — как маленькие подсолнечники, но разноцветные.

— **Позвольте пожелать Вам исполнения всех Ваших творческих планов и сказать спасибо за интересную беседу.**

АНАТОЛИЙ МИХАЙЛОВИЧ ШПИЛЕВ

«21 января день рождения у Анатолия Михайлович Шпилева, наша редакция поздравляет его с этим памятным днем. Конечно, мы не могли не воспользоваться случаем и пригласили новорожденного в нашу традиционную рубрику, чтобы задать несколько вопросов»²⁷. Этими словами должно было начинаться интервью, которые мы готовили в прошлый номер нашей газеты. Однако Анатолий Михайлович отказался его публиковать, поскольку

считал, что получит благодаря этому преимущество перед другими кандидатами на выборах ректора. Сегодня Анатолий Михайлович Шпилев — новый ректор нашего университета, поэтому актуальность интервью только возросла. Мы печатаем его без сокращений и изменений.

— **Первый вопрос — биографический. Где родились, учились, как оказались в Комсомольске, почему решили учиться в КнАГТУ?**

²⁷ Интервью записано в январе 2007-го года.

— Родился в Еврейском автономном округе, это тогда еще был Хабаровский край, в Облученском районе, поселок Лондоко, 21-го января 1949 года. Соответственно этой дате в 1956-м году пошел в школу. Второй класс я начал уже в Комсомольске, мы туда переехали. Но родители работали в геологоразведочной экспедиции, поэтому приходилось еще помотаться по разным поселкам, и только с 1961-го года окончательно мы поселились в нашем городе. В 1966-м я окончил школу, но решил сначала посмотреть, что такое завод, поэтому поработал там учеником токаря год и поступил в наш институт на специальность «Технология машиностроения, металлорежущие станки и инструменты». Это был не случайный выбор, я хотел поступить туда с класса четвертого — пятого, тогда в школе начинаются уроки труда. В моей школе, а было это в поселке Фестивальный, труд проходил в специальном механическом цехе. Я там узнал, что такое железо, и с тех пор полюбил его и занимаюсь им по сей день.

— Как Вы пришли в науку и каков был круг Ваших научных интересов?

— В 1972 году закончил институт, причем уже последние два года занимался всерьез научной работой и первую заявку на авторское свидетельство подавал, еще будучи студентом, хотя получил его уже в армии. После окончания института я побывал на стажировке в Москве, в Станкоинструментальном институте. Собирался туда в аспирантуру, но с местом сначала не получилось, пришлось пойти в армию. Только в 1975 году я стал аспирантом кафедры металлорежущих станков. Научным руководителем у меня был Валентин Эрвинович Пуш. Тема моей работы была связана с созданием станка с детерминированной траекторией движения рабочей поверхности его стола. В условиях изменения температуры подобные колебания вызывают утрату точности работы станка, и надо было минимизировать ее. Такой станок с гидроцилиндрами, регулирующими работу тяжелых направляющих деталей, и лазерной осью, по отношению к которой они выравнивались, в конце концов, был спроектирован и даже сделан в Минске и запущен в производство. Я долго этого ждал, поэтому только в 1983 году защитил кандидатскую диссертацию. Уже с 1978 года я работал в Комсомольске, на кафедре. В 1991 году я перешел работать в Академию наук, в институт Машиноведения и металлургии старшим научным сотрудником и заместителем директора по науке, занимался порошковой металлургией, изготовлением инструментов и станков для предприятий города. В 1995 году вернулся в институт и поступил в докторантуру. Появилась возможность изучать неперiodические процессы в условиях резания с применением цифровой техники, то есть на другом уровне. Результаты моей работы заинте-

ресовали моего научного консультанта — Юрия Георгиевича Кабалдина, он предложил мне защитить во вновь открытом на базе нашего университета совете докторскую диссертацию, что я и сделал в 1999 году. Зима стала для меня значимым временем года, в которое я и родился, и присягу в армии давал, и все диссертации защитил. Потом стал работать профессором, подготовил 7 аспирантов (причем, один из них в этом году защитил докторскую), по разным вопросам были созданы эти диссертации, но в основном посвящены они проблемам измерения резания по различным косвенным показателям, то есть измерения, которое не вмешивается в сам процесс резания. Опубликовал более 80 научных работ, 4 монографии, зарегистрировал 11 патентов на изобретения.

— **Теперь расскажите, пожалуйста, о Вашей административной карьере.**

— В 80-х годах мы открыли новую специальность — «Автоматизация производственных процессов» и под нее — кафедру, которой я некоторое время и заведовал. Потом специальность передали на кафедру Машиностроения, а кафедру закрыли. Была проблема с площадями и кадрами. Потом был заместителем директора в ИММ по науке, в мою компетенцию входили многие юридические и финансовые вопросы функционирования института и его предприятия, в том числе поиск заказов и заключение договоров, кредиты. С 1998 года я директор Института новых информационных технологий, а с 1999 года — проректор по учебной работе, отвечающий за заочное и дистанционное образование.

— **Ваше основное детище — ИНИТ, расскажите, пожалуйста, как он создавался и что он представляет собой сейчас?**

— Мы начинали почти с нуля. Нам дали аудиторию и 10000 долларов. Правда, существовала база заочного факультета, которую мы могли использовать. Мы решили сразу набирать студентов, я поехал по региону, открыл представительства в Николаевске, в Ванино (оно потом стало нашим филиалом). Первый наш набор — 200 человек, который сразу принес университету полтора миллиона рублей за квартал. Началось создание инфраструктуры института, электронно-компьютерной, научно-методической базы, полиграфической лаборатории, оборудование специализированных помещений, учебного корпуса. Денег катастрофически не хватало, но мы старались не повышать цену обучения и всегда выплачивали в срок зарплату преподавателям. Приходилось брать займы, выпрашивать спонсорскую помощь. Требовалось провести грамотную и эффективную рекламную компанию. И уже в следующем году мы набрали 2000 человек. И это принесло уже, соответственно, 15 миллионов. Наше подразделение стало сразу значимым в рамках университета. Мы создали свою диспетчерскую, свое УМО, отдел связи,

компьютерный класс, два деканата, один из которых был новым (он руководил факультетом, как раз и специализировавшимся на дистанционном образовании), представительства в г. Амурске и п. Солнечный, приобрели автомобили для транспортировки литературы и доставки преподавателей в наши представительства, начали формировать базу для осуществления электронного образования. Очень много тратили на ремонт нашего корпуса, создание оборудованных учебных аудиторий. Первые специальности — технология машиностроения, электропривод, информатика, экономика. Потом их стало больше — 10. Стали заказывать учебные пособия. Первое написал Мирон Соломонович Гринкруг, сейчас почти по всем нашим курсам такие пособия созданы, за каждое мы заплатили гонорар авторам. Сейчас соотношение цены наших услуг (мы старались устанавливать ее в пределах половины цены очного образования) и затрат на их реализацию самое полезное во всем нашем университете, соответственно этому высока и доля наших доходов и отчислений на лицевой счет университета.

— Вы как-то планируете свою работу и какова роль в ней Вашей команды?

— Я ее планирую, но всегда учитываю обстоятельства, которые вмешиваются в исполнение любого плана. Главное не программа, а стратегическая цель работы. А команда — это очень важно. Умение правильно подобрать ее и распределить обязанности между помощниками — главный талант руководителя. Я никогда не контролирую своих помощников, не вмешиваюсь в сферу их ответственности, но строго спрашиваю с них, если они демонстрируют свою некомпетентность. Лучший способ кого-нибудь чему-нибудь научить — показать самому, как это делается. Поэтому я сначала показываю, а потом предлагаю другим сделать так же или лучше меня. Это и принцип моего руководства. Руководитель всегда должен предлагать стратегию развития, проверять ее эффективность, а реализовывать должны подчиненные, или лучше сказать, команда партнеров по общему делу.

— Какова же стратегическая цель образования — быть качественным или высоко rentабельным?

— На этот вопрос нельзя ответить, потому что он неправильно сформулирован. Rentабельность и качество образования — две стороны одной медали. Невозможно просто выжимать из образования деньги за счет снижения качества, потому что очень скоро в таком образовании никто не будет нуждаться, а соответственно за него не будут и платить. С другой стороны, если образование действительно качественное, за него будут платить. Если мы хотим работать долго, надо заботиться о качестве этой работы. Есть, конечно, отдельные нюансы и издержки

и в том, и в другом случаях, но в целом дело обстоит именно так: цель развития образования — рост его качества и рентабельности. Без финансовой рентабельности образовательного учреждения невозможно ни улучшать квалификацию кадрового потенциала, ни решать социальные вопросы, ни совершенствовать материальную базу. А это — три главные проблемы любого университета, и от их эффективного решения как раз и зависит качество предлагаемых образовательных услуг. Университет — это большая сложная система, состоящая из разных элементов, живущих согласованно, но имеющих свою специфику, которую тоже необходимо учитывать. Основная задача руководства университета — найти оптимальный для развития всей системы баланс интересов каждого элемента, способствующий сохранению их специфики, устраняющий паразитирование одного за счет другого, укрепляющий работу каждого и всего целого за счет работы каждого подразделения, каждого преподавателя, каждого сотрудника и студента. Это не всегда получается, но к этому надо идти.

— А допускаете ли Вы существование в этой системе элементов, которые не в состоянии что-либо заработать, но способствуют повышению качества образования, росту культуры, научного потенциала?

— Это вообще нонсенс, когда ты хорошо работаешь, но ничего не зарабатываешь. К сожалению, в нашей стране такое положение дел встречается. Я это учитываю, поэтому могу допустить, хотя полагаю, что в подобных случаях тоже можно изыскать скрытые ресурсы, которые приведут к повышению рентабельности деятельности. Если этого не происходит, то, конечно, подобное обстоятельство не является поводом для уничтожения соответствующего подразделения. Оно может решать и другие задачи системы, но это повод и сигнал руководству данного подразделения задуматься об оптимизации собственной работы.

— Теперь хочется задать вопрос о месте гуманитарного образования в техническом университете. Не считаете ли Вы, что оно является непрофильным? И каковы в этой связи его перспективы у нас?

— Человек не должен быть просто придатком машины или еще хуже просто машиной, решающей производственные и финансовые задачи. Это уникальная личность, нуждающаяся в постоянном развитии и обогащении своего содержания. А в вузе это особенно актуально, ибо мы имеем дело со становлением молодых людей. Поэтому блок гуманитарных дисциплин в учебных планах технических специальностей нужно наращивать и совершенствовать. Все крупные специалисты, сделавшие что-либо значимое в обществе, были людьми незауряд-

ными, проявлявшими свой талант многообразно, увлеченными и разносторонними. Талант, устремленный только на что-то одно, узость всегда приводят к аморальности, к перекоосу в пользу одного за счет другого, к ущербности и личности, и общества, в котором эта личность действует. Если сегодня ученый-физик или биолог не задумывается о последствиях своих открытий для общества, для экологии окружающей среды, он действует аморально и разрушительно. Если экономист или юрист не знают истории или философии, они будут наступать на те же грабли, на которые наступали все их незадачливые предшественники, думавшие начать все с нуля и лучше всех. Мы хорошо знаем, чем у нас это обычно заканчивается. И еще одно. Менталитет русского человека всегда протестовал против любой узости, для него характерен размах, широта, поэтому энциклопедичность образования — наша национальная специфика, которую нельзя потерять. И на мой взгляд, эта специфика очень полезна, она позволяет быть профессионалу мобильным в условиях меняющегося рынка, она делает наше высшее образование школой самостоятельных и ответственных людей, которые в жизни не потеряются, а не только узких специалистов. Гуманитарное образование — не панацея от этих бед, но хорошее, проверенное средство. Отдельный разговор — гуманитарные специальности в нашем вузе. Во-первых, они — одни из самых зарабатывающих. Во-вторых, они сегодня являются имиджем и спецификой нашего университета, благодаря многим из них он сегодня известен на Дальнем Востоке и в России. Некоторые из них сформированы во-круг крупных научных школ, являющихся уже даже своего рода кузницей кадров для других регионов, ликвидация этих школ нанесет урон не только техническому, но уже и гуманитарному образованию. Задача их сохранения и совершенствования в этой связи — одна из первоочередных. Перспектива создания крупных многопрофильных вузов в различных регионах страны, в том числе и в нашем регионе, за счет объединения профильных открывает и еще одну роль гуманитарного образования в техническом вузе. Кроме того, я не вижу другого пути повышения качества образования на невыпускающих кафедрах, кроме как открытия профильных специальностей по ним. А этот профиль очень часто далек от технического. Это должны понимать в министерстве образования и поэтому надежда на благополучную судьбу непрофильных специальностей имеется. Нормальное образовательное учреждение не может быть придатком трех — четырех предприятий города. Если у нашего города есть будущее, мы должны бороться за него, в том числе и в ходе создания крупных, энциклопедически разносторонних высших образовательных учреждений. Университет всегда был фундаментом полноценной жизни города. Как мы можем рассчитывать на преподавателей,

которые приедут к нам из других городов, когда даже наши и то постоянно уезжают. Расстояние от нашего города до образовательных центров не близкое, даже до Хабаровска. Единственный способ сохранить у нас университет, в том числе и технические специальности, а следовательно, и город с его промышленностью, это готовить здесь своих специалистов самого широкого профиля и по максимально возможному репертуару направлений. Это уже должны понимать, если не в министерстве, то хотя бы в краевом правительстве.

— В этой связи не могу не задать вопрос о перспективах отечественного образования в контексте болонских соглашений, обязывающих нас к определенной унификации?

— Мы европейская страна и мировая интеграция во всех сферах человеческой деятельности — сегодняшняя реальность. Хотим мы или не хотим избежать включения в этот процесс, мы обязаны это сделать. Мы в конце концов от этого выиграем, образовательная и профессиональная мобильность, возможность обогащения опытом, конвертируемые дипломы — это такие плоды болонского процесса, ради достижения которых он имеет смысл и для нас. Но мы должны не потерять при этом своей специфики, я думаю, что это можно сделать, если попытаться сохранить существующую на сегодняшний день многовариантность путей получения образования. Есть большая часть ребят, которым наше энциклопедическое образование не нужно, их интересы тоже надо учитывать. Необходимо также разобраться, как скажутся изменения в образовании на рынке труда, определить сферу занятости тех же бакалавров, даже их статус. Сегодня никто не понимает его, то ли это квалификация, то ли научная степень, то ли, как это по старинке продолжают думать, своего рода неполноценная специализация. Та же проблема и с магистрами. И конечно нельзя превращать болонский процесс в очередной способ сэкономить на финансировании образования, как это подчас у нас и происходит.

— У Вас большой опыт переживания эволюции образования и его реформ у нас в России. Скажите, когда было интереснее работать, в советский период или сейчас?

— Сейчас интереснее. Я бы даже сказал честнее, образование больше ориентировано на цели общества и производства, чем на вымышленные идеологические фантомы. Сейчас появилась масса возможностей реализовать свои таланты и у преподавателей, и у студентов. Хотя есть и потери, например, стабильность, ее в советское время было больше и сейчас не хватает. Только разберешься с одним способом работы, уже предлагают другой, хотя и про первый не до конца еще уяснили, хорош он или плох. Вместо того, чтобы нормально работать, разви-

ваться, постоянно переделываешь уже готовое, возвращаешься назад. Никто не знает, что будет завтра. Но реформы не должны становиться самоцелью образовательной политики, они должны рождаться живой потребностью в них, а у нас это зачастую не так. Так что приобретения и потери, а также проблемы сопровождают нас всегда.

— **Хочу в связи с этим вернуться к проблеме платных студентов. Я полагаю, что их отсутствие в советские времена улучшало качество образования. Диплом давали не за деньги, а за полученные знания.**

— И здесь я с Вами согласиться не могу. Платное образование прекрасно существует за рубежом. Сегодня без него мы просто не сможем нормально работать. А в советские времена тоже требовали от преподавателя поставить завышенную оценку, потому что должно было соблюдаться некий баланс между плохими и хорошими оценками. Если процент плохих был выше процента хороших, могли и на вид поставить, сказать, что преподаватель ничему не научил. Дать объективно оценку могли позволить себе на все сто только крупные ученые, к которым бы никто не решился придраться. А если сегодня отдельные руководители структурных подразделений в погоне за большими прибылями забывают об элементарных требованиях к качеству образования, заставляют, например, двоечникам ставить тройки только потому, что они приносят деньги в кассу за свое так называемое обучение, то это ненормально и с этим надо решительно бороться. И я уже объяснял почему, когда говорил о соотношении рентабельности и качества образования. Студента нельзя обучить, давая ему только пряники, кнут надо показывать тоже часто, настолько, насколько требуется для повышения качества его подготовки. Конечно, за низкой успеваемостью могут скрываться разные явления, это не всегда заслуга студента. Бывает и так, что таким способом преподаватель занимается, например, вымогательством или действительно завышает требования. В каждом случае такого конфликта между студентом и преподавателем декан и заведующий кафедрой должен объективно разобраться. Одним из путей профилактики подобных конфликтов я считаю увеличение письменных форм контроля, они позволяют контролирующим инстанциям легче установить объективность той или иной позиции.

— **Следующий вопрос касается перспектив информационных технологий в системе подготовки студентов. Как директор ИНИТа, где доля информационных технологий постоянно увеличивается, что Вы можете сказать в этой связи о традиционном образовании?**

— Это старый вопрос механизации и автоматизации производства. Любое производство развивается в ходе этих процессов, и об-

разование я не считаю исключением. Могу предположить следующее. Лекционные часы можно вполне и без ущерба для дела полностью компьютеризировать. Чем лектор отличается от машины? Он только хуже передает информацию, ибо может ошибиться или не успеть сказать все, что нужно. Источник знаний — не преподаватель, а книга. Хотя комментарии к ней иногда не менее важны, чем она, и их уже может дать только квалифицированный преподаватель. Информационные технологии сегодня колоссальный ресурс повышения качества образования, им нужно правильно воспользоваться. Это и информация, и методы обучения, и способы контроля результатов. Но конечно, никогда они не заменят человека полностью. Так, практические занятия не всегда можно поручить машине. Здесь важен опыт конкретного преподавателя. Его можно передать только в контексте личного общения со студентами. Такое общение — форма воспитания уникальной творческой личности, о котором я говорил выше в связи с проблемой гуманитарного образования. Высшее образование — не только набор знаний, но и школа личности, оно создает у этой личности в первую очередь мотивацию учиться и работать. Но это возможно только в ходе общения с преподавателем, имеющим действительно стоящий опыт, а не, например, опыт пересказа учебника. Кроме того, есть производство массовое, направленное на образование типового специалиста, а есть единичное производство глубоко одаренных личностей. Первое применительно к образованию — заключается в основном в формах контроля. Студенты, которых интересуют только узко направленные знания, не обязаны ходить на занятия, только на экзамен, на котором они должны продемонстрировать умение решать типовые задачи. Надо высвободить талантливых преподавателей из рутины работы с ними и включить в соответствующую их уровню работу, например, в студенческую науку, а компьютер — прекрасное средство для этого высвобождения. Посредственных преподавателей при этом станет меньше, но я не думаю, что они от этого проиграют. Может быть, они найдут лучшее применение своим способностям. Качество работы преподавателя надо отслеживать с помощью хорошо отработанных на западе процедур: лицензирования, непрерывного повышения квалификации, общественно-профессиональной аккредитации, рейтинговой селекции и тому подобных. У нас это пока сложно сделать, но мы к этому обязательной придем. Для университета же в целом подобные процессы являются одним из важнейших способов повышения производительности труда, увеличения рентабельности и качества работы. Если этого повышения не будет, придется уже сокращать не только посредственных, но и талантливых, заботиться не о творчестве, а о стереотипе. А мы этого не можем допустить. Сегодня только доктор наук

чувствует себя более или менее уверенным в финансовом и социальном плане. А как быть остальным? Так что без роста доходов от повышения производительности труда никуда не деться. Мы не можем просто брать деньги у платных студентов и содержать на это университет, эти деньги должны уйти на подготовку соответствующих студентов. Надо думать, как цивилизованно развиваться.

— **Давайте теперь в конце нашей беседы вернемся к ее теме, то есть к Вашей личности. Что Вы делаете в свободное от работы, науки, управления, преподавания время?**

— Такого времени очень мало. Когда оно выдается, люблю выехать на охоту, на рыбалку, или просто в лес побродить, это позволяет остаться в одиночестве и подумать о чем-нибудь всерьез. Я не против и дружеской компании, люблю побыть в семье. Но почти все мои друзья и родственники очень заняты своей работой, живут в разных местах, поэтому собраться бывает сложно. Так что плюсы одиночества приходится особенно ценить. Люблю водить автомобиль на большой скорости, это позволяет отвлечься от усталости, накопленной за день. Ну и, конечно, книги, на которых я и мое поколение выросли, когда еще не был в ходу телевизор или магнитофон. Технические книжки читать — это моя работа, а вот отдых, то есть то, что исключительно для себя, — хорошая художественная литература. Она позволяет поддерживать дух в тонусе, то есть совершенствует мысль и чувство.

— **А любимые авторы у Вас есть?**

— Таковые бывают только по молодости, когда мало читал. А с годами ценишь разное. Я читаю все значимое и умею это ценить. От Франца Кафки до Александра Солженицына, от Роберта Уоррена до Джеймса Джойса, даже на английском языке, то есть, все, что появлялось, что становилось доступным, я всегда старался прочитать. Сейчас, к сожалению, времени на это у меня значительно меньше. Благодаря этому скоростной и информативный Интернет стал для меня новой и адекватной сферой препровождения незначительного свободного времени. Но я книги продолжаю покупать в надежде, что время все-таки когда-нибудь будет, чтобы их прочитать. У человека интеллектуального труда дома должна быть хорошая библиотека.

— **Я последний вопрос всегда задаю о творческих планах на будущее. Но сейчас в преддверии выборов ректора, в которых Вы участвуете, я сформулирую его иначе. Что для Вас работа ректора и зачем она Вам?**

— Если говорить прямо, это тяжелый груз ответственности и обязанностей, забирающий всего человека себе, ограничивающий формат и стиль его жизни, и дающей ему взамен очень мало приятного. Но это

еще и возможность реализовать свои идеи, которые выращивал всю жизнь, принести пользу другим людям, родному университету. Сегодня среди наших возрастных кандидатов, претендующих на эту должность, я не вижу такого, которому было бы по силам нести этот груз лучше, чем мне, поэтому я и стал участвовать в выборах. Кроме того, эквивалентной замены Юрию Георгиевичу Кабалдину сейчас нет, причем, дело не в опыте руководства, а в значимости идей, работы и личности такого человека для университета, поэтому я также считаю себя в праве бороться за этот пост. Для ректора самое важное — умение заработать деньги, сбалансировать интересы подразделений и людей, решить социальные проблемы, работать на качество и привлекательный имидж университета. Руководитель должен не шашкой махать, а спокойно решать назревшие проблемы, добиваясь стабильного состояния и постоянного развития, он должен уметь соединить принципиальность и гибкость. И я знаю, как это сделать, и умею это делать. Революции же в стабильно развивающихся политических системах никогда не приводили к их улучшению. А недостатки есть у каждого, и у меня тоже, идеальных кандидатов и руководителей не бывает.

— Спасибо, Анатолий Михайлович, за столь содержательный и обстоятельный разговор. Желаем Вам успехов в Ваших начинаниях и борьбе.

УНИВЕРСИТЕТ ИЗНУТРИ И ВОВНЕ

ИНСТИТУТ НОВЫХ ИНФОРМАЦИОННЫХ ТЕХНОЛОГИЙ. ИНТЕРВЬЮ С ДИРЕКТОРОМ АНАТОЛИЕМ МИХАЙЛОВИЧЕМ ШПИЛЕВЫМ²⁸

— Тут выяснилась любопытная подробность. Некоторые абитуриенты собираются поступать к Вам в Институт Информационных технологий, потому что там изучают новые информационные технологии. Каково настоящее содержание предоставляемых ИНИТом образовательных услуг?

— Да, у нас изучают новые информационные технологии. У нас 12 специальностей, на 9-ти из них в той или иной мере изучают эти технологии, а 3 специальности — гражданское строительство, авиастроение и социальная работа. 9 первых специальностей занимают основное образовательное пространство института. Все наши первые специальности традиционны для университета в целом: из технических это — электропривод, машиностроение, промышленная электроника; из точных это программное обеспечение; из экономических и социальных это социальная работа, экология и безопасность жизнедеятельности, финансы и кредит, менеджмент организаций. У нас нет только гуманитарных специальностей. Набор идет на платной основе. У нас сейчас около 8 тысяч студентов (из них 600 — это бюджетники, что составляет меньше 10% от общего контингента). Однако мы еще только подошли к 5 годам нашей деятельности. Скоро начнутся выпуски, и реальный набор будет около 6 тысяч, а численность студентов стабилизируется. Зачастую студент поступает на ту или иную специальность не потому, что хочет стать соответствующим спе-

²⁸ Интервью подготовлено совместно с Ульяной Крикливой в преддверии празднования пятилетия со дня основания ИНИТа — в апреле 2005-го года.

циалистом, а потому, что у него есть возможность учиться бесплатно. Когда же есть возможность учиться за деньги, ситуация совсем другая. Среди полутора тысяч студентов, которых мы набираем, 500-600 студентов идут на экономические специальности и человек 100 — на менеджмент. На некоторые специальности спрос не велик и снижается. Вот, например, социальную работу мы не закрываем только потому, что под нее уже готово все методическое обеспечение. Закрытие подобной специальности было бы не рациональным. Итак, почти весь наш набор покрывается студентами 4 специальностей, причем даже не компьютерными, как это не парадоксально в условиях потребности региона в таких кадрах. Речь идет о специальностях: Финансы и кредит, Технология машиностроения, Электропривод и Менеджмент организаций.

— **Почему некоторые специальности ИНИТа не востребованы?**

— Когда вы получаете образование за свои деньги, есть принципиальная разница между стоимостью программ. У нас в городе самая дешевая программа стоит 14,5 тысяч рублей; самая дорогая — 18 тысяч рублей. Важны также возможности будущей работы, и даже то, что написано в дипломе. Вот, выпускнику, обучавшемуся по специальности «Бухучет», напишут «экономист-бухгалтер»; по специальности «Финансы и кредит» — «экономист»; по специальности «Менеджмент» — «менеджер»; а по специальности «Коммерция» — «коммерсант». Однако слово «коммерсант» в русском менталитете — почти ругательное. Более того, в сегодняшнем перечне специальностей есть такая специальность, а в перечне профессий — нет. Вы приходите на работу устраиваться, работодатель начинает листать справочник профессий, а там нет Вашей квалификации и соответствующей должности. Хотя, если перевести эти специальности на старую терминологию, сегодняшний коммерсант — это вчерашний товаровед. Сегодня у государства левая рука не ведает того, что делает правая, отсюда и проблемы, в том числе и с набором на те или иные специальности ИНИТа.

— **Вернемся к проблеме новых информационных технологий. О какой новой методике реализации образовательных услуг, применяемой в ИНИТе, Вы можете рассказать?**

— У нас два факультета. На одном, в прошлом называвшемся заочным, факультете традиционная форма учебного процесса, есть сессии и самостоятельная подготовка. А на втором, в прошлом напоминающим вечернее отделение, а сегодня называемым факультетом дистанционного образования — сессий нет, а идут так называемые кейсовые занятия, по 2-м — 3-м предметам, и по мере их окончания сразу сдается экзамен. На одном факультете студенты приезжают сдавать сессию на месяц, а на другом они сдают экзамены в течение всего учебного года. У обеих технологий есть свои плюсы и минусы.

— **А что же в технологии реализации образовательных программ на этом втором факультете имеет дистанционный характер, ведь традиционное западное дистанционное образование — это образование, получаемое через компьютерные сети?**

— На Западе существует несколько типов дистанционных образовательных технологий. Одна из них — кейсовая, достаточно распространенная. Все заочные и дистанционные формы образования — по сути дела являются самостоятельным обучением. Участие преподавателя сведено к консультациям; если у студента есть вопросы, он может прийти и их задать. Преподаватель обязан дать консультацию, а потом аттестовать его. Однако, если есть хорошие, внятные учебники, студент может и на консультации не ходить. Мы не требуем посещения занятий. Мы создали образовательный кейс, это — порядка 400-т учебных пособий по 9-ти специальностям. Если перевести на тонны — это 14 тонн бумаги! Столько мы печатаем, если не больше. Однако существует и другая технология дистанционного образования — через Интернет, который для этого нужен очень хороший.

— **Можно ли получить образование в ИНИТе бесплатно?**

— Сегодня реальная стоимость обучения заочника — 14-18 тысяч рублей в год, а государственное финансирование составляет 10 процентов от этой суммы. Учебных пособий купить на эти деньги нельзя. Да и вообще сегодня ничего серьезного в образовании нельзя сделать на эти деньги. Поэтому студенты-бюджетники идут и покупают книжки у тех, кто учится за деньги. Литература, имеющаяся для бюджетников в библиотеке, составляет один — два экземпляра. Нет денег и на Интернет. Из того, что определено бюджетом государства для подготовки студента-заочника, то есть из тех трех тысяч, о которых я говорил, сегодня можно финансировать только зарплату преподавателей и ничего больше. Кроме того, невозможно взять деньги с платника и отдать их бюджетнику. Государство это рассматривает как спонсорскую помощь и говорит: «Заплати с нее налоги». Поэтому группы бюджетников приходится сокращать, хотя без них запрещено набирать коммерческих студентов, и поэтому они все еще существуют.

— **Пять лет прошло, как вы начали работать. Что получилось, что не получилось? Пять лет — это, конечно, маленький срок, но всегда об итогах задумываешься.**

— Конечно, мы стали достаточно большим, достаточно значимым подразделением университета. Получилось многое. Мы в конечном итоге сформировали кейс, целую технологию пособий. Но не всё удалось, конечно. Не все написанные учебники качественные... Пока еще не удалось переломить отношение, выраженное фразой: «А, это заушники!».

Тем не менее, первые выпуски прошли, сегодня мы выпустили около 420-ти студентов. Первые выпуски были в прошлом году. И еще будет порядка 50-ти человек этим летом. Основная масса получила достаточно высокие оценки. Конечно, есть отчисленные — это как раз те случаи, когда люди пришли просто купить диплом. Значит, «двойки» ставим. Недавно вот поставили «двойку» на защите диплома по специальности «Электропривод», есть «двойки» и на защитах по специальностям «Финансы и кредит» и «Менеджмент организаций». Я считаю, что, когда ставят двойки, идет нормальный учебный процесс. Хотя в целом «пятерок» и «четверок» значительно больше «двоек» и «троек», количество же «пятерок» приближается к половине от общего количества оценок на защитах. Это достаточно высокий показатель. Есть такое понятие, как емкость рынка. Наши первые выпускники были теми, кем хотели. Потом пришли студенты уже из других соображений. Однако все, относящиеся к этим категориям, идут потому, что им это нужно. И учатся нормально, особенно если у них есть уже нормальная работа, профессиональный опыт. Потом уже идут те, кто или не работает, или бог знает, где работает, и тем не менее, учатся. И вот с таким контингентом больше всего проблем. В конечном итоге все определяет кафедра, выпускающая специалистов по тому или иному направлению; и, — сами понимаете, — что, когда вы работаете одновременно с очниками и заочниками, двойных стандартов у вас быть не может. Я знаю преподавателей, которым все равно, очник ты, заочник — двойка есть двойка. Есть преподаватели, которым лишь бы тройки поставить. Он ставит их и очникам, и заочникам. Так что проблему адекватной оценки нашей работы еще предстоит решать.

— **Каковы в таком случае Ваши ближайшие планы?**

— В числе важнейших планов сделать нормальную сетевую версию нашего дистанционного образования. Сделать нормальные экзамены через компьютер. Мы сегодня подписали Болонское соглашение, и мы должны готовиться выполнить его требования. Мы к этому обязательно приедем, и мы будем работать так, как работают на западе. Можно долго говорить о достоинствах и недостатках нашего традиционного образования, но мы пошли сторону европейской интеграции. Нас всего 150 миллионов человек. А во всем мире живет чуть ли не 6 миллиардов. Может быть, мы сохраним какие-то национальные черты, но у нас нет таких убедительно зарекомендовавших себя традиций образования, какие есть на Западе. В конечном итоге, мы будем вынуждены принять на вооружение западные достижения в области образования. И мы должны быть к этому готовы. И мы пытаемся делать что-то в этом направлении уже сегодня, пусть и в небольших количествах. Я думаю, что мы скоро откроем специальность «Бухучет». Основная проблема запуска новой специальности

у нас — подготовка учебной литературы, но мы уже научились ее решать. Это ближайшие перспективы.

— **А материальная база вас устраивает?**

— Площади — не совсем. Университету в целом не хватает площадей. Конечно, хотелось бы переоснастить кафедры. Мы планируем закончить строительство нашего корпуса и начать планомерно модернизировать базу сегодняшних кафедр. Деньги, которые идут на ремонт, мы хотели бы направить на улучшение кафедр. В первую очередь, — технических, потому что они сегодня до такой степени убогие, что жалко глядеть; техника стоит произведенная в 50-е — 60-е годы, сегодня это ненормально. У нас у самих нет кафедр, но мы работаем со всеми факультетами университета.

— **И вы хотите им помочь?**

— А деваться некуда. Они сами не в состоянии улучшить свою материальную базу. А мы без них не в состоянии учить студентов, поэтому, высвободив деньги из-под стройки, направим их на кафедры.

— **Благородная задача.**

— Поймите правильно. Мы — часть университета. Сегодня мы перечисляем в университет 35% наших доходов, завтра нам скажут: ага, у Вас появились резервные деньги, дайте-ка нам теперь 45-50%. Лучше мы сами решим, как потратить эти деньги. Конечно, мы не помогаем зарплатой. Зарплату преподаватели у нас зарабатывают. Никаких надбавок мы не платим, но мы оплачиваем все затраты преподавателям. Предлагает он нам программу — мы оплачиваем. Мы понимаем, что государство финансирует нас не так, как бы хотелось. Сегодня все так устроено, что, находясь в собственности государства, работая на его площадях, мы должны делать многое бесплатно, а, заработав какую-то денежку, чтобы компенсировать отсутствие бюджетного финансирования, еще и налоги заплатить.

— **Вы — доктор наук, профессор. Еще и администратор. Как вам удается совмещать и то, и другое?**

— Совмещать получается плохо, если честно. Если у меня раньше аспиранты защищались, то теперь нет. Наука и администрирование — плохо совместимые вещи. Но сегодня социально значимая задача — это вопрос финансовой стабилизации университета. Здесь приходится заниматься чисто административной работой, и все, чего хочешь, успеть сделать невозможно. Мой рабочий день — с 9 до 21. Кроме деятельности ИНИТа в Комсомольске, у нас есть интересы в Николаевске; там открыто Представительство КнАГТУ, и оно полностью в зоне ответственности ИНИТа, то есть все затраты по нему наши. Еще за нами числится филиал в поселке Ванино, а там пока просто море проблем. Есть еще Амурск, Солнечный, где мы ведем занятия.

— А еще где-нибудь будете открывать филиалы и представительства?

— Я сейчас изучаю ситуацию по Богородску. Но сегодня ситуация с развитием дистанционного образования сильно осложнилась: министерство запретило нам принимать экзамены на местах, исключение составляет только лицензированный для ведения любой образовательной деятельности филиал. К сожалению, сегодня у нас в правительстве присутствуют люди, которые не умеют зарабатывать на умах, а привыкли зарабатывать только на ресурсах. А для того, чтобы ковырять землю, образование не нужно. Все ресурсы у нас в земле — нефть, золото, древесина, биологические ресурсы... Для экспорта за рубеж всего этого образование не нужно, потому что, как правило, разработка месторождений куплена иностранными компаниями, например, сахалинская нефть на 50 процентов не наша. Ставится начальник, который получал образование в Америке или Англии. Ему нужна только рабочая сила и больше ему ничего не нужно. В таких условиях нашему государству образование не нужно. И министр с трибуны говорит, что сегодня не хватает техников и электриков, но никто не сказал, что мы можем зарабатывать сегодня на образовании. Сегодня наши военные заявляют: нам нужны люди в армии, а тут все в высших учебных заведениях. А спрашивается, для чего нужны люди в армии? Улицы подметать, да дачи строить генералам. Конечно, я вижу, что в правительстве есть разные люди, но пока не видно, чтобы государство пыталось начать зарабатывать на образовании.

— Сегодня Вы предлагаете и другие, помимо основных образовательных программ, информационные услуги. Каким образом можно попробовать свои силы в ЕГЭ у вас?

— Мы решили попробовать организовать сдачу ЕГЭ с помощью компьютера в виде эксперимента. Мы заключили договор с МГУ и с помощью сетевой технологии получили возможность провести такое компьютерное тестирование. То есть тренинги по ЕГЭ проходит сегодня в двух модификациях — в традиционной форме и в компьютерной. Вообще, процедура эта платная, но некоторое время она будет бесплатной. Тенденция такая, что, к сожалению, все сегодня становится платным.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬСТВО ИНИТ КНАГТУ В ГОРОДЕ НИКОЛАЕВСКЕ-НА-АМУРЕ²⁹

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет сегодня — это не только привычный квартал города, окруженный улицами Ленина, Котовского, Комсомольской и проспектом Первопостроителей. Наш университет ведет активную работу и в других регионах Нижнего Амура. Он является лидером в структуре Нижнеамурского университетского округа, в который входят многие техникумы Комсомольска и Амурска, он имеет представительство в городе Николаевске-на-Амуре и филиал в порту Ванино. В этом номере мы расскажем о представительстве в Николаевске.

Николаевск-на-Амуре расположен на левом берегу реки Амур, он является районным центром Николаевского района. Это первый на Амуре город, он был основан 13 августа 1850 года адмиралом Г.И. Невельским. Число первых его жителей составило 6 человек. К весне 1854 года Николаевский пост представлял собой уже небольшой поселок. Для прибывающих судов была построена пристань. В 1856 году, когда была создана Приморская область, Николаевский пост был преобразован в город

29   Статья опубликована в августе 2005-го года.

и получил свое современное название — Николаевск, он стал областным центром Приморья и оставался им до 1880 г. В 1858 году был построен механический завод по сборке и ремонту судов, открыты морское училище, краеведческий музей, библиотека. Начались первые коммерческие рейсы по Амуру частных и казенных пароходов, городские причалы стали посещать зарубежные торговые суда США, Норвегии, Японии. В конце XIX столетия Николаевск приобрел значение крупного торгово-промышленного поселка. Число зданий увеличилось до 2136, развилась сеть образовательных заведений: школ, училищ. Среди государственных и муниципальных учреждений выделялось полицейское управление, уездное казначейство, золотоплавочная лаборатория, электростанция, почтово-телеграфная станция, механическое заведение. В 17 км. от города в XIX-XX вв. располагалась знаменитая Николаевская (Чныррахская) крепость — уникальное военно-инженерное сооружение. Она была взорвана в июне 1920 года при отступлении партизан. Сегодня здесь можно осмотреть подземный командный пункт, живописные развалины многочисленных укреплений. Со смотровой площадки открывается незабываемый вид на Амурский лиман, в ясную погоду можно увидеть очертания о. Сахалин. В 1925 году Николаевск был объявлен «открытым для транзита товаров из стран, имеющих с СССР договорные отношения». Годом позже город стал именоваться Николаевском-на-Амуре. В 2000 году он остался в разряде малых городов, современное экономическое положение города и района можно расценивать как тяжелое. Сегодня в городе проживает чуть больше тридцати одной тысячи человек.

Может быть, это и нескромно прозвучит, но, на наш взгляд, к числу важнейших событий современной истории города относится и открытие Представительства Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета. Фактически Представительство стало первой вехой в истории высшего образования в городе. Его работу в Николаевске организовали и проводят в рамках Института новых информационных технологий. Изучаемых специальностей — три. Это Финансы и кредит, Социальная работа и Вычислительная техника. Первый выпуск состоялся в 2004 году, а всего представительство подготовило уже 84 дипломированных специалиста. В перспективе открытие новых специальностей — Менеджмента, Бухгалтерского учета, Юриспруденции. В штате представительства работают четыре человека. Директор — Владимир Валентинович Высоцкий, методист — Татьяна Михайловна Терехова, учебный мастер — Олег Анатольевич Селиванов, технический работник — Анна Михайловна Иванова. Некоторые курсы читаются преподавателями непосредственно в аудиториях Представительства, а некоторые изучаются по кейсовым дистанционным технологиям. Несмотря на большие трудно-

сти, вставшие перед работниками Представительства и Института новых информационных технологий, такие, как отсутствие постоянного помещения, постоянно требующийся ремонт временных помещений, недостаток компьютеров и другие, Представительство сегодня растет и улучшается, предоставляет качественные образовательные услуги и выдерживает конкуренцию с рядом институтов, пытающихся работать в Николаевске.

О популярности Представительства и стремлении получить образование именно в нем свидетельствует не только количество обучающихся студентов, но и — в первую очередь — их качество. Сегодня выпускниками и студентами Представительства являются многие известные люди города, многое сделавшие для развития его управления, экономики, образования и культуры. Назовем только некоторые имена. Это управляющая пенсионным фондом города — Мария Борисовна Чернова, заведующая отделом валютно-кредитных отношений городского отделения «Далькомбанка» — Алла Георгиевна Ермакова, начальник пожарной части № 25, подполковник Григорий Сильвестрович Заверуха, директор ООО «Велес» Руслан Николаевич Артамонов, главный бухгалтер ООО «Константиновское» — Олеся Владимировна Гераськина, главный бухгалтер ЗАО «Форпост» — Галина Николаевна Геращенко, главный бухгалтер ДВОМЦ РФ — Екатерина Александровна Конюх, заместитель начальника отдела по охране труда администрации города — Вадим Павлович Жуковский, командир летного отряда городского управления полетами «Хабаровские авиалинии» — Александр Викторович Дерекко, заместитель главного врача психоневрологического интерната — Наталья Владимировна Погребская, начальник отдела кадров городского управления образования — Ирина Васильевна Заматаева.

Остается только пожелать дальнейших успехов и преодоления всех возникающих трудностей коллективу сотрудников Представительства и его директору, которому мы задали несколько вопросов. Выражаем благодарность директору ИНИТ КНАГТУ Анатолию Михайловичу Шпилеву, благодаря которому оказалось возможным рассказать об этом интересном и важном проекте нашего университета. Благодарим также учебного мастера Представительства Олега Анатольевича Селиванова за помощь в организации нашей командировки в Николаевске.

ВЛАДИМИР ВАЛЕНТИНОВИЧ ВЫСОЦКИЙ

Владимир Валентинович Высоцкий — кандидат технических наук, доцент кафедры технологии машиностроения, он возглавляет УМО ИНИТ и является директором Представительства КНАГТУ в Николаевске-на-Амуре³⁰.

— **Вопрос первый** — кому принадлежит идея открыть Представительство в Николаевске-на-Амуре и почему именно там?

— Я думаю, что общая идея нашей технологии принадлежит Юрию Георгиевичу Кабалдину, а решение где конкретно открыть, в Ванино, в Солнечном, в Амурске или в Николаевске принималось коллегиально.

— **Когда открылось Представительство и при каких обстоятельствах?**

— Сначала официального представительства не было. Был приказ Министерства о создании Представительства. Первый заезд был осенью 2000-го года. Ездил туда Анатолий Михайлович Шпилев, он решал принципиальные вопросы с руководством города, а уже первый набор студентов осуществлял доцент кафедры Технологии машиностроения Михаил Юрьевич Сариллов. Мы набрали тогда студентов по специальности Финансы и кредит (обычных — на пять лет и ускоренников — на три с половиной года), Технология машиностроения, Вычислительная техника и программирование. В 2001 году набрали на Социальную работу.

— **Но по Технологии машиностроения сегодня студенты не обучаются?**

— Да. Это связано с тем, что учебный план данной специальности подразумевает большой лабораторный практикум, а мы лабораторную базу не смогли там организовать, это оказалось препятствием для набора и по другим техническим специальностям. Сейчас мы готовим в основном по двум специальностям студентов — Финансы и кредит и Социальная работа.

— **Чем это обстоятельство объясняется?**

— У людей имеются разные причины для выбора специальности?

---

30 Интервью записано в августе 2005-го года.

Один за знаниями идет, а другой уже работает на хорошем месте и ему нужен диплом. А Социальная работа и Финансы и кредит пользуются популярностью потому, что основная рабочая занятость сегодня в Николаевске существует в бюджетной сфере и мелком бизнесе, — крупного производства почти нет, — то есть в сферах, как раз имеющих отношение к этим специальностям. К нам идут люди, которые имеют хорошие должности, которым ехать куда-либо нет ни смысла, ни времени, а образование необходимо.

— **То есть основной контингент у вас именно второй категории?**

— Большинство студентов такие, но есть и другие категории. Выпускников школ у нас мало, они едут в основном в Хабаровск. Транспортная связь между Хабаровском и Николаевском лучше, чем связь между Комсомольском и Николаевском, плюс к этому бытует мнение, что образование в Хабаровске лучше, чем в Комсомольске.

— **Как Вы стали директором Представительства?**

— Я не знаю, кто это придумал, но я был назначен ректором на эту должность. В 2000 году я ушел с кафедры Технологии машиностроения: А. М. Шпилев меня пригласил в ИНИТ. Я стал работать заведующим лабораторией Технических и программных средств обучения, а когда у нас наборы студентов большие пошли, мы расширились, я стал начальником Учебно-методического отдела и по совмещению — директором Представительства, точнее, по приказу, — исполняющим обязанности директора.

— **А почему Вы не просто директор?**

— А я не могу иметь две или три должности в одном учреждении, я могу только совмещать исполнение обязанностей. Так что директором я стал, в общем-то, случайно. Получил задание, наверное, другого человека не нашли.

— **То есть с Николаевском Вас ничего не связывало?**

— Поначалу, да. Город был незнакомый, я совсем никого там не знал.

— **Приходилось ли в связи с этим испытывать трудности?**

— Немного. Первое время мы работали в помещении УПК. Тогда два человека уже сотрудничали с нашим университетом. Я с ними нашел контакт и дело пошло. Потом вышел приказ об открытии, то есть спустя полтора года после приказа о создании Представительства. Мы постепенно набрали необходимую студенческую массу, сняли свое помещение, средства стали позволять спокойно выполнять свои обязанности и улучшать результаты.

— **Расскажите о ваших сотрудниках?**

— Коллектив сложился хороший, хотя и небольшой. Олег Анатольевич Селиванов — учебный мастер, с нами с первых лет, Татьяна Михайловна Торохова — методист, она чуть попозже стала у нас работать, — оба прекрасно справляются со своими обязанностями, меня полностью

устраивают. Я ведь там практически не бываю, только осуществляю общее руководство, решаю вопросы, которые на месте решить нельзя, все же текущее лежит на них. Олег Анатольевич занимается всеми техническими и хозяйственными проблемами, а Татьяна Михайловна — учебно-организационными. Есть еще у нас уборщица. В городе очень немного людей, которые бы могли на столь высоком уровне организовать работу, на каком организовали они. Разве только после окончания нашего университета такие специалисты появятся.

— **Объясните, пожалуйста, каков юридический статус Представительства?**

— Если филиал университета — это структурное подразделение в составе университета, пользующееся относительной финансовой и учебной самостоятельностью, то мы такой самостоятельностью не обладаем.

— **То есть, приходится просить денег у начальства?**

— У нас есть своя статья внутри счета ИНИТ, мы находимся на полном хозрасчете и принимаем финансовые решения коллегиально.

— **Рентабельна ли ваша работа?**

— Я не знаю, насколько мы прибыльны, но мы точно себя окупаем. У нас стабильно большие наборы студентов и стабильное финансовое положение. Мы и для университета зарабатываем, счет ведь общий. Да и наши деньги мы далеко не все тратим на себя, если учесть, что с нами сотрудничают люди из самых разных подразделений университета. У нас трудности иного плана. Вот в Николаевске опять собираются закрыть аэропорт и оставить город вообще без связи с краем, особенно в зимнее время. Транспорт для нас — очень большая проблема, нам надо возить литературу и преподавателей, а даже летом, когда пускают метеор, который значительно дешевле самолета, не все безоблачно: вот, в этом году топлива не было и метеор пустили очень поздно. Невозможно было добраться преподавателям до студентов, и постоянно менялась траектория учебного процесса.

— **Собираетесь ли вы купить свое помещение?**

— Пока нет. Мы каждый год делаем ремонт в арендуемом помещении. Потихоньку все приводим в порядок. А покупать свое не выгодно, потому что не знаем, что произойдет с экономикой Николаевска, будут ли там зарабатывать деньги, чтобы вкладывать их в образование. Содержать свое помещение достаточно сложно и дорого.

— **Постоянных преподавателей в вашем штате нет?**

— Нет. По положению о Представительстве их и не может быть. Образовательный процесс у нас сводится к консультациям и аттестации студентов. А работают они самостоятельно. Нагрузка же преподавателей распределяется по кафедрам университета. Специальные предметы аттесту-

ются приезжающими преподавателями, а остальные, в основном, — с помощью дистанционных технологий, они сосредоточены в большинстве на первом курсе. А всех преподавателей по всем курсам невозможно привезти, потому что ни средств, ни помещений достаточных для этого нет.

— **А как вы используете дистанционные и информационные технологии обучения?**

— Приказом оговаривается форма аттестации по каждому курсу. Часть курсов изучается и аттестуется по кейсовым технологиям, часть через компьютер. Студенты пишут письменные работы, отвечают на вопросы тестов. Преподаватели, как правило, проверяют их в Комсомольске. Консультации проводятся через электронную почту или по телефону. Мы продолжаем совершенствовать информационные технологии. У нас достаточно компьютеров, по крайней мере, их столько, сколько позволяют площади нашего помещения. С каждым годом все лучше и лучше и с литературой, мы, правда, ее возим, а не печатаем там, но пока это дешевле. Уже сформирована библиотека. В целом результаты показывают студенты хорошие.

— **Какие планы у вас на будущее? Что-то новое открывать собираетесь?**

— В этом году открываем Бухгалтерский учет и аудит. Там есть техникум, готовящий бухгалтеров, они смогут поступить к нам на эту специальность. Хотелось бы открыть юристов.

— **В Николаевске ведь есть и другие техникумы, не собираетесь ли Вы открывать и на их базе кафедральные проекты?**

— Мы готовы к любому сотрудничеству, но инициатива должна исходить от кафедр университета. В Николаевске есть судостроительный, педагогический, медицинский техникум. Мы, конечно, поможем нашим кафедрам, если им будет интересно. Я надеюсь, что у них имеется информация о том, какие ресурсы есть Николаевске. Но тут основная проблема — рентабельность и привлекательность наших образовательных услуг в регионе. Даже с помещением все вопросы можно решить.

— **А сколько стоит обучение у Вас?**

— Мы исходим из реальной платежеспособности населения и стараемся сдерживать рост цен. Пятилетнее обучение в год у нас стоит 19 тысяч, а те, кто учится 3,5 года, платят 21 тысячу. Это не намного больше, чем в Комсомольске, хотя мы несем — повторюсь — огромные транспортные расходы.

— **Можно ли сказать, что Вы лично удовлетворены работой Представительства на сегодняшний день или что-то хочется поправить?**

— Все у нас нормально, хотя, конечно, как и в любой работе, есть проблемы, но мы их решаем.

ФИЛИАЛ КНАГТУ В ПОСЕЛКЕ ВАНИНО³¹

Мы писали в прошлом номере нашей газеты о представительстве КНАГТУ в городе Николаевске-на-Амуре. Такие представительства открыты в городе Амурске, поселке Солнечный, в городе Южно-Сахалинске и в городе Хабаровске. Но есть у нас и свой собственный филиал, он находится на берегу Татарского пролива, в поселке Ванино. Филиал — это самостоятельное структурное подразделение университета, обладающее почти полной финансовой и административной независимостью. Его смысл в обеспечении региона высококвалифицированными кадрами и в расширении сферы предоставления качественных образовательных услуг, возможностью которых располагает сегодня наш университет.

Поселок Ванино известен как крупнейший незамерзающий порт Хабаровского края, многие при его упоминании вспомнят и печальную песню о пересылке заключенных, это еще и центр района, которому недавно исполнилось 30 лет. В районе проживает около 40 тысяч человек. Основная сфера занятости — море. Ванинский порт по объему переработки грузов входит в десятку крупных морских портов страны. У его причалов швартуются суда водоизмещением до 45 тысяч тонн, он одновременно может принять 13 судов и 2 парома. Из Ванинского порта плывут паромы на Сахалин. Места здесь незабываемые. Горы и море, что может быть прекраснее и величественнее.

Когда-то, а именно 150 лет назад, бухта, в которой сегодня располо-

---

31 Статья опубликована в октябре 2005-го года.

жен порт, называлась Уй, а в 1874 году она была переименована в честь одного из участников экспедиции военных топографов, исследовавших эти места, Василия Васильевича Ванина.

Сегодня поселок Ванино обладает отличной инфраструктурой, достойной небольшого благоустроенного города. Здесь 14 средних школ, Дворец спорта, Дом культуры, 12 клубов, 10 библиотек, 24 дошкольных учебных заведения, музыкальная школа. В поселке работают 80 магазинов, 40 предприятий общественного питания. Жилищный фонд равен примерно 170 тысячам квадратных метров. Недалеко от поселка находится курорт Тумнин, располагающий лечебными источниками. В районе много внимания уделяется сохранению и развитию культуры коренных малочисленных народов, прежде всего, орочей. И здесь есть свой институт, точнее, наш университет, филиал КНАГТУ.

В таком месте, как поселок Ванино, судя по темпам его социально-экономического развития, многие ВУЗы Хабаровского края желали бы открыть свои филиалы, но повезло нам. В нашем филиале уже пять лет обучаются студенты по девяти специальностям. Сейчас контингент студентов составляет уже 1200 человек, есть среди них очники и заочники, бюджетники и коммерческие студенты. Здесь все, как в большом университете. Есть просторное, великолепно отремонтированное здание, с хорошим оснащением, компьютерными залами, столовой, в которой можно очень дешево, вкусно и разнообразно поесть. Есть свои структурные подразделения, отделы и кафедры, свои штатные сотрудники. Основатель и директор филиала — кандидат экономических наук Александр Леонидович Орлов. Развивается поселок, развивается и институт, готовящий кадры для социально-экономических нужд региона. По словам директора филиала, работа у него есть уже на ближайшие десять лет. Но если развитие будет увеличивать свои темпы, увеличится и эта цифра. Хочется пожелать руководству и коллективу филиала дальнейших успехов, решения всех встающих на пути его развития проблем и достижения поставленных целей.

Выражаем благодарность директору филиала Александру Леонидовичу Орлову и директору ИНИТ КНАГТУ Анатолию Михайловичу Шпилеву за помощь в организации нашей командировки в поселок Ванино.

АЛЕКСАНДР ЛЕОНИДОВИЧ ОРЛОВ

Сегодня на наши вопросы отвечает директор филиала Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета в поселке Ванино кандидат экономических наук Александр Леонидович Орлов³².

— Расскажите, пожалуйста, как был открыт филиал?

— Это началось в 1999 году, когда руководство университета активно стало сотрудничать с администрациями районов и городов

Хабаровского края с целью увеличения рынка своих образовательных услуг. Речь шла об открытии подготовительных курсов, представительств и филиалов. Одновременно с другой стороны — со стороны местного руководства стали поступать в университет предложения аналогичного характера. Образование дорожает, молодежь уезжает. Открытие на местах филиалов университетов решает и проблему стоимости образования, снижая ее, и сохраняет образованных людей. Понятно, что открывались такие специальности, которые нужны конкретному району, то есть с учетом его производственных нужд. Юрий Георгиевич Кабалдин, Анатолий Михайлович Шпилев, Анатолий Романович Куделько — с одной стороны, глава Ванинского района Богдан Михайлович Мусянович, депутат Государственной думы РФ Вячеслав Иванович Шпорт, и его помощник Александр Леонидович Орлов — с другой стороны, в начале 2000-го года с участием чиновников Министерства образования и науки РФ создали план намерений открытия филиала КнАГТУ в поселке Ванино и первого набора летом того же года. Одновременно велись поиски финансовых средств на приобретение здания. Здесь нам очень помогли КнААПО, Ванинский морской порт и Ванинская районная администрация. Средства мы нашли и здание приобрели. Потом была оформлена лицензия в министерстве на пять специальностей. В 2000-м году мы сделали первый набор на заочное отделение с использованием дистанционных технологий. Спустя некоторое время мы открыли еще четыре специальности, особенно востребованные в районе.

— Почему именно в Ванино, ведь это поселок, был открыт филиал, а не, скажем, представительство университета?

— Ванинский район сегодня самый перспективный район Хабаровского края и один из самых перспективных районов Дальневосточного региона. Планируется здесь сейчас строительство двух угольных терминалов и одного лесного. Объем грузоперевозок сегодня уже соответствует советскому уровню. Одновременно начинается строительство второй железнодорожной ветки Комсомольск — Совгавань и Кузнецкого тоннеля. Потребности в образованных кадрах очень большие. Мы подсчитали, что на ближайшие десять лет у нашего филиала уже имеется работа, и она будет еще увеличиваться. Все наши выпускники проходят учебную практику на тех местах, где они потом будут работать, и это создает отличные условия для их карьерного роста. Администрация района и порта активно строят жилье для своих специалистов, оставаться, учиться и работать в районе сегодня выгоднее, чем где-либо за его пределами. Мы особенно нуждаемся в специалистах по морскому делу, строительству, программному обеспечению и вычислительной технике. Ванино уже сегодня по всем показателям является средним городом России, здесь высокие здания, около 30 тысяч жителей, но оставаться поселком выгоднее: у работников сельской местности много льгот. Если эти льготы отменят, Ванино тут же станет городом, все документы для этого уже подготовлены. Совгаванский порт всегда был закрытым в силу его военно-морского назначения, а ванинский порт — гражданский. Сегодня военная промышленность находится в кризисе, а вместе с ней и вся инфраструктура, построенная вокруг нее, в том числе и город Советская гавань.

— **Объясните нашим читателям, что такое филиал, в чем его специфика и каковы его отношения с головным ВУЗом?**

— Любой уважающий себя университет имеет сегодня филиалы. Это солидный рейтинговый показатель ВУЗа. Ванинский и совгаванский регион охватывает порядка восьмидесяти тысяч человек, это население как раз достаточное для того, чтобы открыть именно филиал. От головного ВУЗа у нас имеется доверенность на ведение образовательной и иной, предусмотренной законом и уставом университета, деятельности. Филиал — это обособленное структурное подразделение университета. Мы не имеем статуса юридического лица, но у нас есть большинство прав этого лица, в том числе финансовая самостоятельность. Эта самостоятельность выгодна и району, и университету. Первые три года становления мы вообще не перечисляли ничего в университет, только оплачивали командировочные расходы и работу приезжавших к нам преподавателей. Оплачиваем мы сами довольно большой налог на прибыль. Некоторые права у нас ограничены, нам, например, трудно сдавать свои помещения в аренду. Но мы ни на что не жалуемся, поскольку понимаем, что без головного ВУЗа мы не могли бы существовать. Юрию Георгиевичу Кабалдину я хочу

сказать огромное спасибо за то, что он вникает во все наши проблемы, старается их решать.

— **Каковы ваши основные проблемы?**

— Основная наша проблема — кадры. У нас должно быть сорок — пятьдесят преподавателей своих, а от общего числа преподавателей пятьдесят пять процентов должны иметь ученую степень. На Дальнем Востоке вообще это проблема, а в нашем районе и подавно. У нас девять преподавателей — аспиранты и соискатели, два человека имеют ученые степени. Это крайне мало. Вторая проблема — качество преподавания. Невозможно сразу найти в нашем регионе людей, обладающих достаточной для работы в ВУЗе квалификацией. Их надо выращивать, вот из первого выпуска, который состоится в этом году, мы возьмем к себе несколько талантливых человек. Процент приглашенных преподавателей, работающих и в головном ВУЗе, и у нас, тоже не должен быть меньше определенного законом. Его рост создает трудности для студентов, потому что определенный срок пребывания преподавателя, и там, и здесь, предполагает, с одной стороны, большие перерывы в работе, а с другой стороны, наоборот — избыточную нагрузку во время самой работы. Преподаватели с низкой квалификацией, которые хотят и могут к нам приезжать, нам не очень нужны, а преподаватели с высокой квалификацией слишком заняты в головном ВУЗе. Но трудности мы обязательно решим. Наши выпускники всегда на виду, ведь они работают здесь же в районе, и если мы подготовим низко квалифицированных специалистов, их не возьмут на работу, а значит, к нам не придут учиться. В крупных городах выпускники растворяются в массе занятого населения, в нашем районе их всех можно по пальцам пересчитать. Здесь и спрос с нас, и ответственность перед работодателем совсем другие. Поэтому мы всегда стремимся улучшать качество предоставляемых образовательных услуг и одновременно соответствовать статусу филиала. А остальные проблемы в целом решены. У нас один компьютер на десять студентов. Это хороший показатель даже для успешного освоения программирования. Есть проблемы с материальной базой для электриков. Пока мы возили наших студентов в Комсомольск, и наши студенты не хуже смотрелись, чем комсомольчане. Иногда, если состав группы сильно сокращается, студентов также приходится отправлять в Комсомольск, доучиваться. Есть проблема и с физкультурным залом. Но мы арендуем наш Дворец Спорта, который абсолютно не загружен, и для нас не составляет особых затрат сотрудничество с ним. Там есть бассейн, тренажерный зал и игровой. Мы участвуем во всех спортивных соревнованиях, которые проводятся в районе и крае.

— **Расскажите, пожалуйста, каковы структура филиала и специальности, по которым ведется подготовка.**

— Есть директор, бухгалтерия, учебно-методический отдел, три кафедры: экономических, гуманитарных и технических дисциплин. Есть служба набора и подготовительные курсы. Есть еще библиотека и заместитель директора по хозяйственной деятельности. Мы воспроизводим структуру головного ВУЗа, но концентрируем некоторые функции в рамках одного подразделения. Специальности у нас подразделяются на несколько блоков. Экономический блок: Финансы и кредит, Менеджмент, Бухгалтерский учет, аудит и контроль. Технический блок: Программное обеспечение вычислительной техники и автоматизированных систем, Прикладная информатика в экономике, Электропривод и автоматика промышленных установок и технологических комплексов, Промышленная электроника, Судовые энергетические установки, Организация перевозок и управление на водном транспорте. Мы готовим открытие специальностей строительного профиля: Земельный кадастр, Городской кадастр, а также Социальную работу и Безопасность жизнедеятельности. У нас на дневном отделении 450 студентов и 800 заочников. У нас есть двадцать бюджетных мест на дневном и столько же на заочном отделении. В год мы набираем около 300 человек. Стоимость обучения на дневном отделении у нас такая же, как в Комсомольске, у заочников чуть-чуть повыше, потому что мы несем большие расходы на командировки преподавателей. Заочное обучение имеет у нас две формы: полную и сокращенную (ускоренную). Все специальности мы, прежде чем, их открыть, изучаем с помощью экспертов, чтобы определить социально-экономический спрос региона на соответствующих профессионалов. Мы начинаем работу по лицензированию специальностей только тогда, когда понимаем, что будем иметь соответствующих студентов хотя бы в течение десяти будущих лет, а также в случае, когда имеется их кадровое обеспечение.

— **Используете ли Вы в обучении информационные технологии?**

— У дневного отделения обычное аудиторное образование. А у заочников используются элементы дистанционных технологий. Это электронные учебники, электронные сетевые работы. Экзамены принимаются здесь. Нас курирует Институт новых информационных технологий, он очень помогает нам в этом отношении. У нас есть хороший доступ в Интернет (частично он бесплатный, даже для студентов), три компьютерных класса на сорок человек. Мы создаем электронную библиотеку. Есть и книжно-бумажная библиотека, но там пока только учебные пособия. Проводим семинары среди преподавателей по менеджменту качества образовательных услуг. Вот недавно провели такой семинар по Болонскому процессу.

— **Каковы Ваши студенты? Это выпускники школ или рабочая молодежь?**

— Сначала к нам пришли люди, которые уже работали, занимали солидные должности и даже иногда имели высшее образование, но не имели специального высшего образования, соответствующего профилю их работы. Сегодня мы уже прошли эту фазу развития и наш основной контингент студентов — выпускники школ, мы выбираем около двадцати процентов всех выпускников ванинского и совгаванского районов. К сожалению, их численность падает, потому что численность школьников вообще существенно уменьшается. Но у нас интересные студенты, мы участвуем в различных краевых и региональных образовательных конкурсах, нас награждал краевой комитет по молодежной политике. Посылали своих студентов в Китай, Хабаровск. У нас есть активно работающий студенческий совет, мы хотим выпускать свою газету. Мы сделали уже первый выпуск заочников-ускоренников, 195 человек. Их дипломные работы очень понравились нашим работодателям. Мы жестко оценивали их, сформировали авторитетную экзаменационную комиссию.

— **Большое спасибо, Александр Леонидович, за обстоятельные ответы на наши вопросы.**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЙ ИНСТИТУТ³³

В следующем учебном году в составе нашего университета появится новое структурное подразделение — Социально-гуманитарный институт, включающий три факультета (Социальный, Языковой подготовки, Истории, культурологии и связей с общественностью). Его создание пред-

33 Статья опубликована в июле 2006-го года.

ставляет собой одно из направлений инновационной деятельности университета. Настоящая статья посвящена анализу перспектив и форм подобной деятельности, открывающихся благодаря появлению социально-гуманитарного института.

Создание гуманитарного института — результат давно назревшей необходимости. Оно позволит объединить усилия преподавателей, работающих в едином научно-методическом пространстве, но не имеющих возможности скоординировать эту работу. Волею судеб психологи, историки, педагоги, социологи оказались сотрудниками различных кафедр и даже факультетов. В рамках института их изоляция должна прекратиться, а вместо нее должно начаться плодотворное сотрудничество. Такое сотрудничество может повысить не только эффективность работы гуманитарных кафедр как таковой, но и роль гуманитарного образования в университете в целом.

В этой связи двумя важнейшими направлениями работы института представляются — оптимизация научно-методической работы гуманитарных кафедр и повышение качества гуманитарной подготовки студентов, обучающихся на негуманитарных факультетах.

Одна из существеннейших тенденций развития научной и учебно-методической мысли в XX веке — увеличение взаимодействия естественных и гуманитарных (по остроумному выражению академика А. Мигдала, «противоестественных») наук, *sciences and humanities*. Гуманитарные науки весьма многообразны и их можно рассматривать как несколько основных комплексов: социальные науки, собственно гуманитарные и науки о культуре. Структура этих комплексов такова, что отдельные ее элементы в большей мере приближаются к естественным наукам, а другие — в меньшей. Характер этого приближения тоже неодинаков. Самый нейтральный его вариант — простое дополнение естественных наук гуманитарными и наоборот с целью повышения культуры человека. Наиболее тесный вариант — использование результатов исследований, полученных учеными, представляющими одну научную дисциплину, в другой дисциплине.

Эффективность реализации задач, связанных с первым направлением деятельности социально-гуманитарного института, будет зависеть от того, насколько его структура соответствует структуре самого гуманитарного знания. Собственно гуманитарные науки — антропология, педагогика, психология, физическая культура, медицина и экология жизнедеятельности оказались в ныне предложенной структуре института разбросанными по различным факультетам, а психолого-педагогическая составляющая и вовсе выведена за пределы института. Науки о культуре — лингвистика и культурология, литературоведение и искусствоведение тоже распределены по разным факультетам. В университете есть подразделения (например, ЦИЯ), которые ведут языковую подготовку, никак

не координирующуюся с аналогичной работой в институте. Социальные науки — связи с общественностью, юриспруденция, история, политология, муниципальное и государственное управление, социальная работа тоже распределены по разным факультетам (об экономических дисциплинах вообще лучше умолчать). Таким образом, сегодняшняя структура института не определена научными основаниями. Это, безусловно, не будет способствовать решению поставленных перед институтом задач.

Остается надеяться на то, что нынешняя структура, по крайней мере, не будет мешать этому. Каковы первоочередные задачи по оптимизации учебной и научной работы института. Цель всей работы — создание в рамках института мощного регионального центра, способного конкурировать с аналогичными учреждениями. К числу задач относятся. В области научной работы: повышение квалификации кадрового состава института. «Кадры решают все», поэтому забота об их сохранении и увеличении их качества является основной. Она должна выражаться в открытии аспирантур и докторантур, диссертационных советов, предоставлении различных возможностей повышения квалификации. Вторая задача научной работы — координация существующих и создание новых форм реализации научного потенциала института. Речь идет о включении всех заинтересованных лиц в планомерно осуществляемые коллективные научные проекты, поддержанные в рамках системы грантов и внебюджетных научных тем. Результаты подобной работы должны освещаться в рамках постоянно действующих семинаров и периодически проводимых конференций, публиковаться в сборниках научных статей. В перспективе издание таких сборников должно стать регулярным, например, в форме журнала.

В рамках учебно-методической работы основная задача института — координация программ. Речь идет не только о формальной стороне дела, учебно-методические комиссии должны подвергнуть ревизии все создаваемые заново и используемые в ходе учебной работы программы преподаваемых курсов. Выработка системной гуманитарной подготовки, согласование содержания курсов, обогащение его за счет значимых различий и устранение повторов и недостатков — таков необходимый итог данной работы. Особая роль должна быть отведена разработке новых информационных технологий образовательного процесса, увеличению материальной базы учебной работы. Без применения компьютера, без создания и постоянного обновления книжных и электронных ресурсов учебного и научного характера сегодня невозможно говорить о какой-либо эффективной гуманитарной подготовке.

Повышение качества научной и учебно-методической работы — необходимые условия повышения качества работы учебной. Открытие но-

вых направлений основной и дополнительной учебной подготовки, соответствующих потребностям региона, постоянный мониторинг этих потребностей — условие выживания высшего образования. Не за горами переход всей системы высшего образования в пространство болонских соглашений. Диверсификация системы подготовки — важнейшая составляющая этого перехода. Представляется, что она должна стать и важнейшей задачей кафедр института, поскольку ее решение в рамках гуманитарной подготовки встречает намного меньше препятствий, чем в рамках технической. Успешное завершение диверсификации — залог будущих достижений в рамках международной образовательной деятельности.

Второе направление деятельности социально-гуманитарного института непосредственно связано с первым. Качество гуманитарной подготовки как таковой является определяющим для качества гуманитарной подготовки в ВУЗе в целом. Сегодня к числу задач института отнесена организация воспитательной работы. Отсутствие системы такой работы, координации уже существующих ее форм заметно и требует устранения. Многочисленные молодежные объединения, кружки, научного, художественного, общественного характера существуют вне зависимости от единого центра. Такой центр мог бы стать местом поддержки их существования, способом взаимообогащения результатов их деятельности. Создание корпоративного духа нашего университета, студенческих традиций, интенсификация форм общения между студентами и преподавателями, — все это еще предстоит осуществить в рамках воспитательной работы в университете, координируемой институтом.

Не менее значима и учебная составляющая роли института в университете. Сегодня только лингвистической подготовке студентов всех факультетов уделяется какое-то внимание. Однако не одни иностранные языки составляют профессиональную культуру выпускника. Необходимо согласиться, что без знания иностранных языков в XXI веке трудно стать профессионалом в любой сфере деятельности. Карьера напрямую зависит от знания иностранных языков. Однако необходимо обратить внимание и на другие формы социализации человека. Это экономическая, правовая, культурно-историческая и научно-философская подготовка. Экономическая составляющая, к сожалению, не связана с деятельностью нового института, что заставляет надеяться на возникновение соответствующих инициатив со стороны других подразделений университета. Зато остальные составляющие напрямую связаны с социально-гуманитарным институтом. Культурно-историческая подготовка непосредственно связана с воспитательной работой, ее цель — формирование ценностной картины мира студента, которая позволила бы ему ориентироваться в сегодняшнем сложном и меняющемся мире таким образом, чтобы стать социально

значимым человеком, личностью, участвующей в создании гражданского общества. Научно-философская подготовка позволила бы лучше ориентироваться в собственной профессии, глубоко и цельно понимать ее научные основы. О необходимости правовой подготовки тоже не приходится говорить, она очевидна. Лингвистические программы подготовки студентов, обучающихся по техническим, естественнонаучным, экономическим специальностям, существуют и разрабатываются отдельными инновационными ВУЗами (например, Томским университетом). Однако вряд ли можно было бы найти сегодня хотя бы один ВУЗ, который бы разработал серьезные программы подобной правовой, культурно-исторической и научно-философской подготовки, это невозделанная целина, в разработке которой наш университет мог бы стать почти первопроходцем.

Таковы перспективы, их реализация зависит прежде всего от осознания необходимости подобной работы всеми заинтересованными сторонами и концентрации усилий по ее последовательному и эффективному проведению.

НИЖНЕАМУРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТСКИЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫЙ ОКРУГ³⁴

Сегодня мы хотим рассказать нашим читателям об одном из уникальных проектов, созданном по инициативе и на базе нашего университета, — объединении образовательных учреждений Нижнего Амура.

³⁴ Статья написана с использованием материалов, предоставленных проректором по УР, исполнительным директором округа А. А. Бурковым и опубликована в феврале 2007-го года.

В феврале 2003 года было создано некоммерческое партнерство «Нижеамурский университетский образовательный округ». В его состав вошли наш университет, Дальневосточный открытый университет, Комсомольский-на-Амуре политехнический техникум и Комсомольский-на-Амуре металлургический техникум. Затем в состав округа вошли Комсомольский-на-Амуре финансово-экономический техникум, Промышленно-экономический техникум (г. Амурск) и Комсомольский-на-Амуре техникум отраслевых технологий, строительства, экономики и права.

Округ — научный, учебно-методический и координирующий центр профессионального образования. У Округа есть свой Устав и Учредительный договор.

Устав округа определяет, что его основными целями являются:

а) удовлетворение потребностей личности в интеллектуальном развитии посредством получения профессионального образования;

б) сохранение и приумножение нравственных, культурных и научных ценностей, общества;

в) создание на территории нижнего Амура сети учебных заведений, осуществляющих обучение на основе современных образовательных технологий;

г) создание условий для повышения имиджа членов Округа и Округа в целом.

Для достижения целей перед Округом ставятся следующие задачи:

- координация и согласование интересов членов Округа на пересекающихся и совместных рынках;
- согласование действий по взаимодействию с учебными заведениями, не входящими в Округ;
- содействие в установлении деловых связей и организации обмена опытом с образовательными организациями, фондами, союзами, округами, органами местного и федерального управления субъектов Российской Федерации;
- участие в работе фондов, союзов, ассоциаций, в которых уже оформлено членство Членов Округа, через участников в этих организациях и непосредственно;
- в части общих образовательных программ совместная работа на рынке образовательных услуг под единой торговой маркой с целью повышения конкурентоспособности Членов Округа и предлагаемых программ, выработка общей стратегии и совместных действий по противодействию внешним негативным тенденциям;
- организационное, правовое, информационное и коммуникационное обеспечение деятельности Округа и его Членов, законодательная инициатива;

- содействие и поддержка развития педагогической, научно-методической, инновационной деятельности членов Округа;
- создание единой системы подготовки преподавательского состава, ориентированного на удовлетворение потребностей образовательного процесса XXI века;
- создание условий, направленных на использование возможностей предоставляемых новыми информационными и коммуникационными технологиями, в целях повышения продуктивности профессорско-преподавательского состава;
- организация аккумулирования денежных средств для финансирования программ и мероприятий, направленных на выполнение уставных целей Округа изыскание дополнительных возможностей для привлечения инвестиций на их реализацию;
- издательская деятельность, выпуск информационных материалов, буклетов.

Округ вправе заниматься следующими видами деятельности:

1. Организация и проведение учебного, учебно-воспитательного и учебно-методического процесса.
2. Подготовка и издание учебно-методических материалов.
3. Предоставление юридическим и физическим лицам в РФ и в других странах услуг по образованию.
4. Организация и проведение различных курсов, лекций, семинаров, и других видов обучения.
5. Организация и проведение зрелищных мероприятий, торгов, аукционов, ярмарок.
6. Консалтинговые услуги в области образования, экономики, финансов, права, организации управления. Разработка схем хозяйственных операций, организация и осуществление этих операций. Консультационная, экспертная, преподавательская, рекламно-представительская, информационная, маркетинговая, научно-исследовательская, внешнеэкономическая деятельность, производство товаров народного потребления, промышленной и научно — технической продукции, строительство, как самостоятельно, так и через созданные им хозяйственные общества, оказание платных услуг, а также иные виды деятельности, направленные на реализацию уставных целей и не противоречащие действующему законодательству.

Члены Округа платят вступительные и членские взносы, он управляется Президентом, которым является ректор нашего университета Юрий Георгиевич Кабалдин.

Фактически Округ представляет собой единое образовательное пространство Нижнего Амура, в рамках которого учебные заведения

помогают друг другу решать стоящие перед ними задачи. Это, прежде всего, совместная учебная и научная деятельность, повышающая конкурентоспособность каждого из учебных заведений, создающая условия для введения единых учебных планов и способов контроля за качеством подготовки студентов и учащихся, что соответствует духу подписанных Россией Болонских соглашений и создает прецедент их реального внедрения. Насколько нам известно, подобных образовательных объединений на территории Хабаровского края больше не существует. Опыт Округа уникален и наверняка будет в скором времени востребован другими краевыми и региональными учебными учреждениями.

Уже сейчас совместная деятельность членов Округа позволяет привлекать в свои стены большое количество учащихся и студентов, улучшать материально-техническую и учебно-методическую базу, да и качество работы в целом. Студенты техникумов в рамках кафедральных проектов ориентируются на продолжение своего образования в университете после завершения техникума. Округ дает им такую возможность. Преподаватели техникумов проходят стажировки и обучаются на факультете повышения квалификации нашего университета. Проводятся совместные презентации образовательных программ, совместные ярмарки выпускников.

В непростых условиях поспешных и противоречивых реформ сферы образования только совместными усилиями можно выживать и улучшать работу. Можно смело предположить, что у Округа есть большое будущее, его консолидация будет продолжаться, есть надежда и на то, что состав Округа также расширится. Есть все основания утверждать, что Нижнеамурский образовательный Округ — важнейшая составляющая образовательного процесса на севере Хабаровского края.

ПОПЕЧИТЕЛЬСКИЙ СОВЕТ³⁵

Одним из инновационных проектов, созданных по инициативе нашего университета и лично — ректора Юрия Георгиевича Кабалдина, является Попечительский совет КНАГТУ. Быть может, уже очень скоро каждый университет будет управляться подобным советом во главе с Президентом, а пока это пилотный проект, способствующий прежде всего работе с выпускниками — решению проблем трудоустройства, формированию целевых студенческих мест в период набора, информированию предприятий города о государственной политике в области образования, заключению хоздоговоров, спонсорскому финансированию отдельных подраз-

³⁵ Статья написана с использованием материалов, предоставленных проректором по информатизации, секретарем совета С. И. Феоктистовым и опубликована в марте 2007-го года.

делений университета. Советом создан фонд, наполняемый средствами его участников. Решения совета носят рекомендательный для ВУЗа характер.

Сегодня в состав совета входят 24 предприятия города, каждое курирует определенное структурное подразделение университета и представлено своим руководителем. Вот список членов Попечительского совета КНАГТУ. ОАО «КНААПО им. Ю. А. Гагарина, Администрация города, МУП ГТУ «РУМА», ДРЗ «Авест», ОАО «Амурметалл», ОАО «Амурлитмаш», ФГУП ДВПО «Восход» (п. Эльбан), ФГУП ПО «Вымпел» (г. Амурск), Электрические сети г. Амурска, ООО Строительная фирма «Инфра», Дальстройцентр, Администрация Комсомольского района, Администрация Центрального округа, ООО «Инженерно-технический центр», ЗАО «Микроджет», Городской Центр занятости населения, Комсомольский филиал Региобанка, Тепловые сети, ТЭЦ-2, ТЭЦ-3, ОАО «Амурский судостроительный завод», Совет по предпринимательству при главе г. Комсомольска н/А, Технодизайн.

К числу основных целей, определяемых положением о совете относятся: содействие в решении актуальных задач развития КНАГТУ и формирования его как центра подготовки высококвалифицированных специалистов, способных решать задачи фундаментального и прикладного характера на уровне современных требований, экспертной и консультационной деятельности, внедрения новейших информационных и педагогических технологий, обеспечения конкурентоспособности на отечественном и международном рынках образовательных услуг. Основными задачами деятельности Попечительского совета вуза являются: содействие в финансировании и реализации перспективных инициатив и нововведений, новых информационных технологий, способствующих обновлению содержания образовательных программ; содействие развитию системы непрерывного экономического, духовного и нравственного воспитания студентов, становлению их деловых и профессиональных качеств; поддержка научно-исследовательской деятельности, формирование и развитие научных школ КНАГТУ; развитие фундаментальных и прикладных научно-технических разработок, интеграция учебного и научного процессов в КНАГТУ, кооперация с промышленными и научными организациями; содействие установлению и развитию международного научного, технического и культурного сотрудничества; содействие в строительстве объектов учебного, научного и социально-бытового назначения, приобретение оборудования, материалов, средств вычислительной и организационной техники, необходимых для учебного процесса и проведения научных исследований; социальная защита студентов, аспирантов, слушателей и сотрудников, включая профессорско-преподавательский состав;

пропаганда результатов научной, практической и иной общественно-полезной деятельности.

Советом руководит Общее собрание членов, Президиум собрания и Ревизионная комиссия. Общее собрание проводится 4 раза в год. Председателем Президиума является Виктор Иванович Меркулов, генеральный директор КНААПО. Минимальные целевые (ежегодные) взносы для коллективных членов Попечительского совета составляют 0,01% от планируемого годового фонда оплаты труда организации или предприятия, но не менее 10 минимальных зарплат по России. Минимальные целевые (ежегодные) взносы для индивидуальных членов Попечительского совета составляют 3 минимальных зарплаты по России.

По итогам 2006 года активное участие в работе Попечительского совета принимали 19 организаций, из них 11 постоянно оказывали материальную и спонсорскую помощь.

ПОСЛЕСЛОВИЕ. НЕСКОЛЬКО ВОПРОСОВ К АВТОРУ

СЛОВО О СУЩЕМ. ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ВАШЕ ПРАВО», БЕСЕДУ ВЕЛА ЖУРНАЛИСТ ЛАРИСА КОХАН³⁶

Нынешнее Российское государство мне представляется в виде зеркала, разбитого на мелкие осколки, в которых каждый видит лишь свое отражение. Целостность общества разрушена. А экономика — тощая коровенка, которую нещадно стегают по ребристым бокам, чтобы выжать из нее последние капли молока, которое достается лишь избранным и приближенным к властям. Мы — часть цивилизации, которая то ли эволюционирует, поставив на службу всякие технические новинки, то ли движется к своему закату, потому что чем больше человечество приобретает материальных благ, тем меньше в человеке остается духовности. В угоду золотому тельцу некоторые граждане совсем не прочь наступить на горло морали и нравственности.

С другой стороны мы еще не в худшее время живем — вспомним рабство, инквизицию, реки человеческой крови во времена Ивана Грозного.

Абстрагируемся от насущных проблем и взглянем на цивилизацию по-философски.

Осветить эту тему любезно согласился проректор КНАГТУ по связям с общественностью Илья Игоревич Докучаев, доктор философских наук, профессор, заведующей кафедрой философии и социологии.

И. И. Докучаев — выпускник двух Санкт-Петербургских университетов, его учителем был выдающийся петербургский мыслитель, создатель оригинальной гуманитарной школы Моисей Самойлович Коган.

За последние годы И. И. Докучаевым выпущены в свет весьма солидные монографии. Это интересные, и как отмечает д-р филос. наук, проф. М. С. Уваров, во многом пионерские по содержанию книги.

В 2009 г Санкт-Петербургская издательская фирма «Наука» РАН в серии «Слово о сущем» большим тиражом выпустило научное издание И. И. Докучаева — «Ценность и экзистенция. Основоположения исторической аксиологии культуры», где описываются основ-

---

36 Интервью записано в мае 2009-го года.

ные исторические типы ценностей от возникновения человечества до наших дней. Книга емкая и интересная по содержанию. Издана при финансовой поддержке гранта Президента РФ.

— Илья Игоревич, на ваш взгляд, наша цивилизация эволюционирует или движется к закату?

— На мой взгляд, какого-то определенного направления, определенной цели у истории человечества нет, но есть некоторые эволюционные тенденции, которые делают ее развитие обусловленным.

Человек изначально возникает как существо, которое не столько адаптируется к природе, как это происходит с остальными видами на планете, сколько наоборот, адаптирует окружающую среду к своим потребностям и целям. Этот адаптивный характер имеет ярко выраженную эволюционную составляющую.

С момента возникновения человека до настоящего времени все изменения в развитии человечества были связаны с процессом технического благоустройства, с тем, что мы называем материальной культурой. Человек постоянно совершенствовал орудия труда, предметы утвари, быта, системы строительства жилищ и т.д. И этот процесс был основной динамической силой эволюции человеческой истории.

В Эпоху Возрождения в Европе к техническому прогрессу прибавился научный, и эволюция из технической переросла в научно-техническую. Этот процесс в настоящее время значительно ускорился.

Подсчитано, что количество технических новшеств, изобретенных в XVIII-XIX веках, в два раза превышает все то, что придумано человечеством за всю предыдущую историю. А в XX веке изобретений было сделано в четыре раза больше, чем за 200 предыдущих лет. Прогресс ускоряется и очевидно, что весь этот процесс сосредоточен вокруг проблемы совершенствования условий существования человека.

Процесс адаптации окружающей среды существовал в течение длительного времени, но никогда в обществе не господствовали потребительские ценности. Они появляются только во второй половине XX века, становятся господствующими и определяют существо исторического периода.

Но, я всегда считал и говорю, что объяснить эволюцию человеческого общества, человеческой культуры только техническим прогрессом невозможно. Человек существо уникальное, обладает разумом и волей, и его эволюция выстраивается вокруг определенной системы ценностей.

Человек соизмеряет свое поведение с идеалом, руководствуется понятиями «добро» или «зло», «прекрасное» или «безобразное», «праведное» или «неправедное».

Система ценностей для человека и существа его бытия характерна так же как научно-технический прогресс. Она влияет на содержание конкретных проявлений человеческой деятельности: на искусство, научное познание, на создание определенного типа социальных институтов, определенного типа личности — всего того, что мы называем культурой. Возникает система ценностей из внутренней потребности человека в решении экзистенциального противоречия.

— **Поясните.**

— Каждый человек решает проблему смысла собственной жизни перед лицом смерти. Человек существо конечное, но сознание его бесконечно и он постоянно ощущает этот интервал — противоречие между конечностью собственного существования и бесконечностью собственного духа, если угодно.

И рост влияния ценностных систем, которые мы знаем в течение длительного периода истории, связан именно с тем, что это была единственная возможность человека ощутить смысл жизни, принять то, что с ним происходит.

— **То есть человек придумывал себе сказку, чтобы легче жилось?**

— Я не хочу сказать, что это сказка, но интенсивность роли системы ценностей во многом объясняется именно неэффективностью материально-технической эволюции.

Эти две силы — система ценностей и научно-техническая эволюция в течение длительного исторического периода взаимодействуют и порождают различные компромиссные модели поведения человека и общества.

Система ценностей всегда тормозит историческую эволюцию, научно-технический прогресс ее ускоряет. В определенный момент времени главенствовали религиозные системы ценностей. Начиная с эпохи Возрождения это различные политико-идеологические системы.

Во второй половине XX века формируется общество массового благосостояния или массового потребления, когда, наконец, ценности начинают не столько противостоять научно-технической эволюции, сколько наоборот отражают основное ее существо.

В настоящее время человеку для разрешения экзистенциального противоречия достаточно господствующей системы ценностей экстенсивного потребления: чем больше ты потребляешь, тем более осмысленно ты живешь.

— **Но разве это правильно?**

— Мне кажется, человечество всегда к этому стремилось, но никогда не могло достичь эффективности на этом пути.

Все, что теперь происходит в обществе, нацелено на экстенсивное потребление. Это видно практически по всем формам культуры. Важным показателем этого процесса является мода, реклама, новые технологии. Основным критерий деятельности политиков — рост или снижение ВВП.

Люди создают различные формы социального престижа, связанные с тем, какая у человека машина, квартира, сколько раз он съездил за границу. И чем больше, тем лучше, чем новее — тем лучше.

Художественные произведения измеряются по количеству проданных экземпляров. Фильм хорош не потому, что это произведение искусства, а потому что его посмотрело много зрителей. То же происходит с наукой. Важна не сама суть научного открытия, а его практическая значимость.

А какая практическая значимость тех же философских открытий? Скорее наоборот, есть практическая вредность, потому что философия как раз показывает относительность и ограниченность всякой практической значимости.

Ценность экстенсивного потребления в современном мире является сейчас господствующей, но я не думаю, что так будет происходить всегда.

— То есть если человек существо заведомо духовное, то эта его часть может и просигнализировать: не туда идешь человек, сворачивай на другую дорогу.

— Я думаю, что духовность полностью подчинилась процессу экстенсивного потребления, и выработало адекватную ему форму.

Сказать, что потребление — это плохо, нельзя. Это решение многих проблем: проблемы голода, нищеты, тяжелого физического труда. Это то, к чему человечество стремилось всегда и это можно понять.

Другое дело, что так долго это продолжаться не может. Если современные тенденции развития нашей цивилизации сохранятся, то к концу XXI века наступит критическая ситуация, вызванная истощением ресурсов, падением промышленного производства, резким сокращением количества пищи на душу населения при одновременном сильном загрязнении окружающей среды. Развитые страны благоденствуют, переживают период относительной стабильности, изобилия товаров, роста производства при высоком уровне жизни населения. Это создает иллюзию благополучия. Но она основана на необходимости поддерживать современные темпы роста производства, а именно такой рост неуклонно ведет нашу цивилизацию к кризису. Бедные страны прилагают огромные усилия, чтобы достичь уровня передовых и, тем самым, лишь приближают трагическую развязку.

— Иначе говоря, человечек сам себя пожирает, и, похоже, целенаправленно двигается к этой цели.

— Он собственно не отдает себе отчет в том, что его ждет гибель. По крайней мере, каких-либо акций, направленных на сокращение производства, на регуляцию загрязнения окружающей среды мировое сообщество пока не предпринимает.

Хотя человечество не настолько хаотичный и неуправляемый мир, и мне кажется, что какие-то потрясения и серьезные катастрофы должны привести к тому, что ситуация должна как-то выправиться.

— **Катастрофы технического плана?**

Прежде всего, экологические. Хотя ничего не гарантировано. Вполне может оказаться и так, что все просто погибнет. Но я надеюсь, что человек воспользуется таким своим даром, как разум и надвигающаяся катастрофа будет как-то скорректирована.

А, кроме того, я хотел бы обратить внимание на то, о чем мы говорили вначале, на уникальность человека. Ведь система экстенсивного потребления во многом противоречит человеческой природе.

— **Почему?**

— Она, прежде всего, уничтожает эту самую уникальность человека, стандартизирует его, превращает в винтик в рамках политико-производственной машины.

— **И человек против этого восстает, ему это не нравится?**

— Да, восстает. Хотя пока его восстание происходит в несколько странных формах, в формах этой самой культуры потребления. Ну, например, если у тебя много денег, то ты уже можешь позволить себе машину не серийного производства, а ручной сборки, можешь себе позволить индивидуального врача, или обучение на дому. То есть индивидуализация, процесс, который характерен на протяжении всей истории культуры, все равно дает о себе знать, пока вот в таких, можно сказать превращенных формах, но, тем не менее, это важный симптом.

— **Люди возможно и сами не подозревают, что это симптом и пора лечить заболевание?**

— Я бы трактовал этот симптом как признак выздоровления.

— **Это для общества, а для отдельного человека? На мой взгляд, это ненормальность.**

— Нет, как раз нормой на сегодня является потребление. Абсолютной нормы вообще нет, она подвижна, постоянно меняется и исторически относительна.

— **Но вот в Библии провозглашено, что богатому в рай попасть сложнее, чем в игольное ушко пролезть. Эту ценность тоже можно поменять?**

— Для верующего человека, наверное, поменять невозможно. Но мы прекрасно понимаем, что и до Библии и после нее и вне ее было

и есть огромное количество культур, и что же, мы будем их игнорировать и говорить, что все они относились к миру не верно, а христиане верно? Нет, я так никогда не считал. Я всегда считал, что любые системы ценностей относительно, преходящи, изменчивы, а в целом образуют плюралистичную картину.

— То есть, если человек потребитель, то вокруг него выстраиваются определенные ценности, если он духовная личность, то выстраиваются другие ценности. И мы будем говорить — что это человек хороший и гениальный, и этот человек хороший и гениальный, хотя сидеть он предпочитает на золотом унитазах.

— Кто такие «мы»? Меня, например, всегда интересует в этих вопросах, кто такие «мы».

Вы, например, как представитель определенной группы, исповедующей определенные ценности, будете говорить, что человек, который на золотом унитазах сидит — полный урод. А тот, кто будет сидеть на унитазах, будет говорить, что вы недотепа, который не в состоянии ничего сделать и тоже полный урод.

И вот эта конфронтация между системами ценностей будет происходить, пока мы не поймем, что все ценности относительно и изменчивы.

— Конфронтация нарастает, богатых мало, бедных много, они ненавидят друг друга и никогда не поймут. Тогда должна быть какая-то общая ценность — гармония, справедливость.

— С моей точки зрения, во взаимодействии различных ценностных систем, возможно, то, что в философии называется Диалог.

В рамках диалога происходит взаимообогащение этих ценностей. Не критика, не конфликт, а приобщение к тому, что можно принять из одной системы и направить в другую.

Но я глубоко убежден, что никакие духовные проблемы никакая политика разрешить ценностные противоречия не сможет. Можно решать объективные проблемы, связанные с условиями физического существования человека: голода, болезни и т.п. Но невозможно решить проблему субъективного или духовного характера. Как можно объяснить человеку, что нельзя убивать кого-то, только потому, что он принадлежит к другому вероисповеданию. Мусульмане верят в священную войну Джихад, и пока ислам не стал господствующей религией, исламисты находятся по отношению ко всему остальному миру в состоянии священной войны. И я не могу объяснить, что это плохо, если это вписано в его систему ценностей. Или буддисты. Я не могу объяснить по-настоящему правоверному буддисту, что имеет смысл как-то поддерживать человеческое здоровье, стремиться к тому, чтобы создавались приемлемые условия для материального благосостояния человека, потому что с точки зрения буддизма

весь наш мир — это ничто, иллюзия. У каждой из этих точек зрения нет оснований, они приняты на веру, как система ценностей, разрешающих экзистенциальное противоречие. И сколько бы не было сообществ, у каждого — определенная система ценностей.

— **На ваш взгляд, возможно ли построение справедливого общества?**

— В зависимости от того, у кого какие ценности, тот так и будет считать, справедливое это общество или нет. Коммунисты считают, что все нужно поделить. Аристотель считал, что каждому нужно дать по его достоинству — что заслужил, то и получаешь. Марксизм в его классическом варианте именно такую систему ценностей и социальной справедливости выстраивал. Она сложнее была. Но в Советском Союзе это преподносилось именно так: всем должно быть примерно поровну. Потом это стало называться уравниловкой.

— **Но от каждого по способностям, каждому по труду — это же нормальная система ценностей, на все времена простая и понятная.**

— Но реально экономическая система была устроена так: вот потолок зарплаты, пенсии, вот количество метров жилплощади, на которую ты можешь претендовать.

Я считаю, что можно и вполне реально построить общество, где была бы выстроена какая-то формальная справедливость, в котором бы соблюдались объективные права человека: гарантии для каждого члена общества каких-то элементарных материальных благ, законодательное равенство для всех, невмешательства государства в дела личности и другие гарантии неценностного характера. Такое общество возможно, но не для всех. И возможно никогда для всех общество не будет справедливым.

Но благодаря созданию значительного количества материальных благ сегодня можно компенсировать те или иные социальные провалы и решать социальные проблемы, что собственно в развитых странах хорошо делается. Другое дело, мы знаем, что в большинстве стран мира нет этих средств, чтобы быстро решать насущные проблемы.

— **С одной стороны, мы исчерпали природные ресурсы, с другой — на всех материальных благ не хватает, и мы опять попадем в тупик. Раз мало, то вырисовывается кучка богатых, которая хватается власть и говорит, да, ну ее, эту заботу о народе, о себе бы подумать. И начинается новый процесс бездуховности и бескультурья.**

— Кучка богатых, о которых мы с вами говорим, заинтересована в эффективности своего производства, которая основана уже не на физическом, а на интеллектуальном труде. Следовательно, она должна будет давать серьезное образование наемным работникам, допускать

их до управления производством. Круг богатых, так или иначе, расширяется и, образуется так называемый средний класс.

— **Это в теории выглядит хорошо.**

— В нашей стране еще не самый плохой вариант. В Африке, Индии порядка 70% населения не доедают или находятся в состоянии медленной смерти от голода. У нас еще много нищих, но тех, кто не доедает — порядка 30%.

— **Но это все равно много**

— Много, очень много, вопросов нет. У нас снизилось и потребление мяса и других калорийных продуктов. Если посмотреть все социологические выкладки, то ничего хорошего нет.

— **Почему то, что было наработано в нашей стране, разрушается? У нас политики плохие, или народ плохой?**

— У нас государство в начале 90-х годов выпустило все рычаги управления социально-экономическими процессами, что привело экономику к коллапсу. И здесь большая, значительная вина государства.

Распад Советского Союза, разрушение экономических отношений, уничтожение 80 процентов производственных отношений — это конечно коллапс.

И то, что сейчас происходит — это такое медленное восстановление. У нас огромное количество ресурсов, мы их по бросовым ценам продаем, и за счет этого пытаемся решать какие-то элементарные социальные проблемы.

Говорит правительство о высоких технологиях, о модернизации и индустриализации, но программы четкой нет. Вот когда будет программа — столько-то заводов, дорог построить в течение этого года, столько в течение следующего, и когда через год будет отчет о том, что были вложены миллиарды от продажи ресурсов в строительство важных предприятий и получен результат, тогда увидим, что правительство работает. Но пока оно только говорит. Иногда просто диву даешься, о чем говорит — сократить количество часовых поясов. Это проблема. Проблема не в том, чтобы построить определенное количество заводов, а чтобы изменить траекторию движения солнца — это уже какие-то маразматические завиральные идеи. Стыдно такое слышать.

Восстановление экономики сложный процесс и тормозит ее рост, прежде всего, продажа полезных ископаемых.

— **Может ведь наступить и критическая точка.**

— Не исключено

— **Может, народу начинать революционный процесс? Пока живо поколение советских людей, они будут болеть душой за государство, потому что в них есть еще дух патриотизма.**

— Но у нас очень умело действуют политики в плане организации протестного социального сектора. Они культивируют политическую среду. В стране легализованы партии либо лояльные к существующему режиму, либо настолько одиозные и не популярные, что им трудно победить на выборах.

— **Вы обучаете студентов, какую бы вы отметили наиболее яркую особенность молодежи?**

— Я бы отметил то же самое, о чем говорил вначале, ту же ценность экстенсивного потребления. Отсутствует интерес к изучению предмета, а есть только интерес, насколько полученные знания будут приносить доход.

— **Это повальное явление?**

Увы. Студент каждый раз спрашивает, зачем он должен изучать эту дисциплину. И когда ему пытаешься объяснить, что это элемент университетского образования, каждый образованный человек это должен знать. В конце концов, это интересно, потому что вы — люди, а человеку любопытно знать вообще о достижениях человечества, о том, что бывает и так и эдак, и что в каждом предмете есть свои глубины, которые можно постичь. Нет, это никого не интересует. А в большинстве случаев все еще даже гораздо хуже. Они не просто не хотят изучать то, что им может не пригодиться, а вообще ничего не хотят изучать. Хотят просто получить диплом, купить его, без всякого усердия в познании.

— **Это печально.**

— Образование в глубоком процессе стагнации и вырождения.

При наплевательском отношении государства к собственной экономике, не нужны ни наука, ни вузы, ни подготовка кадров для этой экономики. Образование финансируется в 80 раз меньше, чем во времена Советского Союза. В аспирантуру никто не идет, престиж работы в вузе и в школе упал. И потребовать ни с кого невозможно, потому что низка оплата труда преподавателя.

— **Ощущение, что это какое-то вредительство.**

— Да, есть такое ощущение. Но на самом деле, сложившаяся мировая экономическая конъюнктура позволяет государству сохранять власть. Оно не вредит, оно просто не шевелится.

— **Такое наплевательское отношение к собственной экономике присуще только нашей стране?**

— Я думаю, что страны, которые живут экспортом, находятся примерно в таком же положении.

— **Нашей цивилизации присущ индивидуализм или оно более тяготеет к объединению?**

— Присуще и то и другое. Мы не можем жить без общества, потому что мы существа социальные, но при этом уникальные. И то и другое начало не должно быть ущемлено в пользу другого.

— **Вы разделяете точку зрения, что человек существо божественное?**

— У меня как у ученого оснований для подобного вывода нет. И, по-моему мнению, человеку надо брать ответственность на себя, и решать проблемы за счет собственных сил, а не полагаться на Господа Бога.

— **Большое вам спасибо за интересную и содержательную беседу. Какие-то точки над і поставлены.**

**Я КОЛЛЕКЦИОНИРУЮ СМЫСЛЫ ЖИЗНИ.
ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «МОЯ ГАЗЕТА»,
БЕСЕДУ ВЕЛА ЖУРНАЛИСТ ИРИНА ХАРИНА³⁷**

Сегодня гость нашего номера — философ и культуролог, автор нескольких научных книг, выпускник Санкт-Петербургского университета, проректор по связям с общественностью КНАГТУ, доктор философских наук Илья Игоревич Докучаев.

— **Илья Игоревич, Вы изучаете ценности человека в историческом аспекте. Скоро в издательстве «Наука» в популярной философской сувенирной серии «Слово о сущем» выйдет Ваша книга «Ценность и экзистенция». О чем она?**

— Это научно-популярное исследование традиционных и модернизированных типов человеческих ценностей, моделирующих культуру, центром каждого культурно-исторического типа является смысл жизни. Впервые все модели различных форм культуры сведены в единые культурно-исторические типы. Все версии смыслов жизней проанализированы и систематизированы.

— **Почему возник интерес к этой объемной теме?**

— Я не нашел в современной философии подобных исследований, хотя сейчас трудно уследить за всем, что происходит в научном мире. По крайней мере, в Санкт-Петербурге философская общественность признала новизну моего исследования. Проблема человека современного мира — поиск себя. Я работаю со студентами в КНАГТУ, преподаю философию и культурологию. Я часто спрашиваю родителей абитуриентов: «Почему Ваши дети выбрали ту или иную специальность?». «Потому что она хорошо оплачиваемая», — такой ответ довольно часто можно услышать. Они руководствуются принципом пользы, а не уникальности каждого человека.

— **Каждый человек уникален?**

---

³⁷ Интервью записано в феврале 2008-го года.

— Да, несомненно. Задача современного учителя — познакомить ученика со всем многообразием существующих типов ценностей, чтобы они могли выбрать свои. Я всегда говорю абитуриентам, чтобы они выбирали то, что им нравится, тогда они смогут получить удовлетворение от своей работы и принести большую пользу обществу и себе, в том числе и финансовое благополучие.

— **В чем отличие современных систем ценностей от традиционных?**

— Люди создают сообщество, чтобы сохранить не каждого человека, а именно человечество. Для сохранения своего сообщества они создают ценности, руководствуясь как субъективными, так и объективными соображениями пользы, полезности. Экстенсивное потребление — важнейшая из современных ценностей, и она производна именно по отношению к пользе. Не могу сказать, что это смысл жизни всех, но он захватывает все сферы культуры: — и науку, и искусство и современный тип человека, и общественные отношения, и производство материальных благ. Когда все витальные потребности человека как биологического организма будут удовлетворены, возможно, возникнет новый тип ценностей, хотя потребности человека, как мы наблюдаем, обладают перспективой безграничного роста. Смысл жизни человека современного мира — как можно больше потреблять.

— **Сейчас на рынке ценностей много предложений. Есть большой интерес к этой теме, так как не все люди хотят только потреблять.**

— Мне кажется, что лучшее из этих предложений — энциклопедии ценностей, где показывается относительность того или иного способа мышления, менталитета. У всех людей разные умы. Это мое убеждение. Изучая мир и разные системы ценностей, мы примеряем их на себя. И находим свою уникальность.

— **Какой из философов Вам ближе всего?**

— Сократ. Он говорил: «Философия — это искусство повивальной бабки». И ее задача проста — помочь человеку найти то, что ему нужно. Он ничему никого не учил, а ходил и задавал вопросы людям. И задавал их так, что потом эти люди сами становились философами. Например, Аристипп говорил, что смысл жизни в удовольствии, а Антисфен, наоборот, что смысл жизни в аскезе. Все многообразие школ возникло из сократовского вопрошания — эпикурейцы, стоики, скептики. У всех был один и тот же учитель.

— **Насколько, по-вашему, актуальны ценности, выраженные в библейских текстах?**

— Основной принцип, заложенный в Новом Завете и у философа И. Канта: «Поступай с другими так, чтобы смысл того, что ты делаешь,

был бы приемлем для всех», на мой взгляд, неверен. Ведь то, что я делаю, не может быть приемлемо для всех остальных. Это я делаю, а я уникален. И вообще не надо ничего делать с людьми, пока они об этом не просят. Не прийти и дать что-то готовое, а ОТКЛИКНУТЬСЯ НА ЗОВ. Главное в мире ценностных оснований, человеческих взаимоотношений — помощь, а не унификация поведения по каким-то стандартам.

— **Как Вы думаете, мысль материальна?**

— Никто не знает, как выражена физиологически мысль у человека, и где находится то место, которым он думает. Есть какие-то попытки в науке — по движению зрачка, по измерению биологических полей головного мозга выявить материальность мысли и ее источник. Пока это тайна, которую надо разгадывать...

— **У Вас есть сын. Он взрослеет...**

— Вчера он впервые выступал на сцене. Он учится играть на скрипке у талантливого педагога в музыкальной школе...

— **Он задает экзистенциальные вопросы?**

— Да.

— **Что Вы отвечаете?**

— Самое главное, чтобы ты разобрался в том, что тебе нужно, а я расскажу о том, что существует.

— **Когда он спрашивает «Умрет ли мама?», что Вы говорите?**

— Я говорю, что мы все умрем.

— **А когда он спрашивает: «Почему?»**

— На этот вопрос я ему ответить не могу. На этот вопрос он должен ответить себе сам, выбрав свою систему ценностей. А пока я учу его ничего не принимать на веру. Скепсис — это очень здоровая вещь.

— **Вы верите, что тело — это лишь временный костюм, который мы меняем из жизни в жизнь?**

— Этот вопрос выходит за пределы моего человеческого и научного опыта.

— **Надо ли вообще обсуждать эту тему с детьми или достаточно научить их полезным вещам?**

— Конечно, надо. Без ценностей жить нельзя. Но они должны вырасти изнутри. Быть выстрадаанными, если хотите.

— **Ваш сын прочтет Вашу книгу?**

— Я и так ее ему расскажу.

— **Вашему ребенку повезло! Вы умеете рассказывать просто о сложных вещах. Будем ждать Вашу книгу. Надеемся на увлекательное чтение. Творческих успехов Вам и Вашим ученикам!**

— Спасибо.

**ИНДУСТРИАЛЬНОМУ ЦЕНТРУ — КЛАССИЧЕСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ.
ИНТЕРВЬЮ ГАЗЕТЕ «ИЗВЕСТИЯ»,
БЕСЕДУ ВЕЛ ЖУРНАЛИСТ СЕРГЕЙ МЕЛЬНИЧЕНКО³⁸**

Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет — один из крупнейших ВУЗов на востоке страны. Он обеспечивает кадровым потенциалом дальневосточный индустриальный центр. Географическое положение определяет особенности в научно-преподавательской и общественной деятельности высшего учебного заведения. Вот что рассказал нашему корреспонденту доктор философских наук, профессор, проректор университета Илья Игоревич Докучаев.

— Комсомольск-на-Амуре по праву называют дальневосточным индустриальным центром. Здесь расположены крупнейшие промышленные предприятия региона, сосредоточены авиастроительная, судостроительная, машиностроительная, металлургическая и нефтеперерабатывающая отрасли. Город с населением в 270 тысяч человек ежегодно дают больше половины общего бюджета Дальнего Востока. С объемом создаваемой комсомольчанами прибавочной стоимости не может сравниться ни одна область, ни один край от Чукотки до Байкала. В основе — высококвалифицированный кадровый потенциал, который можно назвать «золотым», да он и ценится на вес драгоценного металла. Где, например, в регионе ещё можно найти специалиста в области самолетостроения? Этим и определяется специфика Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета, который несколько лет назад отметил свое 50-летие.

Выражение «кузница кадров» в данном случае очень точная характеристика нашего университета. Особенно это стало проявляться с начала 90-х годов прошлого столетия, когда пополнение кадрового потенциала извне практически прекратилось, и, более того, начался отток специалистов в западные районы страны, где можно было спокойнее и комфортнее пережить, как сейчас говорят, «лихие» годы. Сейчас миграционный процесс стабилизировался, но наплыва желающих приехать в Комсомольск-на-Амуре, чтобы пополнить штаты промышленных производств, не наблюдается. Предприятиям приходится рассчитывать только на местные кадры. Подготовка инженерно-технических кадров ложится на технический университет, который обладает солидным преподавательским корпусом. У нас преподают дисциплины 54 доктора наук, свыше 300 кандидатов наук. Ведется большая научная работа, которая имеет в основном при-

---

38   Интервью записано в январе 2009-го года.

кладной характер, так как исследовательская деятельность также направлена на удовлетворение запросов наших заводов. Мы готовим студентов, а у нас обучаются на очных и заочных отделениях свыше 12 тысяч человек, по более ста специальностям. В том числе и по таким направлениям, по которым на Дальнем Востоке получить высшее образование негде. Это, например, инженеры-самолетостроители, которые пополняют коллектив Комсомольского-на-Амуре авиационного производственного объединения имени Гагарина. Это специалисты в области нефтепереработки и химических технологий, которые требуются Комсомольскому-на-Амуре нефтеперерабатывающему заводу, входящему в состав государственного холдинга «Роснефть». Это инженеры-металлурги для сталелитейного производства акционерного общества «Амурметалл» и специалисты-корабелы для Амурского судостроительного завода. Широкую «линейку» инженеров для машиностроительных предприятий выпускает бывший механический факультет, а ныне — институт компьютерного проектирования машиностроительных технологий и оборудования. То есть, ещё раз повторю, что структура университета ориентирована, как сейчас принято говорить, на реальные секторы экономики, функционирующие в городе. Потому что мы прекрасно понимаем, что никто из Хабаровска, Владивостока, Благовещенска или Петропавловска-Камчатского к нам не приедет и заниматься нашим производством не будет. Нам приходится с этим справляться самим. Ежегодно университет выпускает около 2 тысяч специалистов.

— Статус технического университета, находящегося в индустриальном городе, многое объясняет. Наверняка, это предопределяет и взаимоотношения ВУЗа с руководством промышленных предприятий, со всей системой городского профессионального и школьного образования.

— Вы правы. У нас очень глубокие контакты с производством, которые многоступенчаты и осуществляются на разных уровнях. Существуют две общественные организации — Попечительский совет университета и Нижнеамурский университетский образовательный округ. В Попечительский совет входят представители всех крупных предприятий города, а также среднего и малого бизнеса. На совете мы обсуждаем стратегию формирования «линейки» специальностей, в которых нуждаются промышленные предприятия, выделяем целевые места для зачисления вне общего конкурса студентов, направляемых к нам на обучение предприятиями. Решаем вопросы материальной поддержки лучших студентов, поощряя их к овладению инженерными профессиями. Нижнеамурский университетский образовательный округ включает представителей среднего специального и школьного образования, с которыми мы со-

вместно вырабатываем тактику подготовки специалистов для промышленных производств, сотрудничаем в области разработки методических материалов, обмена информацией и так далее. Это политехнический и металлургический техникумы, колледж отраслевых технологий, все учебные заведения, которые, по существу, занимаются теми же проблемами, что и университет. Мы активно работаем со школьниками. Открыли для них в высшем учебном заведении два так называемых малых факультета, где ребята постигают «азы» профессии и готовятся к поступлению в ВУЗ. Машиностроительно-металлургический малый факультет ориентирован на нужды «Амурметалла», а самолетостроительный малый факультет работает в интересах Комсомольского-на-Амуре авиационного производственного объединения.

Мы проводим в городских школах массу мероприятий по профессиональной ориентации, дни открытых дверей, презентации выпускников, ярмарки вакансий, различные рекламные акции, которые направлены на решение главной задачи — пополнение кадрового потенциала промышленного комплекса. С этой целью совместно с предприятиями участвуем в создании системы школьных профильных классов, где учебные занятия ведут университетские преподаватели, а финансовую сторону обеспечивают заказчики-заводы.

Такая система в нашей стране уже существовала. Кстати, я сам в свое время заканчивал профильный класс. Её специфика заключается в том, что обычная школьная программа усиливается за счет дополнительных часов — факультативных занятий, где ведется подготовка учеников по определенным специальностям, в которых заинтересовано то или иное предприятие. Участие университетских преподавателей говорит о том, что мы ориентируем детей на поступление в ВУЗ. Помимо теоретической части ребята усваивают и практические знания. Они довольно часто посещают завод, смотрят, как устроено производство, прослеживают технологическую цепочку. «Гиды» из числа технического и экономического менеджмента посвящают учеников в детали производства, рассказывают о механизме поставок комплектующих и сырья, сбыте готовой продукции, финансовой стороне дела. Ребята узнают предприятие, его сильные стороны и нужды, познают систему функционирования завода, они уже представляют себе будущую работу и суть своей профессии. Раньше конкурс при поступлении в университет для выпускников профильных классов, которые готовятся по заявкам предприятий, был минимальным. С 2009 года ЕГЭ — единый государственный экзамен — из разряда эксперимента переведен в обязательный элемент вузовских вступительных испытаний. Существенных преференций при поступлении в университет у этих ребят не будет, но подготовка, которую мы им даем в профильных

классах, на малых факультетах и в университетском техническом лицее, где мы также целенаправленно готовим школьников, достаточно качественная, чтобы выдержать экзамены, в том числе и ЕГЭ. Я уже сказал, что мы настраиваем учеников на поступление в ВУЗ, но такая предварительная подготовка, конечно же, позволяет им успешно обучаться в техникумах и профессиональных училищах. При этом не скрою, что в городе идет жесткая конкуренция за школьных выпускников. Мы конкретно знаем, сколько их, что это за ребята. Понимаем, что количество выпускников стремительно уменьшается, и что пик этого сокращения ещё впереди. Поэтому, как бы это «эгоистично» не звучало, стремимся их сориентировать, прежде всего, на себя. В этом заинтересованы и наши партнеры — промышленники.

Если продолжать тему конкуренции, то нельзя не упомянуть о соперничестве за абитуриентов с хабаровскими ВУЗами, в том числе негосударственными высшими учебными заведениями, которые до последнего времени имели в городе свои представительства. Фактически же они исполняли роль консультационных пунктов, которые «из-под полы» вели учебный процесс. Этого делать было нельзя. Сейчас они ликвидированы, официально запрещены. Подобные функции могут выполнять только филиалы ВУЗов, а им необходимо пройти непростую процедуру аккредитации и лицензирования на право проведения образовательной деятельности. Так что, на сегодняшний день, с этой стороны у нас конкуренции в городе нет.

— Что подвигло Комсомольский-на-Амуре государственный технический университет открыть собственный филиал в районном центре Ванино?

— Ванино — это крупный рабочий поселок, мощный транспортный и промышленный узел на побережье Татарского пролива. Это морские ворота Хабаровского края во внешний мир. Эту территорию не обошли стороной социально-экономические проблемы, присущие Комсомольску-на-Амуре и региону в целом: миграция, а Ванинский район с начала 90-х годов покинула почти четверть населения, остро поставила вопрос о сохранении и подготовке местных кадров с высшим техническим образованием. Они требуются для работы Ванинского морского торгового порта, строящихся и проектируемых здесь российскими горно-металлургическими корпорациями морских перегрузочных терминалов, лесодобывающей и перерабатывающей промышленности, развивающейся нефтяной компании, которая снабжает предприятия и флот горючесмазочными материалами. Филиал готовит инженеров-строителей, специалистов по организации транспортных перевозок и работе электрооборудования, обучает таким компьютерным специальностям, как информационные системы

в экономике, программное обеспечение информационных систем и многому другому, что необходимо для функционирования локальной экономики. Она испытывает большую потребность в профессионалах, приток которых извне крайне ограничен. Это понимают правительство Хабаровского края, районные власти, руководители местных предприятий, которые оказали помощь и поддержку университету в организации здесь филиала технического ВУЗа. Помогли нам и заводы Комсомольска-на-Амуре.

В центре Ванино университет приобрел 4-этажное здание, отремонтировал его, разместил учебные аудитории, компьютерные классы, лаборатории, библиотеку, создал мощную материально-техническую базу. Открыта гостиница для преподавателей, которые туда приезжают работать. Некоторые университеты не укомплектованы так, как Ванинский филиал. Это действительно реальное высшее учебное заведение. Конечно, существуют кадровые проблемы, как, впрочем, и во всех вновь образуемых филиалах. Это профессиональное училище можно организовать за 2 года, а университет создается долго — там формируются традиции. Это касается и филиала университета, который поднимается «с нуля». Ведь, например, процесс подготовки профессора со школьной скамьи занимает 25-30 лет. Сейчас в филиале готовятся собственные преподавательские кадры, уже много аспирантов. На сегодняшний день в филиале обучается по очной и заочной форме около полутора тысяч человек. Это и решение важнейшей социальной задачи — закрепление населения.

Создание высшей школы в Ванино — это стратегическое направление в деятельности университета. Оно учитывает перспективу территории, на которой формируется крупнейший на Дальнем Востоке Ванино-Советскогаванский транспортно-промышленный узел. Потребности в квалифицированных кадрах возрастут и в связи с обустройством открытой экономической зоны портового типа в Совгаванском морском порту. Надо понимать, что приход солидных инвестиций на ту или иную территорию, где планируется размещать инновационные проекты, рассматривается корпорациями и финансовыми институтами, в том числе, и с точки зрения наличия современного кадрового потенциала.

— **Экономике нужны профессионалы. Но, как известно, «не хлебом единым жив человек». Университетское образование предполагает «набор» классических знаний, широкую эрудицию, а не только узкую специализацию в какой-то определенной технической отрасли.**

— Безусловно. Мы понимаем, что невозможно готовить так называемых узкопрофильных специалистов, университетское образование предполагает энциклопедические формы подготовки современного инженера. Оканчивая высшее учебное заведение, он должен владеть ино-

странным языком, иметь правильное представление о современной рыночной экономике, понимать политические процессы, происходящие в российском обществе и в мире в целом. Поэтому активно развиваем кафедры, которые занимаются подготовкой студентов в этих вопросах. И, в то же время, мы прекрасно понимаем, что профессионалы на этих кафедрах будут работать только тогда, когда сами эти кафедры будут выпускающими, то есть готовить профильных специалистов с высшим образованием. У нас значительное количество социально-гуманитарных специальностей и специальностей в сфере экономики и управления. Это примерно треть всего количества выпускников. В начале 90-х годов, когда эти профессии пользовались огромной популярностью и востребованностью, поскольку производство находилось в жестком кризисе, и за них люди платили деньги, университет за счет этого выжил. Гуманитарное обучение, как это не покажется парадоксальным, выполняло такую финансовую функцию. Но сегодня социально-экономические специальности приобрели самоценный характер. Мы видим, что город нуждается не только в производстве, но и в развитой социальной, культурной, интеллектуальной сфере. Достичь этого можно, предоставляя молодым людям весь спектр возможностей реализовать свой человеческий и умственный потенциал. И, если хотите, честолюбивый — тоже. И делать это ни в Москве или Санкт-Петербурге, а в Комсомольске-на-Амуре. Поэтому мы стремимся к тому, чтобы давать классическое образование, хотя, конечно, преимущество в наших конкретных условиях отдается техническим специальностям.

Здесь важна мировоззренческая позиция, понимание того, что существует определенная грань или баланс, нарушив который, мы обрекаем индустриальный город на «хождение по кругу». По кругу перманентно возникающих кадровых проблем, обусловленных оттоком молодежи. Молодые и зрелые люди уезжают в Хабаровск, Владивосток, не говоря уже о крупных западных городах, потому что там помимо заводов, есть еще культурная и социальная инфраструктура, которая позволяет современному человеку почувствовать себя человеком, а не только придатком заводского станка. Мы не можем приписать людей к дворянскому поместью, как это было во времена крепостного права, или запретить миграцию жесткими административными мерами. Единственный ограничитель, а, лучше сказать, побудительный мотив остаться жить и работать в городе — это формирование цивилизованной городской среды. А вот в этом немалая роль отводится классическому университетскому образованию и его доступности, которое формирует и образ жизни, и образ мыслей.

С этой точки зрения мы зачастую встречаем недопонимание нашей политики. Технический университет упрекают в том, что он ведет непрофильную подготовку студентов. Должен сказать, что наш универ-

ситет — один из крупнейших ВУЗов Хабаровского края, который вообще этими направлениями работы занимается. У нас существует 3 экономических факультета — инженерно-экономический, экономики и технологии и экономики и менеджмента, а также 3 социально-гуманитарных факультета — филологический — он называется факультет языковых коммуникаций, социальный факультет и факультет культурологии, истории и связи с общественностью. У нас по этим профилям преподают 15 докторов наук. Это не пресловутые «подснежники», которых приписывают к кафедрам, а реальные ученые, работающие на штатной основе и проживающие в городе. О достигнутых результатах и ценности научного потенциала, говорит, в частности тот факт, что у нас на кафедре культурологии работают 3 доктора и 30 кандидатов культурологии. На Дальнем Востоке ничего подобного нет. Например, во Владивостоке нет ни одного доктора культурологии, в Хабаровске и в Благовещенске — по одному. Мы регулярно отправляем в докторантуры крупнейших ВУЗов нашей страны преподавателей, которые специализируются в гуманитарных науках и хотят себя реализовать в Комсомольске-на-Амуре. У нас уже много людей, готовых защищать докторские диссертации. Растет кадровый потенциал, растет материально-техническая база, и, что очень важно, растут научные школы.

Когда нам говорят, что это непрофильные направления университетского образования, и их можно закрыть, а значит порушить выросшие научные школы, то это, по-моему, полное безумие. Нельзя жить только проблемами сегодняшнего дня, какими бы сложными они ни были, надо смотреть в будущее и понимать последствия сиюминутных решений и действий. Они чем-то напоминают борьбу с генетикой и кибернетикой в 40-х и 50-х годах прошлого века, когда восторжествовали «марксисты-мичуринцы» и блюстители чистоты социалистической науки. В наше время этого не должно повториться. Мы ведем эту научную и преподавательскую работу уже 20 лет. Сегодня мы лучшие в этом направлении. Это надо ценить и беречь. И мы не собираемся от этой работы отказываться, поскольку ясно понимаем её значение для города, края и Дальнего Востока в целом.

Любая реформа в сфере высшего образования должна досконально просчитываться. И особенно — её последствия для регионов, чтобы они снова не столкнулись с проблемой «утечки мозгов».

ДИСТАНЦИОННЫЕ ТЕХНОЛОГИИ В СФЕРЕ ВЫСШЕГО ГУМАНИТАРНОГО ОБРАЗОВАНИЯ: ЗАРУБЕЖНЫЕ ОБРАЗЦЫ И ОТЕЧЕСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ³⁹

За последние годы в России было опробовано и введено немало новых образовательных технологий как в сфере начальной и средней, так и в сфере высшей школы. Реформа коснулась как содержания, так и формы образования; она иногда способствовала совершенствованию системы, позволяла избавиться от устаревших и мешающих ее развитию компонентов. В программах учебных направлений и специализаций появились новые курсы, и даже целые блоки курсов, обеспечивавшие формирование в процессе образования целостной картины мира учащегося, сближавшие гуманитарные, социальные и естественные знания. В учебном процессе всё чаще и активнее используются различные методы подготовки учащихся и контроля над их успеваемостью, достойное место получили различные письменные формы этого процесса, такие как тестирование, творческие письменные работы. Подобные формы делают возможным увеличение роли учащегося в ходе обучения, объективности контроля над его успеваемостью. Однако, к сожалению, эта роль все еще находится на неподобающем ей уровне в системе нашей школы. Слишком незначительное место занимают в учебных программах специализаций и направлений специальные курсы и семинары, а если таковые и можно обнаружить, то они не имеют альтернативного характера и носят форму обязательной дисциплины.

В благом стремлении увеличить удельный вес учащегося в его обучении, мы, однако, заходим иногда так далеко, что вместе с водой выплескиваем и ребенка. Так, например, введение целого комплекса общегуманитарных дисциплин на ряде факультетов как гуманитарного, так и естественнонаучного профиля привело к разрушению многолетней сбалансированной специальной подготовки учащихся; развернутые и базирующиеся на солидной методической основе (духовной и материальной: учебные пособия, научная литература, квалифицированные специалисты) курсы были сокращены, а высвобожденное время отдано на откуп псевдоэнциклопедической подготовке, состоящей из зачастую выдуманных в кабинетах чиновников соответствующих министерств и ведомств курсов, а иногда из курсов необеспеченных ни материально, ни духовно. От этого не выиграли ни энциклопедизм, ни специализация, ни учащиеся. Введение новых курсов, а тем более, целых структур образования требует долгого поэтапного подготовительного периода, за который была бы создана методическая база, прошедшая испытания на нескольких экспериментальных площадках.

К числу подобных откровенно неудачных попыток модернизировать наше образование принадлежит создание и ограниченное пока — к счастью — внедрение технологии дистанционного обучения. Эта технология в случае ее широкомасштабного использования в том виде, в котором она существует у нас сейчас, и в качестве основного привилегированного метода, окончательно похоронит высшее образование в России. Ее основные недостатки свидетельствуют о том, что она противопоказана высшей школе, вообще, и гуманитарной высшей школе, в частности. Особенно же тяжкие результаты применения этой технологии следует прогнозировать в России.

Главный недостаток технологии дистанционного обучения — в самой ее специфике, в сокращении времени непосредственного общения между учителем и учеником, замене их на малоэффективные для подготовки квалифицированного специалиста эпизодические контакты, выполняющие лишь контрольные функции. Учитель вообще оказывается избыточным звеном в этой технологии, его роль сводится лишь к пустому схоластическому толмачеству и контролю, то есть к действиям, которые могут быть с успехом выполнены и информационно-вычислительной машиной. Но механистичность в образовании недопустима на любом уровне школы. Остановимся подробно на перспективах внедрения подобной механистичности в высшую школу. Только опасная близорукость может помешать увидеть очевидные факты: иногда кажется, что студент, в отличие от ученика средней школы, способен к проявлению большей самостоятельности в работе, более заинтересован в получении знаний, увлечен исследовательскими задачами; допустим, что это так, однако наше допущение никак не может служить основанием для следующих рассуждений: студенту, мол, вообще нет необходимости учиться у каких-либо учителей, кроме компьютерных сетей и книг. Книги, конечно, как правило, содержат высококачественную информацию, иногда даже соответствующую современному научному уровню понятий о том или ином предмете. И все-таки неподготовленному человеку крайне сложно без квалифицированного комментария овладеть этой информацией. Скажем больше: речь идет не столько о комментировании, сколько о передаче личного опыта овладения информацией, возможной только в условиях непосредственного общения двух участников обучения, двух личностей — учителя и ученика. Ликвидация одного из звеньев этого процесса приведет не к увеличению самостоятельности ученика, а к низкому уровню его подготовки, лишению его творческой индивидуальности.

Высшее образование не является только собранием соответствующих сочинений, оно, прежде всего, состоит из индивидуальных точек зрения на ту или иную проблему. Но именно проблемности лишает дис-

танционное обучение высшую школу. Оно превращает ее в совокупность мертвых формул. В средней школе подобное упрощение имеет некоторое педагогическое обоснование, ведь средняя школа представляет собой своего рода введение в мир подлинной науки, но в средней школе мир этих формул расцветен эмоциональным напряжением знакомства с ними, личным обаянием учителя, элементами нравственного становления личности ученика. Вряд ли нашелся бы человек, который мог бы утверждать, что дистанционное обучение приемлемо для средней или начальной школы. Однако высшая школа, по мнению многих, все стерпит. Умственное становление человека может происходить и самостоятельно. Но умственное становление это не приобщение к информации, а обучение творческому мышлению. В идеале каждый курс в высшей школе должен быть вершиной современной науки в той или иной ее области, должен быть оригинальной и претендующей на всеобщее признание концепцией. Практика дистанционного образования показывает, что именно этими качествами эта технология и не обладает. В погоне за общедоступностью, а может быть, обреченные на нее, авторы методических пособий ограничиваются лишь ходячими фразами и штампами, безумным сокращением и упрощением реальной сложной научной картины той или иной частицы мира.

Однако допустим, что в каждом институте и университете будет создана соответствующая методическая база, которая позволит, сохранив специфику высшего образования, высвободить время для самостоятельной работы студента, увеличить объективность получаемых им знаний и форм контроля за его успеваемостью. Это те немногие существенные плюсы, которые привносят новые информационные технологии в образование и ради которых они, собственно, и должны были бы активно использоваться. В таком случае необходимо заметить, что телега никогда не едет впереди лошади. Сначала нужно создать такую базу, а затем уже постепенно вводить всю основанную на ней технологию. Что же мешало, однако, ввести ее раньше? Помимо всех уже указанных обстоятельств, конечно, еще и отсутствие материальной базы: полиграфических мощностей, средств на организацию творческих коллективов, которые могли бы в свободное от учебной нагрузки время работать над созданием методической литературы. Опыт зарубежных коллег, на который так часто ссылаются в последнее время, прежде всего, заключается в том, что дистанционное обучение занимает у них одно из самых последних мест в общей структуре образования, дипломы по переписке служат плохим основанием для приема на работу. Тем не менее, итальянский или французский профессор при учебной нагрузке в 12 часов в неделю зарабатывает 10 тысяч долларов в месяц, это позволяет ему выполнить его священную служеб-

ную обязанность: каждый год он издает новый учебник по тому курсу, который преподает, каждые три года — научную монографию. В России же подобная обязанность выразится, прежде всего, в увеличении неоплачиваемой новой непосильной нагрузки.

Не стоит забывать и о том, что в зарубежных Вузах технологии дистанционного образования основаны на активном использовании сетевых компьютеров и Интернета. Проживая в маленьком селении, можно получить доступ ко всему интеллектуальному богатству человечества, если есть компьютер и Интернет. Но мы прекрасно знаем, сколько компьютеров приходится на одного студента даже в самых богатых и престижных университетах, здесь пока не требуется цифр, настолько ничтожно малы выражаемые ими количества и несопоставимы с количеством студентов. Для всех русскоязычных пользователей Интернета очевидно, что его русские ресурсы на сегодняшний день не представляют ни научной, ни учебной ценности. Даже классические произведения ученых не введены в сеть, ни одна крупная библиотека не располагает сайтом, соответствующим по своей полноте ее бумажным ресурсам, вывешены пока только каталоги. В итоге, на сегодняшний день дистанционная технология в России представлена комплексом бумажных пособий, объемом в несколько печатных листов, несколькими тестами, вопросы которых соответствуют только содержанию этих пособий. Вся, например, философия или история умещается, таким образом, в шестидесяти — семидесяти страницах. Больше студенту знать ничего и не нужно и невозможно (неоткуда взять), а впрочем, чего о нем заботиться, если захочет, сам выучит, а если нет, так тоже не беда, главное — продать ему образовательные услуги, а спрос оправдывает предложение.

Для гуманитарного знания же введение технологии дистанционного обучения является просто катастрофой. Гуманитарное знание менее всего можно зафиксировать в каком-либо учебнике, оно складывается из огромного и разнообразнейшего собрания текстов и точек зрения, оно в своем росте никогда не вытесняет предыдущее, но только увеличивается. Помочь разобраться в этом море литературы способен лишь квалифицированный педагог, причем это количество литературы растет в геометрической прогрессии и никакой учебник не способен за ней успеть, он всегда должен сопровождаться курсом, создаваемым, что называется, по горячим следам. Наконец, всякий учебник эффективен только в том случае, когда его автор прочитал соответствующий курс перед его написанием и ему известна реакция учащихся на те или иные положения или концепции. Еще более сомнительным выглядит в этой связи тест как форма контроля. Можно спорить об объективности устного экзамена, но еще больше вопросов вызывает тест? Что мы проверяем, когда

тестируем студента? Очевидно, некие конкретные знания, а что, гуманитарное знание состоит только из таких конкретных сведений? Конечно, без них дело не обходится, но не они — суть всех дисциплин, вроде литературоведения, философии, культурологии, психологии. Гуманитарное знание — это, прежде всего, комплекс навыков и умений понимания этих сведений, соотнесения различных точек зрения на их существо. Никакой тест не в состоянии проверить это понимание, только устный диалог или творческое письменное сочинение.

Мы со всей решительностью заявляем, что на сегодняшний день нет никаких оснований для введения технологии дистанционного обучения в качестве основного способа профессиональной подготовки учащихся высшей школы в России. За всеми попытками сделать это несмотря ни на что скрывается лишь одно: стремление развалить российское образование, пойти на широкие сокращения профессорско-преподавательского состава, увеличить неоплачиваемую нагрузку оставшихся преподавателей и оплачиваемые учащимися услуги по предоставлению им неэффективной методической базы и некачественной профессиональной подготовки.

В дополнение к сказанному отметим, что предполагаемое в России в недалеком будущем введение Единого государственного экзамена как основного выпускного и вступительного испытания обладает всеми недостатками, характерными для любых дистанционных технологий обучения в качестве кейсов с промежуточной или итоговой аттестацией в форме тестирования. С точки зрения развития содержания нашего образования ЕГЭ — это значительный шаг назад. Перемещение же криминальности набора в университет из него в среднюю школу и создание так называемых равных условий поступления для всех, кроме абитуриентов ведущих вузов, вроде МГУ и СПбГУ, является очень сомнительным преимуществом и не компенсирует таких недостатков ЕГЭ, как создаваемый им отток населения из депрессивных регионов России в столичные. Напомним также, что Западное образование в основном отказалось от ЕГЭ и перешло к старому советскому принципу целевого набора в университеты на бюджетные специальности, необходимые экономике страны, и к полностью платному образованию по тем специальностям, где такая необходимость отсутствует. Вступительных испытаний нет ни в один западный вуз, а российское ЕГЭ есть следствие стремления сохранить бесплатность нашего образования на фоне его полной оторванности от нужд производства.

ШЕСТЬ ПРИНЦИПОВ БОЛОНСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ И РОССИЙСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ⁴⁰

О Болонском процессе и декларации все причастные к образованию в России люди — от студента до ректора — говорят в последнее время очень много. СМИ не публикуют почти ни одного сообщения о перспективах российского образования без упоминания Болонских событий, однако найти точную информацию о фактах и документах, чрезвычайно затруднительно, она всегда преподносится из вторых рук. Мы решили восполнить этот пробел в форме небольшого комментария, который кажется уместным именно в связи с тем, что все эти события и документы напрямую касаются или будут касаться уже в самом ближайшем будущем каждого российского преподавателя и студента⁴¹.

Итак, Болонский процесс — это важнейший компонент европейской интеграции. Европа объединяется на всех направлениях развития культуры. В области политики, права, экономики, связи, медицины и, конечно, образования. Цель подобного объединения — выдержать конкуренцию с США, проигрыш в которой грозит безопасности Европы. На сегодняшний день в Америку из-за рубежа ежегодно приезжают учиться более 650 тысяч студентов, тогда как на всю Европу приходится всего 250 тысяч студентов-иностранцев. Если же рассмотреть отдельно взаимобмен студентами между Европой и США, то с начала 1990-х годов число европейских студентов, обучающихся в США, превышает число американских студентов, обучающихся в Европе. А ведь «импортные студенты» вносят существенный вклад в экономику страны обучения: мало того, что платят за свое обучение, они к тому же тратят деньги на жилье, еду, одежду, электронную технику, развлечения и т. д.

19 июня 1999 года в Болонье — городе, где возник первый в мире Университет (случилось это событие 18 сентября 1088 года) — 29 министров образования европейских стран подписали декларацию об основных принципах создания общей Зоны европейского высшего образования. На сегодняшний день эту декларацию подписали уже 43 страны Европы и процесс перешагнул границы одного континента, к нему присоединяются в качестве ассоциированных членов страны Африки, Латинской Америки и Азии. 19 сентября 2003 года на Берлинском конгрессе Декларацию подписала и Россия. Каждые два года министры подписавших и ратифицировавших Болонскую декларацию стран собираются для проведения конгрессов, на которых подводятся итоги работы по реализации принципов декларации, обсуждаются трудности, препятствующие этой реализа-

40 Статья опубликована в марте 2005-го года.

41 Наиболее полно информация о событиях Болонского процесса, сама Болонская декларация и другие документы, принятые в ходе его развития, представлены на сайте www.teacher-edu.ru.

ции и намечаются перспективы работы на ближайшее будущее. Помимо ключевых встреч на правительственном уровне постоянно устраиваются семинары и конференции с привлечением ученых в области политики, социологии и педагогики, а также представителей различных общественных организаций, причастных к высшему образованию, на которых рассматриваются частные аспекты объединения. Процесс должен в целом быть завершен к 2010 году, когда будет создано единое образовательное пространство Европы и тяготеющих к ней стран.

Теперь о самой декларации. Существо декларации — шесть принципов: трехуровневое образование (бакалавр — магистр — доктор), единые дипломы о высшем образовании и приложения к ним, система оценок уровня знаний, базирующаяся на так называемых кредитах, мобильность образования, обеспечение качества образования, совместная политика в области образования. Остановимся кратко на каждом из этих принципов, учитывая специфику существующего российского образовательного контекста, который будет необходимо реформировать в соответствии с ними. Мы живем не просто на части территории Европы, но мы геополитически и культурно связаны с ней тысячами нитей. Движение по пути интеграции с Европой — оправданный, полезный и неизбежный процесс, который, конечно, потребует реформ. Совершенно очевидно, что любая реформа всегда имеет множество самых разнообразных последствий, которые подчас трудно предугадать, поэтому наш комментарий будет сосредоточен только на тех последствиях и аспектах реформы российского образования, которые кажутся сейчас наиболее вероятными.

1. В России сложилось образование, также имеющее три уровня, но существенно иные. Речь идет об уровнях: специалист — кандидат — доктор. **Принципы согласования отечественной системы уровней и степеней и европейской** по существу до сих пор никому не понятны. Рассматриваются несколько вариантов. Первый — полностью отказаться от отечественной системы и ввести болонскую. Это приведет к слому всей системы подготовки кадров, в которой сейчас работают миллионы людей. Я берусь заранее утверждать, что подобный поворот приведет к коллапсу в области образования в целом и серьезным проблемам в жизни и профессиональной деятельности студентов и преподавателей. Придется перестроить все учебные планы, отменить все выданные лицензии на подготовку специалистов, кандидатов и докторов наук. То есть придется все начать заново, как будто ничего до болонских событий в российском образовании не существовало. Не буду петь дифирамбы российскому образованию, о его качестве и недостатках здесь не место писать, это тема многих статей и книг, но никак не соглашусь с тем, что российскому образованию настало время спеть отходную. Если это произойдет, можно

будет с уверенностью окрестить Болонский процесс одним из важнейших этапов по уничтожению российской культуры и государства. Второй принцип согласования — встраивание европейских степеней в отечественную систему. Как кажется, именно на этот путь пытается встать российское образование в течение последних десяти лет, но пока ничего не получается сделать внятно. Фактически сосуществуют оба варианта степеней. Это существование не может продолжаться, если к Болонскому процессу мы будем относиться серьезно, а именно такие серьезные намерения и демонстрирует нынешний министр образования и науки России.

Во всех Болонских документах подчеркивается, что объединение не должно привести к повсеместной унификации образования, ибо это будет противоречить самой идее объединения. Специфика профессиональной подготовки должна сохраняться, ибо в противном случае не будет никакой нужды в объединении, поскольку везде все станет одинаковым и потребность в обмене опытом, образовательной мобильности утратит всякие основания. Применительно к проблеме российских степеней можно высказать в связи с этим следующее. Подготовка бакалавров и магистров существенно отличается от подготовки специалистов. Фактически бакалавриат представляет собой теоретическую подготовку, а магистратура — специализацию. Отечественные же специалисты почти со второго курса обучения были ориентированы на ту или иную специализацию; в ряде специальностей, инженерных, медицинских и других, такая интеграция теории и практики видится объективно необходимой. В Декларации Ассоциации европейских университетов (EUA), принятой 30 марта 2001 года в Саламанке, сказано следующее: «при некоторых обстоятельствах университет может вводить интегрированные учебные планы, ведущие непосредственно к степени магистра». Почему бы нам не воспользоваться этим тезисом? Если нам нужны специалисты, то есть своего рода синтез европейского бакалавра и магистра, нам следует продемонстрировать европейскому сообществу такие интегрированные учебные планы и присваивать по случаю их выполнения степень магистра. Понятно, что существуют такие специальности, которые с минимальными потерями можно диверсифицировать, то есть превратить в двухступенчатую подготовку, а есть такие, которые необходимо сохранить в виде интегрированного учебного плана изначальной подготовки магистров. Создание таких планов, конечно, снизит уровень мобильности обучающихся по ним студентов, но не уничтожит его совсем, если остальные аспекты Болонского процесса будут соблюдены при такой подготовке, прежде всего, система кредитов и модульности изучаемых дисциплин, о чем речь пойдет ниже.

Чтобы не разрушать отечественную традицию двух степеней послевузовского образования, необходимо ввести вместо степени кандидата

наук традиционные европейские степени — доктора философии, медицины, права и теологии (если уж средневековая культура так почитается в Европе до сих пор), а степень доктора наук сохранить в неизменном виде. Традиционная нострификация (признание в СССР и России) европейских ученых степеней всегда основывалось на этом принципе: наш кандидат = их доктор. По этому пути давно пошла Германия, образовательная система которой предполагает степень промоционального и габилитационного доктора, понятно, что промоциональный доктор и доктор философии — это одно и то же. Что мешает нам соответствовать в этом отношении европейским стандартам и сохранить при этом свою специфику, я вообще не понимаю. В случае развития событий по немецкому сценарию, конечно, придется увеличить объем полномочий нынешнего кандидата наук, то есть расширить его почти до уровня нынешнего доктора, а именно — разрешить ему готовить аспирантов, открывать направления магистерской подготовки, возглавлять ГАК и т.п. За доктором же наук можно сохранить консультирование докторантов, предоставить ему prerogative занимать руководящие должности и т.п. Детали этого процесса нуждаются в тщательной проработке. Понятно, что требования к кандидатом наук необходимо будет существенно усилить, соответствие же им могло бы устанавливаться как в рамках традиционных форм аттестации преподавателей (выдачи аттестатов профессора и доцента), так и других форм аттестации, например, периодического лицензирования или заключения контракта. Все эти градации и аттестации, безусловно, пошли бы на пользу образовательному процессу, поскольку стимулировали бы профессиональный рост преподавателя, что соответствует духу Болонского процесса, а именно, принципу «образования в течение всей жизни».

2. Второй принцип Болонской декларации вообще не нуждается в каких-либо комментариях. **Выдавать документы (Приложения к дипломам) единого образца, создавать соглашения о конвертируемости дипломов** — дело, безусловно, благое и необходимое. Понятно, что воплощение этого принципа в жизнь будет напрямую зависеть от того, как мы воплотим в жизнь первый принцип.

3. Третий принцип Болонской декларации — **введение системы кредитов как основного способа аттестации** требует подробного комментария. Несколько слов о том, что такое эти кредиты. Система была предложена в 1869 году в США ректором Джорджем Элиотом. В XX веке сначала Англия, а потом и большинство европейских стран перешли на эту систему. Кредиты или зачетные баллы даются студенту за все виды работ: аудиторные часы, часы на самостоятельную подготовку, творческие работы, письменные и устные формы контроля. Кредиты включают и оценки за сданный курс. Болонскими соглашениями предусмотре-

на единая система выдачи кредитов (ECTS). В этой системе необходимо набрать 180-240 кредитов для получения степени бакалавра и 90-120 для получения степени магистра. Один кредит соответствует 25-30 часам аудиторных занятий и самостоятельной подготовки. Каждый год студент вместе с тьютором (преподавателем-куратором курса или группы) выбирает траекторию образования. Все дисциплины, которые ему необходимо сдать, делятся на три группы. 60% дисциплин — обязательные и по своей последовательности, и по составу; еще 20% — обязательные только по составу, а когда их изучать, выбирает сам студент; и, наконец, оставшиеся 20% — курсы по выбору студента. Однако самостоятельность студента существенно ограничена: отдавая предпочтение той или иной «необязательной» дисциплине, он делает выбор не между отдельными предметами, а между модулями, то есть согласованными в блоки (модули) дисциплинами.

Система кредитов имеет несколько существенных достоинств. Во-первых, кредиты, полученные в одном ВУЗе должны засчитываться в другом, то есть это система перезачетов. Во-вторых, срока давности кредита не существует. Их должны засчитывать в течение всей жизни. Это позволяет увеличить образовательную мобильность студента, как в пространственном отношении (при переводе из одного университета в другой), так и в отношении смены квалификации (если ты захотел получить новую специальность, не надо сдавать заново дисциплины, которые ты уже сдавал, но которые входят в ее учебный план). Свобода в выборе спецкурсов и траектории обучения способствует росту творческого потенциала студента и — опять-таки — увеличивает его мобильность (ведь если не существует жесткого учебного плана для каждого курса, можно с меньшими потерями — академической разницей — переходить из одного университета в другой, из одной специальности в другую).

Основная проблема системы кредитов не в ней самой, — она, безусловно, хороша и работает во всех крупных университетах мира, — а в содержании образования, за освоение которого выдается кредит. Иначе говоря, разница в структуре программ — ничто по сравнению с разницей в содержании дисциплин. Именно последняя разница и тормозит интеграцию образования, препятствует мобильности, все условия для интенсификации которой создает система кредитов. Болонские соглашения содержат весьма характерный рефрен: образование должно быть разнообразным по своему содержанию, но это не должно идти в ущерб его качеству.

4. О четвертом принципе сказано уже очень много. Его комментировать незачем. Всем понятно, **что обмен студентами и преподавателями** идет на пользу всем. Что в условиях мировой интеграции созданы пораз-

ительные возможности для образовательного обмена на всех уровнях, от простого туризма до научного руководства, и грех этим не пользоваться, затрудняя его традиционными жесткими учебными планами или экзотическими учеными степенями.

И вот тут-то выясняется, может быть, самое печальное для Российского образования обстоятельство. Чтобы мобильность — эта безусловная ценность и неопределимое благо — Болонского процесса стала реальностью российского образования, самого этого процесса совершенно недостаточно. Второе условие ее реализации — экономический рост. Нужны деньги на то, чтобы поехать студенту в Европу, ибо Европа никому не обязана подавать милостыню, и платить надо нам самим. А с другой стороны, наше образование совсем не привлекательно, чтобы иностранцы, узнав о том, что у нас можно получить степень бакалавра, рванули за большие деньги учиться в Россию. Болонский процесс сам по себе не создает привлекательности образования, он лишь увеличивает уже имеющуюся. А что у нас? Устаревшая материальная база (как образовательная, так и социальная), низкооплачиваемый — и потому малоквалифицированный — преподавательский труд, отсутствие самой элементарной безопасности студента в условиях повышенной криминогенности поведения родного образованного общества. Так что, пока, к сожалению, мы от Болонского процесса получим только трудности, включая отъезд самых талантливых студентов за границу, а плюсы будут заметны еще очень не скоро.

5. Повышение качества образования — пятый принцип. Что тут скажешь? Надо, конечно, повышать. Предлагается увеличить количество аттестаций. Дело полезное. Помимо государственной (узковедомственной) аттестации и внутренней (университетской) в Европе проводят еще аттестацию общественную, в которой принимают участие представители транснациональных профессиональных сообществ, которые созданы за рубежом, и филиалы которых предлагается создать у нас (некоторые уже существуют в виде отечественных ассоциаций, которые необходимо интегрировать в международные, союз юристов, например, — не путать с профсоюзом работников МВД!). Надо создавать и надо проводить. Но на какие деньги? Чтобы требовать качества, соизмеримого с европейским, надо платить так же, как в Европе. А в Европе университеты оборудованы по последнему слову техники, литературы имеется ровно столько, сколько надо, евроремонт опять-таки и мебель, которая специально изготовлена для повышения эффективности педагогического процесса. А зарплаты... Профессор (а это просто человек, имеющий докторскую степень и принятый на преподавательскую работу в университет), например, получает от 6 до 10 тысяч евро в месяц, и при этом нагруз-

ка его не превышает шести — двенадцати аудиторных часов в неделю. Он, конечно, не лоботряс, и оставшееся от чтения лекций время посвящает повышению их качества. А одними реформами и аттестациями качества не повысишь. Эта простая истина непонятна, пожалуй, только нашему Министерству образования и науки.

б. Шестой принцип совсем прост и в комментариях не нуждается. **Создавать совместные органы образовательного менеджмента** полезно и необходимо. Проводить совместные конференции и другие мероприятия нужно. Остается только надеяться, что эта деятельность будет руководствоваться простым и хорошо испробованным принципом «Не навреди!».

Еще раз подчеркнем. На сегодняшний день российское правительство и научно-педагогическая общественность не выработали вменяемого и общепринятого стратегического и тактического метода реализации Болонской декларации в практике отечественного образования, поэтому до его выработки в целом и проверки в качестве эксперимента в отдельно взятых ВУЗах, до создания законодательной базы, которая бы обеспечила эту реализацию, до всеобъемлющего обсчета всех возможных негативных и позитивных последствий этого шага предпринимать конкретные шаги для выполнения взятых на себя обязательств — будет означать только одно — резкое ухудшение качества образовательных услуг и закрытие многих университетов, личные трагедии преподавателей и ученых, то есть, в конечном итоге, уничтожение создававшегося многие годы научно-образовательного капитала.

Документально-публицистическое издание

Докучаев Илья Игоревич

Persona grata.
Комсомольский-на-Амуре государственный
технический университет в лицах:
Книга-интервью

Компьютерная верстка и дизайн А.П. Павленко

Подписано в печать 14.07.2010
Формат 60x84 1/16. Бумага мелованая.
Усл. печ. л. 12. Уч.-изд. л. 13,1. Тираж 200. Заказ №3

Отпечатано в типографии ООО ПКП «ЖУК»,
г. Комсомольск-на-Амуре, ул. Павловского, 11